
ДМИТРИЙ ЛАЗАРЕВ
ЖНЕЦ ДУШ
ДЕВЯТАЯ ДУША
ВТОРОЙ ТОМ

Дмитрий Лазарев

Жнец душ: девятая душа

https://litres.ru/74743229
SelfPub; 2026

Аннотация

Сорок дней истекли, но история Кая не закончилась.

Очнувшись в странной больнице, он пытается понять, что происходит. Здесь за пациентами следят слишком внимательно, знакомые лица скрывают чужие тайны, а прошлое возвращается в видениях, которым всё труднее доверять.

В книге Жнеца появляются имена тех, кому предстоит умереть. С каждым новым именем крепнет Атаман — второе сознание Кая, готовое превратить жажду справедливости в череду убийств. Чтобы остановить его, Каю придётся разобраться в преступлениях отца и усомниться в собственных воспоминаниях. Но как узнать правду, если кто-то решает за тебя, что ты должен помнить?

Среди тех, кто рядом, есть женщина, которой он хочет верить, и человек, знающий больше, чем готов сказать. Пока Кай ищет ответы, песок продолжает отсчитывать время, приближая событие, способное разорвать границы привычного мира.

Восемь душ связаны прошлым. Но всё решит девятая.

Дмитрий Лазарев
Жнец душ: девятая душа

Дмитрий Лазарев
Книга 2
Жнец душ: Девятая душа

Эпизод 1

Сначала я услышал птиц.

Их разноголосое щебетание доносилось откуда-то издалека, постепенно становясь отчётливее, словно кто-то, поворачивая ручку старого радиоприёмника, пытался поймать нужную волну. Перед глазами колыхалось светлое марево, за которым проступали тёмные стволы деревьев, полоска берега и вода, поблёскивающая под солнцем. Я всматривался в эти очертания, пытаясь понять, где оказался, а они понемногу обретали глубину, наполняясь движением и знакомыми до боли звуками.

Повеяло сырой землёй, молодой травой и нагретой на солнце древесной корой. Где-то рядом плеснула вода, после чего раздался мальчишеский смех, заставивший меня невольно податься вперёд.

Я узнал его раньше, чем увидел самого мальчика.

Ванька.

Он бежал по тропинке, придерживая висевший за плечом самодельный лук и высоко поднимая ноги в зелёных резино-

вых сапогах. Жёлтая ветровка, расстёгнутая почти до середины, раздувалась на ходу, а съехавший на затылок капюшон подпрыгивал при каждом шаге. Остановившись возле поваленного дерева, брат оглянулся и, приложив ладонь ко лбу, принялся кого-то высматривать.

— Кай, ты идёшь или нет? Я сейчас без тебя всех перестреляю!

Из-за деревьев появился второй мальчишка, на ходу растягивая жгут рогатки.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы узнать в нём себя.

Весной 1993 года мне было одиннадцать лет, и тогда я ещё не знал, что обычный день, начавшийся со школьных уроков и планов на выходные, может запомниться на всю оставшуюся жизнь. У меня было всё, что требовалось для счастья: дом, родители и младший брат, который, отставая от меня на три года, ни в чём не желал уступать.

Мать занималась нами и домашними делами, успевая одновременно следить за кастрюлями на плите, проверять мои уроки и вытаскивать Ваньку из очередной неприятности. Он постоянно что-нибудь придумывал, однако большинство его затей начиналось с одного и того же вопроса:

— А Кай со мной пойдёт?

Без меня даже самое интересное занятие быстро ему надоедало. Собравшись во двор, Ванька дожидался меня у двери; усаживаясь перед телевизором, оставлял рядом место; полу-

чив что-нибудь вкусное, нёс показывать, заранее предлагая половину. Иногда такая привязанность раздражала, особенно когда хотелось побыть с ребятами постарше, но стоило кому-нибудь обидеть брата, как все мои недовольства мгновенно забывались.

Родители, замечая это, переглядывались, а отец любил повторять, что, пока мы держимся друг за друга, пропасть нам не дадут.

Сам он дома появлялся редко, служа старшим оперативным сотрудником в звании майора милиции. Начало девяностых обрушило на него столько работы, что даже в выходные мы не могли рассчитывать на обещанную прогулку: телефонный звонок, короткий разговор вполголоса — и отец, торопливо допивая остывший чай, уже тянулся за курткой.

Ванька обычно молча наблюдал за ним из коридора, пряча за спиной игрушку, которую собирался показать.

— Опять уходишь?

— Надо, Ванюш.

— А плохих ещё много осталось?

Отец, присев перед ним, ненадолго задерживал руки на его плечах.

— Хватает пока.

— Так ты всех сразу поймай, чтобы завтра не ходить.

Улыбнувшись, батя притягивал его к себе, а потом поднимался и, встретившись со мной взглядом, привычно кивал:

— За старшего остаёшься.

Я воспринимал эти слова всерьёз, хотя самому хотелось, чтобы он никуда не уходил.

Зато часы, проведённые вместе, мы с братом старались растянуть насколько это было возможно. Выбираясь на стадион, болели за «Сокол», перекрикивая соседние ряды и почти не разбираясь в правилах; отправляясь ранним утром на речку, спорили, кому нести банку с червями; гуляя по парку, упрашивали отца купить мороженое, хотя мать заранее велела не кормить нас сладким перед обедом.

Однажды он принёс домой игровую приставку, и с того вечера мы окончательно уверились, что лучше нашего бати никого на свете нет. Ванька, проигрывая, сердился и пытался заглянуть мне в руки, подозревая, что я нажимаю какую-то секретную кнопку, а отец, устроившись за нашими спинами, подсказывал обоим сразу, чем только усиливал путаницу.

С наступлением тёплых майских дней усидеть дома стало невозможно. Даже приставка перестала удерживать нас возле телевизора, когда из открытой форточки доносились крики дворовых ребят, а солнечный свет, ложась на пол, добирался до самых наших ног.

Водить нас в парк ежедневно отец не мог, поэтому однажды, вернувшись со службы, принёс несколько гибких веток, кусок резинового жгута и крепкую леску. Пока мать хлопотала на кухне, он сделал Ваньке лук, а мне — рогатку, тщательно обмотав рукоять, чтобы не натирала ладонь.

Брат, едва дождавшись окончания работы, натянул тетиву

и прищурился, целясь в дверной косяк.

— Эй, Робин Гуд, — остановил его отец, придерживая лук. — В людей не целиться, в окна тоже. Понял?

— А в разбойников?

— С разбойниками я сам разберусь.

Ванька задумался, явно оставшись недовольным таким распределением обязанностей, но спорить не стал.

В пятницу, седьмого мая, я вернулся из школы в прекрасном настроении, заранее решив не вспоминать об уроках до самого воскресного вечера. Бросив портфель в угол, откуда мать велела мне убрать его ещё накануне, я заглянул в комнату и крикнул:

— Ванька, одевайся! Погнали в парк, к озеру!

Брат появился так быстро, будто всё это время простоял за дверью, ожидая команды. На нём уже были тёмные штаны и жёлтая ветровка, а в руках он сжимал несколько ивовых стрел, старательно выровняв их по длине.

— Я готов.

— В сапогах по комнате ходил?

Ванька опустил глаза, посмотрев на свои ноги, и торопливо переступил на коврик.

— Я только проверил, не жмут ли.

Из кухни вышла мать, вытирая руки полотенцем.

— Проверил он… А следы тоже сами появились?

— Мам, мы ненадолго, — вмешался я, подталкивая брата к двери.

— До озера дойдёте и обратно. В воду не лезть, она ещё ледяная. И Ваню одного не оставляй.

— Да куда он от меня денется?

Мать поправила воротник Ванькиной куртки и, пригладив торчавшие волосы, посмотрела на меня уже серьёзнее.

— Я тебе говорю, Кай.

— Понял я, мам.

Брат, нетерпеливо переминаясь у порога, потянул меня за рукав, и через минуту мы уже бежали по улице, стараясь не наступать в подсохшие колеи.

До летнего зноя оставалось ещё далеко, поэтому майское солнце грело мягко, сохраняя в тени деревьев прохладу недавнего утра. После долгой снежной зимы всё вокруг казалось особенно ярким: и голубое небо, видневшееся сквозь редкую листву, и первая трава, пробивавшаяся между корнями, и вода в придорожных лужах, отражавшая верхушки деревьев.

Добравшись до парка, Ванька сразу свернул с дорожки, заметив белку. Она сидела на стволе, подрагивая хвостом и наблюдая за нами с таким спокойствием, что брат счёл это личным оскорблением.

— Стой! — скомандовал он, вытаскивая стрелу.

Пока он укладывал её на тетиву, белка перебралась выше, а выпущенная вдогонку веточка, едва задев кору, упала ему под ноги.

— Убежала, — сообщил Ванька, будто я сам не видел.

— Ты бы ей ещё заранее сказал, куда стрелять собираешься.

— Я её специально предупредил.

Подобрав стрелу и отряхнув налипшую землю, брат побежал дальше, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что я не отстаю.

Небольшое озеро лежало в низине, окружённое деревьями, склонившими ветви к самой воде. После таяния снега оно разлилось шире обычного, затопив прошлогоднюю траву и нижние корни прибрежных ив. Вода оставалась мутноватой, однако там, где солнце освещало мелководье, можно было разглядеть тёмные листья, тонкие стебли и мелкую живность, суетившуюся возле берега.

Ветер почти стих, лишь изредка пробегая по поверхности лёгкой рябью. Отражения деревьев тогда вытягивались, ломались, а затем вновь собирались в знакомые очертания, будто озеро терпеливо поправляло собственное изображение.

У воды пахло илом и влажной корой, а чуть выше, на прогретом склоне, воздух был наполнен запахом молодой травы. Между прошлогодними листьями пробивались цветы, над которыми кружились первые насекомые; в кронах, перебивая друг друга, перекликались птицы, и где-то за деревьями настойчиво стучал дятел.

Ванька, задрав голову, пытался его разглядеть.

— Слышишь? Будто гвоздь забивает.

— Дом себе делает.

— Клювом?

— А у него молотка нет.

Брат посмотрел на меня, решая, смеюсь я над ним или говорю серьёзно, после чего снова принялся высматривать птицу.

День был будничный, людей поблизости почти не встречалось, и вскоре нам стало казаться, что весь парк принадлежит только нам. Можно было бегать, перекрикиваться через озеро, придумывать собственные правила и менять их сразу же, как только они начинали мешать.

Ванька изображал Робина Гуда, преследуя белок и стреляя по сухим пням, а я, набрав подходящих камешков, устроился ближе к воде. Лягушки, гревшиеся у берега, с громким всплеском исчезали при нашем приближении, но стоило немного подождать, как над поверхностью снова показывались их настороженные глаза.

— Эта на тебя смотрит, — прошептал брат, присев рядом.

— Вижу.

— Она уже тебя запомнила.

— Значит, передаст остальным, чтобы не высовывались.

Ванька прыснул со смеху, не удержав равновесия, и наступил сапогом в воду. По поверхности разбежались круги, спугнув лягушку, а я недовольно опустил рогатку.

— Ну вот, помог.

— Зато ты не промахнулся.

Смеясь, он отскочил в сторону, прежде чем я успел отве-

сить ему подзатыльник.

Наблюдая за нами, я всё яснее различал подробности, которые, казалось, давно должны были исчезнуть из памяти. Надорванный карман на моей куртке, грязную полоску у Ванькиного подбородка, узел на тетиве, оставленный отцовскими руками, — всё это было настоящим до такой степени, что я несколько раз пытался приблизиться, забывая о невозможности прикоснуться.

Мне хотелось остановить брата, посадить рядом и просто послушать, как он разговаривает.

Я помнил его маленьким, но уже не помнил таким живым.

Через некоторое время Ванька подошёл ко мне, волоча лук за нижний конец. Жёлтая ветровка успела испачкаться на локтях и животе, а один сапог был покрыт грязью почти до самого голенища.

— Кай, у меня стрелы закончились. Что делать?

— Собери в траве, — ответил я, перебирая камешки. — Далеко они не могли улететь.

— Которые нашёл, я уже исстрелял.

— И где теперь остальные?

Брат кивнул на озеро, обиженно поджав губы.

— Плавают. На них лягушки сидят и квакают.

Я посмотрел на воду, где действительно покачивалось несколько тонких веточек, после чего протянул ему рогатку.

— Хочешь, пока из моей постреляй?

Ванька потеребил пальцами тетиву, не поднимая глаз.

— Нет.

— Чего нет-то? Сам же просил вчера.

— У тебя своя, а у меня лук.

В его голосе уже слышалось то знакомое дрожание, после которого обычно появлялись слёзы. Я убрал рогатку и, оглядев берег, указал на ивы, росшие чуть дальше.

— Ладно, стой здесь. Схожу, наломаю новых. Только потом сразу все в озеро не отправляй.

Ванька поднял голову.

— Много наломаешь?

— Сколько унесу.

— И прямые выбирай. А то кривые плохо летят.

— Слушаюсь, ваше величество.

Он мгновенно повеселел и, поправив капюшон, приложил ладонь ко лбу.

— Так точно, брат!

Я улыбнулся, стряхивая с его плеча сухую травинку, а затем подтянул сползший узел на тетиве. Ванька внимательно следил за моими пальцами, доверяя мне своё оружие с той серьёзностью, на которую способны только дети.

Как мало ему тогда требовалось для счастья: самодельный лук, несколько веток и уверенность, что старший брат никуда не денется. Можно было провести возле озера весь день, вернуться сюда завтра, потом ещё раз, и Ванька ни на минуту не усомнился бы, что так будет всегда.

Я смотрел на его голубые глаза, пытаясь запомнить выра-

жение, которое уже однажды потерял.

— Ладно, братишка, пойду, а то скоро домой собираться, — произнёс мальчишка, стоявший передо мной, поправляя Ваньке капюшон.

Вытерев большим пальцем грязь с его подбородка, он развернулся и пошёл вдоль берега.

Я знал, что до ив не больше ста метров, однако сейчас это расстояние казалось слишком большим.

— Не уходи, — сказал я, обращаясь к самому себе.

Мальчишка продолжал идти, перескакивая через выступавшие корни.

Я шагнул следом, собираясь схватить его за плечо, но пальцы прошли сквозь ткань, не ощутив даже сопротивления. Остановившись, я посмотрел на собственную ладонь, затем снова потянулся к нему, хотя уже понимал, что произойдёт.

Ничего.

Он не обернулся, не замедлил шаг и вскоре скрылся за низко свисавшими ветвями.

Ванька остался один.

Некоторое время брат стоял спокойно, послушно ожидая моего возвращения. Затем, заскучав, поднял с земли прутик и принялся выводить им на влажной почве какие-то линии, время от времени поглядывая в сторону ив.

Я находился рядом, настолько близко, что мог рассмотреть засохшие капли воды на его сапогах, но между нами ле-

жало расстояние, которого нельзя было преодолеть ни одним шагом.

— Ванюш, — позвал я, наклоняясь к нему. — Посмотри на меня.

Он провёл прутиком ещё одну черту, после чего выпрямился, услышав шорох за спиной.

По тропинке приближался мужчина лет тридцати, одетый в чёрный кожаный плащ. Для такого тёплого дня одежда казалась слишком тяжёлой, а перчатки, плотно обтягивавшие его руки, заставили меня насторожиться ещё до того, как я разглядел лицо.

Мужчина шёл неторопливо, ступая по сырой земле кирзовыми сапогами. На подошвах налипла рыжая глина, небольшие комья которой отваливались, оставаясь на траве.

Я уже знал, что сейчас произойдёт, хотя до этой минуты не мог вспомнить.

— Здравствуй, — произнёс он, остановившись возле Вани.

Брат молчал, сжимая лук и глядя поверх незнакомого плеча туда, где скрылся я.

Мы не раз говорили ему, что с чужими людьми разговаривать нельзя, особенно если рядом никого нет. Теперь Ванька старательно выполнял это правило, явно надеясь, что мужчина уйдёт, не получив ответа.

— Как тебя зовут, малыш?

Незнакомец переместился, закрыв ему обзор, и слегка на-

клонил голову, пытаясь поймать взгляд.

— Отойди от него, — сказал я, становясь между ними. — Слышишь меня? Отойди!

Мужчина продолжал смотреть на Ваню, будто меня здесь не существовало.

Я ударил его в лицо, вложив в движение всю силу, но рука прошла насквозь, не заставив его даже моргнуть. Потеряв равновесие, я качнулся вперёд и, развернувшись, снова бросился на него, пытаясь схватить за шею, за воротник, за что угодно, лишь бы оттащить от брата.

Пальцы не находили опоры.

— Не хочешь разговаривать? — усмехнулся незнакомец. — Я же не укушу.

Протянув руку, он взялся за Ванькин лук. Брат попытался удержать игрушку, однако тут же отпустил, испугавшись собственного сопротивления.

— Это папа сделал, — тихо произнёс он.

— Правда? А я думал, ты сам.

Мужчина повернул лук, рассматривая изгиб ветки, затем провёл пальцем по натянутой леске.

Я видел, как Ванька приоткрыл рот, собираясь позвать меня, но так и не решился. Его взгляд опустился к грязным сапогам незнакомца, плечи поднялись, а пальцы, оставшись без игрушки, вцепились в края ветровки.

— Зови его, Ваня, — просил я, наклоняясь к самому его лицу. — Кричи, братишка. Он рядом, он услышит.

Ванька только сглотнул, продолжая смотреть вниз.

— Ты чего такой бледный? — спросил мужчина. — Прямо привидение.

Он усмехнулся собственной шутке и, немного помедлив, добавил:

— Буду звать тебя Каспером.

Это имя прозвучало так неуместно среди птичьего щебетания и тихого плеска воды, что меня передёрнуло. Я снова попытался оттолкнуть незнакомца, а он, не заметив моего движения, небрежно смахнул капюшон с Ванькиной головы.

Брат вздрогнул, ещё сильнее втянув голову в плечи.

— Не трогай его, мразь…

Голос сорвался, однако мужчина даже не повернулся.

Я оглянулся на ивы, за которыми мелькнул рукав моей детской куртки. Там, всего в нескольких десятках шагов, я спокойно выбирал ветки, обламывая боковые побеги и проверяя, достаточно ли они прямые.

Мне захотелось оказаться сразу в двух местах: остаться с Ваней и одновременно добраться до того мальчишки, заставить его бросить всё, побежать обратно, успеть.

Я крикнул собственное имя, вложив в него столько отчаяния, что заболело горло, но возле деревьев ничего не изменилось.

— У меня в мастерской лук получше есть, — продолжал незнакомец, возвращая внимание брата к себе. — Настоящий, не эта палка. Хочешь посмотреть?

Ванька отрицательно покачал головой.

— Тут недалеко, в гараже. Сходим, выберешь себе.

— Мне брата ждать надо.

— Так мы быстро.

Положив ладонь ему на плечо, мужчина слегка потянул его в сторону тропинки.

Ванька неожиданно отпрянул, сбрасывая чужую руку.

— Я не пойду!

На короткое мгновение я испытал облегчение, почти поверив, что всё ещё может измениться. Он отказался, отступил, сумел произнести это вслух — теперь нужно было только бежать, пока между ними оставалось хоть немного свободного места.

— Беги! — закричал я. — Ваня, беги к нему!

Но мужчина уже схватил его за ветровку.

Жёлтая ткань натянулась в чёрной перчатке, собираясь крупными складками. Ванька, потеряв опору, попытался вывернуться, после чего наконец закричал:

— Кай! Помоги! Кай!

Я бросился к ним, вцепляясь в руку незнакомца, однако снова не почувствовал ничего, кроме собственного бессильного движения. Брат дёргал ногами, пытаясь достать до земли, а я, находясь рядом, не мог даже подставить ладонь под его сапог.

— Пусти его! Меня возьми, слышишь?! Меня!

Ванька, извернувшись, укусил мужчину за палец, и тот,

выругавшись, разжал руку, толкнув его от себя.

Брат упал на влажную землю, ударившись локтем, но почти сразу начал отползать, не сводя глаз с нависшего над ним человека.

— Кай! Кай, помоги!

— Замолчи! — рявкнул мужчина, шагнув следом.

Я стоял перед ним, размахивая руками, заслоняя Ваню собственным телом, хотя уже понимал, что он пройдёт сквозь меня так же легко, как я проходил сквозь него.

И всё равно пытался остановить.

Незнакомец нагнулся, удерживая лук, а я увидел натянутую леску и вспомнил всё, что должно было случиться дальше.

— Не надо, — выдохнул я, снова хватаясь за его запястье. — Только не это…

Он не услышал.

Ванька вскрикнул, пытаясь освободиться, а над озером по-прежнему перекликались птицы. От этого несоответствия происходящее становилось ещё страшнее: солнце не погасло, ветер продолжал шевелить молодую листву, вода поблёскивала возле берега, словно ничего особенного здесь не случалось.

Весь мир оставался прежним, пока мой брат звал меня на помощь.

За ивами хрустнула ветка.

Мальчишка, которым я когда-то был, наконец услышал

крик и, бросив собранные стрелы, рванулся к берегу. Низкие ветви хлестали его по лицу, цеплялись за одежду, однако он даже не пытался прикрыться, вырываясь из зарослей напрямик.

— Быстрее! — кричал я, следя за каждым его движением. — Кай, быстрее!

Он бежал, не понимая ещё до конца, что видит, и от этого непонимания на его лице застывало выражение, которое я узнал слишком хорошо.

Таким бывает лицо человека, успевшего испугаться раньше, чем осознать причину.

Ванька смотрел ему навстречу, продолжая цепляться за руки мужчины. Увидев брата, он попытался что-то произнести, но голос уже не послушался, а я, опустившись рядом на колени, твердил, что помощь близко.

— Он идёт, Ванюш. Видишь? Уже идёт. Только держись…

Я говорил это ему и самому себе, хотя помнил, чем закончится эта короткая дорога.

Маленький Кай споткнулся, упав на одно колено, и торопливо подобрал несколько камней. Поднимаясь, он уже натягивал жгут рогатки, после чего выстрелил на бегу, попав мужчине в спину.

Тот дёрнул плечом, однако не обернулся.

Второй камень ударил ниже, бессильно отскочив от плотной кожи плаща.

— Отпусти брата! — закричал мальчишка, остановившись в нескольких шагах.

Мужчина наконец повернул голову.

Я увидел его лицо, раздражённое чужим вмешательством, и на мгновение перестал слышать всё остальное. Мне хотелось запомнить каждую черту, чтобы потом найти его хоть на краю света, однако в следующую секунду он разжал руки, и Ванька остался лежать на земле рядом с брошенным луком.

— Что ты за тварь… — произнёс молодой Кай, вновь поднимая рогатку.

На этот раз он не торопился, натянув жгут до самого лица и целясь так, как учил отец.

Камень попал мужчине в правый глаз.

Вскрикнув, тот отшатнулся, прижимая ладонь к лицу, затем развернулся и побежал между деревьями. Кожаный плащ мелькнул за стволом, послышался треск кустов, а потом шаги начали удаляться.

Я не пошёл следом, даже не поднялся с колен, потому что Ванька лежал рядом, неловко подвернув одну ногу, и больше не звал меня.

Мальчишка бросил рогатку и опустился перед братом.

— Вань… Эй, Ванька…

Он осторожно взял его за плечо, будто боялся причинить боль, затем подхватил под спину и притянул к себе.

Голова брата запрокинулась, а капюшон, зацепившись за сухую траву, вывернулся наружу.

— Вставай, он убежал. Слышишь? Я его прогнал.

Я сидел напротив, наблюдая, как мои детские руки пытаются удобнее устроить Ваню, поправить ему куртку, стереть грязь со щеки. Всё это я уже делал однажды, только теперь видел со стороны и не мог заставить себя отвести взгляд.

— Пойдём домой, — продолжал мальчишка, покачивая брата. — Мама ждёт. Вань, ну хватит…

Он ещё не понимал или не позволял себе понять, прижимая ладонь к Ванькиным губам, затем к груди и снова возвращаясь к лицу, словно дыхание можно было пропустить, если проверить недостаточно внимательно.

Я тоже тянулся к нему, пытаясь ощутить хоть слабое тепло, но пальцы проходили сквозь жёлтую ткань.

— Ну пожалуйста… — услышал я собственный детский голос. — Я же пришёл.

В этих словах было столько растерянности, что я согнулся, упираясь ладонями в землю, которой не чувствовал.

Я ведь действительно пришёл, прибежал так быстро, как только мог, и сделал всё, на что оказался способен. Только между тем мгновением, когда брат позвал меня, и тем, когда я добрался до него, уместилось слишком многое, чтобы можно было исправить это одной отчаянной попыткой.

Ванька всегда верил, что я помогу.

Если он падал, я поднимал его; если боялся темноты, проходил первым; если старшие ребята отбирали игрушку, шёл разбираться, даже зная, что могу получить сам. Он привык

искать меня взглядом, прежде чем расплакаться, потому что рядом со мной любую неприятность можно было пережить.

И сейчас, до последнего мгновения смотря в сторону ив, он ждал именно этого.

Маленький Кай крепче обнял брата, уткнувшись лицом ему в волосы. Плечи мальчишки затряслись, однако плач вышел не сразу, застряв где-то внутри и заставляя его судорожно втягивать воздух.

Потом он всё-таки заплакал, уже не пытаясь говорить.

Я смотрел на нас обоих и вспоминал то, от чего столько лет отворачивался. Жёлтую ветровку, влажную землю под коленями, брошенный рядом отцовский лук и собственные слёзы, падавшие на Ванькино лицо.

Он собирался прожить здесь целое лето, гоняясь за бабочками, бегая по этому берегу и требуя, чтобы я снова наломал ему стрел. Ему казалось, что завтра обязательно наступит, а если что-нибудь пойдёт не так, старший брат окажется рядом.

Я находился рядом и тогда, и сейчас, но ни в одном из этих мгновений не мог его спасти.

Не знаю, сколько времени я провёл возле них, прислушиваясь к плачу и ожидая того, чего уже не могло произойти.

Постепенно звуки начали отдаляться. Сначала стихло птичье щебетание, затем перестал доноситься шелест листвы, а плеск воды сделался таким глухим, будто озеро оказалось за толстой стеной.

Подняв голову, я заметил, что дальний берег теряет чёткость.

Очертания деревьев дрогнули, медленно расплываясь в светлом воздухе. Солнечные блики потянулись длинными полосами, соединившись над водой, а трава возле моих колен стала прозрачной, словно сквозь неё проступало что-то другое, пока ещё недоступное взгляду.

Я потянулся к брату, пытаясь удержать хотя бы видение.

— Подожди, Ванюш…

Жёлтая ветровка ещё оставалась яркой среди бледнеющего пейзажа, но уже через мгновение я увидел сквозь неё землю. Мальчишка продолжал прижимать брата к груди, ничего не замечая, и его беззвучный плач пугал меня сильнее прежних криков.

Я наклонился ближе, стараясь рассмотреть Ванькино лицо, однако знакомые черты растворялись, как отражение, по которому провели ладонью.

— Я здесь, братишка, — произнёс я, хотя знал, что он не услышит.

Светлая дымка сомкнулась между нами, скрыв сначала его лицо, затем руки обнимавшего его мальчишки и, наконец, последнее жёлтое пятно на опустевшем берегу.

Ещё несколько мгновений я продолжал протягивать руки туда, где только что находился брат, не в силах принять, что мне пришлось потерять его второй раз.

Кто заставил меня забыть этот день — и зачем теперь вер-

нул сюда, позволив вспомнить всё, кроме того, как жить с этим дальше?

Эпизод 2

— Внимание!

Женский голос, прозвучавший где-то над головой, ворвался в происходящее с такой неуместной отчётливостью, что я невольно поднял глаза. Над деревьями по-прежнему висело светлое майское небо, однако голос шёл не оттуда. Он будто возник внутри меня, заглушив шелест молодой листвы и всхлипы мальчишки, прижимавшего к себе мёртвого брата.

— Внимание!

Я снова посмотрел на Ваню.

По его щеке медленно сползала моя детская слеза. Добравшись до подбородка, она замерла, так и не сорвавшись вниз. Следом остановилось всё остальное: ветви над озером, примятая трава, мои одиннадцатилетние пальцы, вцепившиеся в жёлтую курточку. Даже рот юного Кая, ещё мгновение назад искажённый криком, застыл приоткрытым.

Я оставался единственным, кто мог двигаться, хотя от этой свободы не было никакого толку.

— Подожди… — прошептал я, опускаясь рядом с братом. — Ещё немного.

Лицо Ваньки начало терять очертания.

Сквозь его щёку проступило синее пятно, похожее на след

пролитой краски. Расползаясь, оно поглотило висок, волосы и край капюшона, а затем превратилось в облупленную стену. Стволы деревьев вытянулись, становясь металлическими спинками кроватей, озеро потемнело и провалилось куда-то вниз, уступив место затёртому полу.

Я потянулся к брату, пытаясь хотя бы в последний раз коснуться его лица, но рука уже лежала поверх одеяла.

— Внимание! Всем покинуть помещения и пройти на плац!

Последние слова, усиленные дребезжащим громкоговорителем, окончательно вытолкнули меня из прошлого.

Передо мной был потолок.

По нему, разветвляясь над лампой, тянулась длинная трещина. Я смотрел на неё, чувствуя, как по вискам стекают слёзы, и всё ещё пытался удержать в памяти лицо брата. Не то, каким оно стало в последние мгновения, а прежнее — оживлённое, испачканное, с голубыми глазами, в которых отражалось целое лето.

«Так точно, брат!»

Губы дрогнули, однако произнести его имя не получилось.

Я хотел повернуться, но тело не подчинилось. Руки лежали поверх одеяла, ноги вытянулись под ним, а грудь словно придавили чем-то тяжёлым, оставив ровно столько воздуха, чтобы не задохнуться. Я видел палату, слышал скрип кроватей и шлепанье босых ног, но оставался неподвижным, будто

какая-то часть меня ещё стояла на коленях у озера.

«Проснись. Ты уже проснулся. Пошевелись».

У стены кто-то закашлялся. Справа звякнула металлическая кружка, упавшая на пол. Эти обыкновенные звуки должны были успокаивать, подтверждая, что страшное осталось во сне, однако я слишком хорошо помнил, с какой надеждой Ванька смотрел туда, откуда должен был прибежать я.

И как долго меня не было.

Вчера, двадцать первого июня, меня привезли сюда. Сегодня наступило двадцать второе.

Я повторил про себя обе даты, стараясь зацепиться за них, как за поручень на скользкой лестнице. Две тысячи двадцать четвёртый год. Никакого озера рядом нет. Мне давно не одиннадцать лет.

Но брат от этого не становился живым.

В прежней психиатрической больнице я провёл сорок дней, и, если верить тому, что мне объяснили перед отправкой, всё это время находился в одиночной палате. Сорок дней медики наблюдали за игрой, правила которой придумал мой собственный мозг, пострадавший после аварии.

Восьмого мая я сел за руль пьяным.

С этого, как мне казалось, всё и началось.

Травма, лекарства, провалы в памяти, чужие голоса, лица людей, которых рядом со мной никогда не было. Мне предложили объяснение, достаточно стройное, чтобы я захотел

в него поверить: не справляясь с происходящим, сознание разделило непосильную ношу между выдуманными собеседниками.

Косте достались тревога и тоска по дому. Василичу — усталость, уныние и безразличие к тому, что ещё недавно радовало. Олег рисовал то, чему я сам не мог подобрать слов, царапая стены и будто вытаскивая наружу мой внутренний мир. В Захаре отразились беспомощность, одиночество и страх человека, прикованного к кровати. Аркаша принёс с собой воспоминания о выпивке, женщинах и прежних развлечениях, внезапно оказавшихся недоступными.

Рядом с Антоном я чувствовал себя увереннее.

Рядом с Атаманом — сильнее.

У каждого нашлось своё место в объяснении моей болезни. Даже для тех, кто потом приходил за ними, убивая одного за другим, нашлись подходящие слова: сознание избавлялось от созданных образов, перерабатывало страх, возвращалось к действительности.

Мне хотелось принять это.

Очень хотелось.

Только, вспоминая их лица, я почему-то помнил не симптомы и не врачебные формулировки. Я помнил, как они разговаривали. Как обижались, спорили и пытались выжить. Помнил круглые очки Аркаши, Костину худую спину у окна, Атаманов взгляд, в котором иногда было больше понимания, чем во всех объяснениях, услышанных мной после лечения.

Неужели всё это действительно мог придумать я?

А если мог, то откуда мне знать, что сейчас перестал?

По пальцам правой руки пробежало покалывание. Я сосредоточился на нём, с трудом согнув мизинец, затем безымянный. Давление на грудь понемногу ослабевало.

Вокруг поднимались люди.

Кто-то торопливо натягивал штаны, придерживая их одной рукой, кто-то заправлял одеяло, разглаживая его с такой старательностью, словно от складок зависела дальнейшая жизнь. Почти никто не разговаривал. В этой общей поспешности чувствовалась привычка, которую я ещё не успел приобрести.

Новое место представляло собой ту же больницу, только предназначенную для людей, совершивших преступления. По крайней мере, именно так мне объяснили причину перевода.

Авария была настоящей.

Смерть матери — тоже.

Врачи и те, кто решал мою дальнейшую судьбу, пришли к выводу, что человек погиб из-за моих действий. Однако, учитывая моё состояние, отправили меня на принудительное лечение.

Здесь я должен был окончательно прийти в себя.

Больница занимала старую крепость посреди океана. Ещё вчера, проходя по её коридорам, я разглядывал толстые стены и глубокие оконные проёмы, стараясь представить, кто

жил за ними раньше. Помещений здесь оказалось множество, и, судя по услышанному при поступлении, часть из них разрешалось посещать под присмотром сотрудников.

Тогда это даже показалось мне обнадёживающим.

Люди выглядели настоящими. Их голоса звучали обыкновенно, лица не менялись у меня на глазах, а за окнами не шевелилось ничего такого, чему нельзя было бы найти объяснение.

После прежней больницы этого оказалось достаточно, чтобы я позволил себе немного успокоиться.

Дверь распахнулась, ударившись о стену.

— Кому тут тепло и уютно? Быстро на плац! На зарядку!

Вошедший первым здоровяк не стал ждать, пока его услышат все. Подойдя к ближайшей кровати, он ударил резиновой палкой по одеялу, под которым ещё оставались чьи-то ноги.

Человек вскрикнул, поспешно отдёрнув их.

— Я встаю! Уже встаю!

— А я вижу, что лежишь.

Следующий удар пришёлся по плечу.

Вслед за здоровяком в помещение вошли ещё двое. Один, вытянув шею, оглядывал кровати с жадным любопытством, словно надеялся первым заметить нарушителя. Другой, невысокий, держал палку за середину и на ходу постукивал ею по ладони.

Я приподнялся на локте, пережидая накатившее голово-

кружение.

— Тебя это тоже касается!

Резкий удар обжёг больную ногу.

Я дёрнулся, схватившись за неё, и непроизвольно выругался. Боль, пройдя от колена выше, окончательно вернула телу способность чувствовать.

— Время шесть ноль пять! — сообщил стоявший надо мной сотрудник, будто названное время объясняло всё. — Сколько можно приглашать?

— Не слышали, что сказал Бос?! — подхватил невысокий, замахиваясь на мужчину, который никак не мог попасть ногой в штанину.

Тот попытался отвернуться, но палка настигла его раньше.

Так началось моё знакомство с местными порядками.

Старшего здоровяка, как я понял, называли Босом. Закатанные рукава синей камуфлированной формы открывали массивные предплечья, а расстёгнутая до середины груди куртка едва сходилась на широком туловище. На его поясе висела связка ключей, негромко звякавшая при каждом шаге.

Он был огромным, но ещё сильнее, чем размеры, действовала уверенность, с которой он не суетился. Не повышал голос без необходимости. Ударив человека, смотрел на него так, будто проверял исправность какого-нибудь механизма.

Остальные спешили к выходу, стараясь не задерживать-

ся рядом с ним. Мужчина с покрасневшим плечом, проходя мимо моей кровати, скользнул по мне взглядом и тут же отвернулся.

Я осторожно спустил ноги на пол.

— Бос, смотри на того чепушилу! — громко произнёс сотрудник, ударивший меня. — Он забил на тебя.

Здоровяк повернул голову.

Несколько секунд он разглядывал меня, не меняя выражения лица, затем медленно сжал рукоять палки.

— Заткнись, Шнырёв.

Тот сразу умолк, однако улыбка осталась.

Бос двинулся в мою сторону.

Неторопливо, позволяя мне рассмотреть его как следует, он прошёл между кроватями, оттеснив плечом замешкавшегося пациента. Связка ключей звякнула снова. Я упёрся ладонями в матрас и встал, стараясь перенести вес на здоровую ногу.

— Вам стоило бы вести себя культурнее с больными людьми, — сказал я.

Голос прозвучал хрипло, но достаточно громко.

Бос остановился.

— Чего?

— Говорю, люди здесь лечатся.

Он посмотрел на мою руку, которой я всё ещё придерживался за спинку кровати, затем перевёл взгляд на лицо.

— А ты у нас, значит, самый больной?

За его спиной кто-то тихо хмыкнул.

— Я попросил вас не бить их.

— Попросил… — повторил Бос, будто пробуя незнакомое слово. — Слышал, Шнырёв? Он попросил.

— Культурный попался, — услужливо отозвался тот.

Я убрал руку со спинки.

Пальцы сами сжались в кулаки, хотя всё, что оставалось во мне разумного, требовало замолчать. Я едва стоял, нога болела, а передо мной находился человек, привыкший добиваться послушания одним движением руки.

Но перед глазами всё ещё был Ванька.

Его маленькая ладонь, отталкивающая чужую.

Его страх.

И собственная беспомощность, которую я только что пережил во второй раз.

— На выход, красавчик, — произнёс Бос, указав палкой на дверь.

— Уберите это.

Я посмотрел на палку, потом снова ему в лицо.

Улыбка исчезла не сразу.

Сначала он словно не поверил, что услышал меня правильно, затем чуть наклонил голову, разглядывая меня уже с другим интересом.

— Ты сейчас меня учить будешь?

— Пока только разговариваю.

— Урони наглеца, Бос! — подал голос Шнырёв.

— Я верю в тебя! — добавил невысокий и, будто в подтверждение своих слов, толкнул к выходу оказавшегося рядом пациента.

Бос шагнул ближе.

Я слышал собственное дыхание и стук сердца, отдававшийся где-то в повреждённой голове. Пространство между кроватями внезапно показалось слишком узким. Отступить можно было только назад, упершись коленями в матрас.

Он поднял руку.

Я успел увидеть, как рукав натянулся на плече, и чуть подался в сторону, готовясь принять удар, когда над его головой мелькнуло что-то белое.

Простыня.

Расправившись в воздухе, она опустилась на Боса, накрыв лицо и широкие плечи. Он выругался, дёрнул свободной рукой ткань, но та зацепилась за поднятую палку, на мгновение запутав его ещё сильнее.

Этого мгновения мне хватило.

Я ударил туда, где под белой тканью угадывалось лицо.

Кулак отозвался болью, однако Бос отшатнулся, задев бедром соседнюю кровать. Не давая ему опомниться, я ударил снова, а затем ещё раз, чувствуя, как накопившаяся злость наконец находит выход.

Он попытался схватить меня, но пальцы сомкнулись на плече футболки и соскользнули.

Краем глаза я заметил худощавого парня возле соседней

кровати. Его руки ещё оставались поднятыми после броска.

Это он набросил простыню.

Незнакомый человек, которому проще всего было уйти вместе с остальными.

Я не успел рассмотреть его лица. Бос рванулся вперёд, и мне пришлось отступить на полшага, пропуская его руку мимо себя. На простыне возле рта проступила кровь.

— Сними… — прохрипел он из-под ткани. — Сними с меня!

Я ударил ещё раз.

Металлическая спинка кровати загремела о стену. Здоровяк качнулся, на мгновение потеряв равновесие, и я, поверив, что сумею повалить его, двинулся следом.

— Держи!

Удар в спину вышиб воздух из лёгких.

Я согнулся, развернувшись навстречу новой боли, и увидел Шнырёва, уже заносившего палку повторно. Подставив предплечье, я шагнул к нему, пытаясь сократить расстояние, однако с другой стороны меня ударили по плечу.

Рука онемела.

— Куда полез?!

Невысокий сотрудник отскочил, когда я попытался его схватить. Пальцы скользнули по камуфляжу, зацепились за карман и тут же разжались после нового удара.

Я ещё держался на ногах.

Уперевшись боком в кровать, я прикрыл голову, стараясь

не дать им зайти сзади, но вдвоём они двигались быстрее, чем я успевал поворачиваться. Резина хлестнула по рёбрам, затем по руке. Я толкнул Шнырёва плечом, заставив его отступить, и почти сразу почувствовал, как больная нога подламывается.

Пол приблизился рывком.

Я успел выставить ладонь.

— Лежать!

Палка ударила рядом с пальцами.

Я отдёрнул руку и, вцепившись в нижнюю перекладину кровати, попытался подняться. Перед глазами поплыли тёмные пятна, однако злость ещё удерживала меня в сознании.

Не хотелось снова оставаться на коленях.

Не хотелось смотреть снизу вверх и ждать, пока другой человек решит, что со мной сделать.

Я подтянулся, подняв одно колено с пола, но новый удар заставил разжать пальцы.

Кто-то возле двери коротко вскрикнул. Сквозь шум в ушах я попытался различить голос парня, помогшего мне, однако услышал только ругань и тяжёлое дыхание сотрудников.

— Хватит.

Бос произнёс это негромко.

Удары прекратились.

Я остался на четвереньках, опустив голову и пытаясь вдохнуть так, чтобы грудь перестала гореть. Перед лицом

лежал край сброшенной простыни. По ткани расплывалась кровь.

Чёрные берцы остановились совсем рядом.

— Дальше я сам.

Я поднял голову.

На лице Боса уже не было прежнего самодовольства. Он провёл ладонью по разбитым губам, посмотрел на пальцы и медленно вытер их о простыню.

За его спиной стояли оба сотрудника, притихшие и неожиданно серьёзные.

— Ну что, красавчик, — произнёс он. — Поговорили?

Я попытался ответить, но вместо слов вырвался кашель.

Бос наклонился чуть ближе.

На мгновение мне показалось, что за его спиной снова темнеют деревья, а между металлическими ножками кроватей лежит примятая весенняя трава. Я моргнул, прогоняя наваждение, и почувствовал, как пальцы скользят по гладкому полу.

Нужно было подняться.

Хотя бы ещё раз.

Я перенёс вес на ладони, напряг плечи и начал выпрямляться.

Удар пришёлся в затылок.

Синие стены резко качнулись, разойдясь в стороны. Я увидел перед собой чёрный берец, несколько тёмных капель на коже и почему-то подумал о рыжей глине, прилипшей к

чужим сапогам много лет назад.

Потом исчез и берец.

Последним я услышал звяканье ключей, которое ещё несколько мгновений продолжалось в темноте.

Эпизод 3

— Будь ты проклят!

Женский крик возник раньше, чем я успел что-либо увидеть. В темноте послышались глухие удары, затем — тяжёлое дыхание мужчины, который почему-то не пытался защититься.

— Не надо…

Перед глазами постепенно проступила наша кухня.

Мать била отца в грудь, вкладывая в каждый удар столько сил, словно от этого зависело, сможет ли она ещё хотя бы раз обнять Ваньку. Отец стоял перед ней, опустив голову, и принимал удары молча, лишь изредка шевеля губами. Воротник его рубашки был расстёгнут, один край выбился из брюк, а на рукаве темнела кровь, происхождение которой мне не хотелось угадывать.

— Ненавижу! — выкрикнула мать, снова ударив его кулаком. — Слышишь? Ненавижу!

— Тише…

— Как ты мог такое допустить?! Где ты был?!

Он поймал её руку, но сделал это осторожно, не сжимая запястье.

— Я виноват.

— Виноват? — переспросила она, будто не поняла услышанного. — И всё? Вот так просто — виноват?

Отец молчал.

— Почему тебя не было рядом с ними? Почему ты всё время где угодно, только не с нами?!

Пощёчина прозвучала резко, заставив меня невольно вздрогнуть. Голова отца дёрнулась в сторону, однако он даже не отступил. Медленно повернувшись к матери, он перехватил и вторую её руку.

— Не надо…

— Отпусти! — Она рванулась, пытаясь вырваться. — Твоё место не здесь! Ты понимаешь? Не здесь!

Я стоял у кухонного стола, возле которого когда-то делал уроки, пока мама готовила ужин. Знакомая клеёнка с потёртым рисунком свисала почти до сиденья табурета. Под потолком горела лампа, освещая шкафчики, посуду возле раковины и старый холодильник «Саратов», работавший с привычным натужным гудением.

Всё находилось на своих местах.

От этого становилось ещё страшнее.

Я помнил эту кухню наполненной обычными звуками: звоном ложек, шипением сковородки, Ванькиными просьбами дать ему попробовать то, что ещё не успело приготовиться. Теперь же, глядя на мать, я не мог совместить её лицо с тем, которое хранил в памяти. Казалось, за несколько часов

она постарела настолько, что годы, проведённые мною вдали от детства, прошли и по ней.

— Мам…

Слово вышло само, тихо и беспомощно.

Она не повернулась.

Я сделал шаг, хотя уже знал, что ничего не получится. Хотел прикоснуться к её плечу, остановить дрожь, сказать хоть что-нибудь, но рука прошла сквозь ткань домашней кофты, не почувствовав даже тепла.

Мать продолжала смотреть на отца.

А я снова оставался рядом, не имея возможности помочь.

Отец поднёс её руки к своему лицу и прикрыл глаза. Несколько секунд он стоял так, прижимаясь губами к её пальцам, словно пытался удержать последнее, что ещё связывало его с прежней жизнью.

— Я найду его, — произнёс он. — Ради тебя и Кая. Найду.

Мать перестала вырываться.

На мгновение мне показалось, что она услышала его, что сейчас силы окончательно оставят её и отец сможет хотя бы обнять её. Но лицо её вдруг исказилось, а в глазах появилось отчаяние, перед которым любые обещания становились бессмысленными.

— Вот и ищи! — Она выдернула руки. — Чтоб ты… умер! Проклинаю!

Он едва заметно вздрогнул.

— Любимая…

— Не называй меня так.

— Послушай…

— Верни его.

Отец поднял голову.

— Верни мне сына, — повторила мать, уже тише. — Ты же всё можешь. Ты же у нас всех находишь, всех спасаешь… Верни его.

Он открыл рот, но ничего не сказал.

— Как хочешь, — продолжила она, захлёбываясь слезами. — Мне всё равно, как. Только верни. Мне… нам…

— Я…

— Верни.

Слово прозвучало почти спокойно. Именно это спокойствие оказалось невыносимым.

— Хорошо, — выдохнул отец.

Я смотрел на него, не понимая, как можно согласиться с тем, что невозможно выполнить. Возможно, в тот миг он и сам не слышал собственного ответа, произнеся единственное слово, после которого мать хотя бы на секунду перестала плакать.

Он наклонился, собираясь поцеловать её, но она отвернулась.

Возле холодильника висел отрывной календарь.

7 мая 1993 года. Пятница.

Тот же день.

Я долго смотрел на цифру, будто она могла измениться от

моего взгляда. За этим тонким листком оставались спрятаны другие дни: суббота, воскресенье, следующая неделя. Целая жизнь, которая для всех нас должна была продолжиться.

Для всех, кроме Ваньки.

Над холодильником тикали старые часы. Маятник раскачивался за стеклом, отмеряя время с равнодушной точностью, а стрелки показывали десять вечера.

Часы шли.

После всего, что происходило со мной в больнице, это простое движение приковало внимание сильнее, чем должно было. Я следил за маятником, вслушивался в щелчки механизма и никак не мог отделаться от мысли: здесь время ещё подчиняется привычным правилам. Минута сменяет минуту, и никто не замечает, как вместе с ними уходит возможность что-то исправить.

На календарном листке мелким шрифтом была напечатана заметка о первых часах с боем на Руси и часовщике Лазаре Сербе. Когда-то я, наверное, даже не прочитал бы её. Сейчас же взгляд цеплялся за каждую строчку, словно среди этих чужих сведений могло найтись объяснение тому, почему меня заставляют снова проживать этот вечер.

Позади скрипнула половица.

Мать вышла из кухни, держась рукой за дверной косяк. Отец сделал движение вслед за ней, но остановился. Через несколько секунд из спальни донёсся приглушённый плач.

Он остался один посреди кухни.

Провёл ладонью по лицу, посмотрел на пустой дверной проём и медленно опустил руку. На щеке проступал след пощёчины. Мне захотелось подойти к нему, как в детстве, уткнуться лбом в его грудь и услышать, что всё обязательно наладится.

Но передо мной стоял человек, который больше не знал, как это сделать.

— Пап…

Он не услышал.

Взяв со спинки стула куртку, отец направился в прихожую. Там что-то негромко звякнуло, зашелестела одежда. Я двинулся следом, однако расстояние между нами вдруг стало увеличиваться, хотя он уже остановился возле двери.

Щёлкнул замок.

Мне хотелось выйти вместе с ним, узнать, куда он собирается, но пол под ногами потерял твёрдость. Очертания прихожей расплылись, стены будто отступили, пропуская между собой сероватую дымку.

Последним исчез звук часов.

Несколько мгновений их размеренное тиканье ещё доносилось откуда-то из глубины тумана, после чего оборвалось.

Сначала я почувствовал запах сырой земли.

Затем услышал шелест ветвей и далёкий смех, слишком громкий для этого места и этого часа.

Туман редел, открывая знакомые деревья. Между стволами проступила дорожка, а дальше, в стороне, тускло блесну-

ла вода. Я снова оказался в парке, неподалёку от озера.

Днём здесь кричал Ванька.

Теперь было тихо.

Луна освещала верхушки деревьев, оставляя возле земли густые полосы тени. Редкая молодая листва едва шевелилась, и в её движении чудилось что-то осторожное, словно даже ветер старался не тревожить место, где всего несколько часов назад оборвалась жизнь моего брата.

Я невольно посмотрел в сторону берега.

Не хотелось идти туда. Не хотелось снова увидеть примятую траву, ивы и землю, по которой он пытался отползти.

— Куда прёшься?!

Резкий окрик заставил меня обернуться.

На дорожке стояла компания молодых парней. Один держал бутылку за горлышко, другой покачивался, прислонившись плечом к дереву. Перед ними остановился прохожий в серой куртке. На нём были наушники, провод от которых тянулся к кассетному плееру.

— Извините, — сказал он, снимая наушники. — Не хотел вас задеть. Случайно вышло.

Высокий парень, перегородивший ему дорогу, медленно повернулся к приятелям.

— Случайно у него вышло. Слышали?

Кто-то хмыкнул.

— Ты меня плечом ударил, — продолжил он, вновь уставившись на прохожего. — Специально. Мои пацаны видели.

— Да-да, — охотно подтвердили за его спиной. — Прямо на тебя шёл.

Я подошёл ближе.

Зачинщик стоял, чуть расставив ноги, и смотрел на незнакомцас ленивым ожиданием. В его поведении пока не было спешки. Он будто оставлял человеку возможность сказать что-то ещё, заранее зная, что любой ответ окажется неправильным.

— Я же извинился, — произнёс парень в серой куртке. — Дайте пройти.

Улыбка исчезла с лица высокого.

— Ты мне указывать будешь?

— Я не указываю.

— А я чувствую неуважение к себе.

Он схватил прохожего за отвороты куртки, сминая ткань, и подтянул к себе.

Движение показалось знакомым.

Не само по себе, а вместе с тем, как он выпрямился после него, как приподнял подбородок и покосился на приятелей, проверяя, смотрят ли они.

Внутри неприятно похолодело.

Я уже видел этот взгляд.

Совсем недавно он был направлен на меня — из-под тяжёлых надбровных дуг, над расстёгнутым воротом синей камуфляжной куртки.

Бос.

Здесь он был моложе. Лицо ещё не приобрело той тяжести, которую я успел запомнить, да и тело выглядело иначе. Но, наблюдая за ним, я всё меньше сомневался.

— Он тебя ещё и не слышит! — выкрикнул кто-то из компании. — Музыку свою слушает!

Бос перевёл взгляд на наушники, висевшие теперь на шее прохожего.

— Хорошо живёшь?

— Отпусти куртку.

— Чего?

— Порвёшь.

На мгновение стало тихо, а потом за спиной Боса рассмеялись.

Он усмехнулся вместе со всеми, но пальцы сжал сильнее.

— Курточку жалко?

— Я ничего вам не сделал.

— Сейчас разберёмся.

Парень попытался отвести его руку. Движение получилось неловким, скорее защитным, однако Босу хватило и этого. Рванув прохожего на себя, он перехватил его, наклонился и неожиданно поднял над землёй.

— Эй! Ты чего?!

Ноги парня взметнулись вверх.

Кто-то радостно присвистнул.

Наушники соскользнули с шеи, повиснув на проводе. Плеер вывалился из кармана и качнулся возле лица пе-

ревёрнутого человека. В лунном свете мелькнула надпись «WALKMAN».

— Всё твоё теперь моё! — объявил Бос. — Придётся заплатить, лошара!

— Поставь меня!

Прохожий пытался зацепиться за его одежду, но куртка задралась, стесняя движения. Из кармана посыпалась мелочь, негромко звякнув о дорожку.

Бос снова посмотрел на приятелей.

Ему было мало того, что человек уже испугался. Он ждал смеха, одобрения, ещё одного выкрика, который позволил бы продолжить.

— Вытряхивай! — донеслось из темноты.

Я шагнул вперёд.

— Хватит.

Слово ничего не изменило.

Бос резко опустил руки.

Раздался короткий глухой удар.

Смех оборвался.

Парень вскрикнул, пытаясь обхватить голову ладонями, насколько позволяла перевёрнутая поза. Несколько секунд он не мог произнести ни слова, только судорожно втягивал воздух.

— Отпусти… — выдавил он наконец. — У меня рана…

Я оказался рядом, машинально потянувшись к нему, но пальцы вновь не встретили сопротивления. Ни ткани, ни жи-

вого тела — ничего.

Беспомощность накрыла с такой силой, что стало трудно дышать.

— Брось его, — сказал один из приятелей Боса. — Хватит уже.

— Чего?

— У него вся башка в крови. Нас повяжут!

Бос разжал руки.

Прохожий рухнул на дорожку и, согнувшись, прижал ладонь к голове. Плеер ударился рядом, крышка кассетного отсека распахнулась.

Никто не наклонился помочь.

Бос шагнул к приятелю, который попытался его остановить, и схватил за одежду уже его.

— Ты за кого?

— Да ни за кого. Успокойся.

— Кто с ним, тот против меня. Понял?

Парень поднял ладони, отворачивая лицо от его дыхания.

— Понял. Пусти.

Я смотрел на молодого Боса и узнавал всё больше. Так же он приближался к моей кровати, наслаждаясь тем, что остальные ждут расправы. Так же смотрел на тех, кто подбадривал его, будто именно они давали ему право делать всё, что вздумается.

С годами изменилось только то, сколько власти оказалось у него в руках.

На земле зашевелился пострадавший. Опираясь на локоть, он попытался отползти к краю дорожки. Ладонь, которой он держался за голову, была тёмной и влажной.

И тут между деревьями мелькнул свет.

Сначала один узкий луч, потом второй. Они скользнули по стволам, выхватили кусты и исчезли, чтобы через мгновение появиться уже ближе.

Послышались быстрые шаги.

— Тихо, — произнёс кто-то из компании.

Бос не обернулся.

— Я с тобой разговариваю.

— Фонари!

Теперь их увидели все.

Свет двигался сквозь рощу, приближаясь к дорожке. За ним угадывались человеческие фигуры.

— Валим! Это за нами!

Парень, которого держал Бос, резко дёрнулся, вырывая одежду из его кулака, и бросился между деревьями. Остальные последовали за ним почти одновременно. Бутылка упала на землю, покатилась и стукнулась о корень.

Ещё секунду назад компания казалась единым существом, готовым поддержать любую жестокость. Теперь каждый спасался сам.

Бос задержался лишь на мгновение.

Повернув голову к приближавшемуся свету, он отступил, затем развернулся и побежал.

Один из лучей сразу метнулся за ним.

Я видел, как свет скользнул по его спине, сорвался на ствол дерева и снова нашёл бегущую фигуру. Бос пригнулся, меняя направление, но человек с фонарём не отставал.

Остальные уже растворились в темноте.

Этот луч удерживал только его.

Я двинулся следом, сам не понимая, каким образом перемещаюсь. Деревья оставались позади, не задевая меня ветвями, под ногами не хрустели сучья. Впереди тяжело дышал Бос, а позади приближались шаги человека, лица которого я никак не мог разглядеть.

Мне нужно было его увидеть.

После кухни, после отцовского обещания, после щелчка входного замка эта неизвестность становилась мучительной.

Человек с фонарём вышел из-за дерева.

Я повернулся к нему.

И в тот же миг его фигура дрогнула, словно отражение на воде, по которой прошла рябь.

— Подожди…

Лес начал исчезать.

Я попытался удержать взгляд на тёмном лице, но свет фонаря растёкся бесформенным пятном. Стволы побледнели, ветви растворились в серой пелене. Ещё слышались шаги, однако теперь они доносились откуда-то издалека, будто между мною и бегущими людьми быстро возводили толстую стену.

— Подожди! — повторил я, уже понимая, что меня снова не услышат.

Сырой запах земли сменился больничным.

Вместо деревьев проступили прямые линии стен, вместо лунного света — резкая белизна потолка. В сером мареве обозначились металлические спинки кроватей.

Боль вернулась раньше, чем я успел открыть глаза.

Она тяжело пульсировала в затылке, отдавая в виски с каждым ударом сердца.

Я больше не слышал шагов.

Но всё ещё видел луч фонаря, который упорно держался на спине убегавшего человека.

Эпизод 4

— Где я опять оказался? — пробормотал я, пытаясь раскрыть глаза, ослеплённые светом потолочных ламп. — Голова раскалывается…

Свет расплывался под веками мутными белыми пятнами. Прищурившись, я различил потолок, край подушки и железную спинку кровати, однако стоило повернуть голову, как всё это качнулось, заставив меня замереть.

— В санчасти… — произнёс мужчина, лежавший через одну койку слева, даже не пошевелившись.

Осторожно прикоснувшись к голове, я начал вспоминать, как крепко мне досталось от тех парней с палками. Воспоминания возвращались отдельными ударами: замах, попыт-

ка закрыться, пол перед самым лицом. Дальше всё смешивалось, и разбираться в последовательности уже не хотелось. Тело само подсказывало, куда мне прилетело и с каким усердием.

Болело практически всё. Спину тянуло, в конечностях стояла тяжёлая ломота, а голова отзывалась на каждое движение так, будто внутри неё что-то оторвалось и теперь перекатывалось с одного края на другой. Попытавшись глубже вдохнуть, я тут же пожалел об этом и выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. Даже дышать приходилось осторожно.

Уважение к местной администрации мне привили основательно. Теперь оно сидело под рёбрами, ныло в плечах и пульсировало в висках, не позволяя забыть о режимных требованиях ни на секунду. Умеют люди объяснять. Главное — доходчиво.

Сейчас я отчётливо понимал, что меня жестоко избили. Никаких иллюзий, будто всё нормально, а происходящее вокруг можно списать на очередную выходку больной головы. Передо мной была настоящая больница для пациентов, совершивших преступления, и вполне реальные сотрудники, которым совсем не понравилось моё поведение. После таких доводов даже спорить с этой версией не хотелось.

В прежней психушке всё было иначе. Там я успевал привыкнуть к самому невероятному быстрее, чем сообразить, что оно вообще не должно существовать. Здесь же кровать давила под спиной, простыня цеплялась за саднящую кожу,

а во рту стоял неприятный привкус. Простые, понятные вещи, за которые я держался, пытаясь убедить себя, что лечение всё-таки помогло.

Мои так называемые друзья больше не появлялись. Вместе с ними ушёл и Атаман. Никто не стоял у окна, не давал советов, не вмешивался в мои мысли с уверенностью человека, которому известно больше, чем мне самому. Всякая потусторонняя нежить тоже вроде бы успокоилась, оставив меня разбираться с неприятностями вполне человеческого происхождения.

Правда, память никуда не делась.

Я помнил больницу, лица, разговоры и собственный страх. Помнил слишком отчётливо для того, что теперь полагалось считать болезнью. Особенно неприятно было вспоминать ведьму и души, которые ей понадобилось с меня получить. Одно дело — объяснить себе, что всё это происходило в голове, и совсем другое — перестать слышать её голос, когда остаёшься один и закрываешь глаза.

А ещё были сны.

Ванька, отец, прежняя жизнь, в которую меня возвращало без всякого разрешения. Проснувшись, я продолжал чувствовать то, что, казалось бы, должно было остаться там. Не картинки запоминались — бессилие. То самое, от которого хочется вскочить и что-нибудь сделать, хотя сделать уже ничего нельзя.

Я осторожно провёл языком по пересохшим губам.

Нет. Хватит. После побоев ещё и не такое приснится. На фоне новых болячек следовало радоваться хотя бы тому, что я очнулся, понимаю, где нахожусь, и могу отличить больничную койку от ночного кошмара. Воспринимать всерьёз всё, что показывают во сне, — верный способ снова оказаться там, откуда только выбрался.

Упершись локтем в матрас, я попытался приподняться, чтобы осмотреться, однако резкая боль заставила меня остановиться на полпути. Несколько секунд пришлось провести в этом дурацком положении, выбирая, что окажется неприятнее: закончить движение или лечь обратно.

— Лучше не рыпаться, — услышал я голос всё того же соседа.

Повернув к нему голову, я молча посмотрел в его сторону.

— В зеркало смотреться тоже не стоит, — добавил он.

— Пожалуй, соглашусь… — ответил я, медленно опускаясь на подушку.

Это был мужчина лет шестидесяти с холодными тёмными глазами. Не меняя положения, он разглядывал моё побитое тело с таким равнодушием, словно перед ним лежала вещь, которую принесли, бросили и теперь неизвестно когда собирались унести. В его взгляде не было ни сочувствия, ни любопытства, способного хотя бы объяснить это внимание. Оттого становилось ещё неприятнее.

Чёрная рубаха не соответствовала его размеру, собираясь на груди неряшливыми складками. Засаленный воротник,

давно немытые волосы и общий запущенный вид говорили о том, что заботиться о себе человек перестал уже давно. Форменная одежда, которую выдавали всем вновь поступившим на принудительное лечение, успела на нём выцвести и изрядно поноситься. Видимо, обосновался здесь надолго.

Я невольно подумал, сколько времени нужно провести в таком месте, чтобы окончательно махнуть на себя рукой. Перестать замечать грязный воротник, собственный запах, чужие лица. Лежать, смотреть и ждать, пока за тебя решат, когда вставать, когда есть и когда снова закрывать глаза.

Лицо соседа оставалось неподвижным, усталым, лишённым всякого желания продолжать общение. Только губы вдруг зашевелились, будто он всё-таки решил что-то добавить.

Я прислушался.

Ничего.

Он продолжал смотреть на меня, беззвучно произнося какие-то слова. Возможно, разговаривал сам с собой, а я просто оказался на пути его взгляда. Такое объяснение вполне подходило для места, в котором мы находились, но спокойнее от него не становилось. Хотелось отвернуться, и одновременно мешало неприятное чувство, что, перестав наблюдать за ним, я упущу что-то важное.

Расстояние между нами составляло всего несколько метров. Пустая койка, проход, край чужого одеяла. Однако достучаться до этого человека обычным разговором казалось

сложнее, чем докричаться до кого-нибудь на другом берегу реки. Он уже ушёл куда-то внутрь себя, оставив здесь только тело и не выражающие ничего глаза.

Наверное, примерно так я и выглядел со стороны, находясь в мире собственных иллюзий. Люди могли обращаться ко мне, трогать за плечо, пытаться что-то объяснить, а я в это время видел совсем другую палату и разговаривал с теми, кого рядом с ними не существовало. Неприятно было представлять себя на месте такого соседа. Ещё неприятнее понимать, что для кого-то ты им уже был.

На секунду мне показалось, будто вначале он принял меня за знакомого. Поэтому и заговорил первым, а теперь, вглядываясь, пытался найти в памяти что-то, способное объяснить это узнавание.

У меня самого раньше случалось подобное. Видишь человека впервые, а внутри возникает уверенность, что вы чуть ли не друзья детства. Где-то встречались, вместе смеялись, знали друг о друге такое, чего посторонним не рассказывают. Только имя никак не вспомнить, да и лицо с годами изменилось.

Потом туман в голове понемногу расходится, и вместо друга проступает мальчишка, который когда-то украл у тебя игрушечную саблю. Или обижал, пользуясь тем, что был старше и сильнее. Тёплое чувство исчезает, уступая место совсем другому, хотя человек перед тобой остаётся прежним.

Вопрос только в том, кто из вас был тем мальчишкой.

Он или ты?

Сосед наконец отвёл глаза. Его губы перестали двигаться, и я, почувствовав неожиданное облегчение, тоже отвернулся.

Медицинская палата на шесть коек оказалась чистой и светлой. Пять кроватей занимали больные, а оставшаяся была аккуратно застелена белым постельным бельём. На ткани отчётливо чернело клеймо: «Обитель грешников». Так называлась эта больница для принудительного лечения.

С названием здесь, конечно, постарались. Лежи, выздоравливай, только не забывай, куда попал.

Стены выкрасили в светло-персиковый цвет, благодаря которому небольшое помещение выглядело просторнее и даже уютнее, чем можно было ожидать. Никто не кричал, за дверью не гремели, из углов не доносилось пугающих скрипов. Спокойствие было таким непривычным, что первое время я всё равно прислушивался, ожидая, когда оно закончится.

Потом понемногу отпустило.

Несмотря на распухший нос, я чувствовал свежесть воздуха и слабый запах цветов, стоявших на подоконнике. Обычные цветы в обычных горшках. Кто-то их поливал, поворачивал к свету, убирал засохшие листья. Здесь, среди людей, которых привозили лечиться против их воли, кто-то находил время и для этого.

В углу, слева от меня, возле окна, стоял небольшой белый холодильник «Саратов». Знакомое название на мгновение вернуло меня к дому, к кухне, к той повседневной жизни, в которой открывающийся холодильник был просто холодильником, а утро начиналось без необходимости выяснять, где ты и за что тебя избили.

Я задержал на нём взгляд, не позволяя воспоминанию развернуться дальше.

Над холодильником, среди развешанных по стене предупреждений о всякой заразе и рекомендаций по её профилактике, висел отрывной календарь.

23 июня 2024 года.

Прищурившись, я рассмотрел мелкую строчку: заход Луны — 04:57.

Почему-то именно на этих цифрах взгляд и остановился. Даже время, прошедшее без меня, было отмечено на бумаге. Пока я лежал без сознания, ночь закончилась, Луна зашла, наступил новый день. Никому не понадобилось дожидаться, когда я открою глаза и смогу продолжить.

Хотя с чего бы? То, что меня заперли, ещё не означало, что жизнь остановилась.

За окном светало. На горизонте появились первые солнечные лучи, и бледный утренний свет, проникая в палату, понемногу менял цвет стен. Потолочные лампы уже не казались такими яркими. Я смотрел на окно, стараясь ни о чём не думать, и вдруг вспомнил школу.

Не всю сразу — один урок физики. Нину Александровну у доски, одноклассников, собственное нетерпеливое ожидание звонка. Большая часть того, что нам тогда объясняли, давно выветрилась из головы, зато отдельные вещи почему-то оставались, всплывая в самые неподходящие моменты.

Солнечный свет добирается до Земли примерно за восемь минут.

Вроде бы ничего особенного. В школе записал, на уроке ответил, потом забыл. Но сейчас, лёжа на больничной койке и наблюдая за тем, как светлеет подоконник, я впервые за долгое время попробовал представить эти восемь минут.

Луч уже летел сюда, когда я ещё лежал с закрытыми глазами. Пока пытался пошевелиться, слушал соседа и выяснял, насколько сильно меня отделали, он продолжал свой путь. А теперь добрался до окна, лёг на стену и сделал видимыми мелкие царапины на белой краске.

Получалось, до меня дошло то, что произошло на Солнце раньше.

Всего на восемь минут. Но всё-таки раньше.

Ещё Нина Александровна рассказывала, что энергии, рождающейся в солнечных недрах, могут потребоваться десятки тысяч лет, чтобы выбраться наружу. Что именно там происходило с фотонами, я сейчас объяснить бы не смог. Помнил только собственное удивление: от поверхности Солнца до нас — минуты, а внутри самой звезды — та-

кая прорва времени, что представить невозможно.

Тогда это было интересным фактом из учебника. Сейчас я лежал и смотрел, как этот свет медленно подбирается к ножке кровати.

Сколько всего успевает случиться, пока что-то наконец до тебя дойдёт.

Можно вырасти, состариться, потерять людей, которых собирался беречь всю жизнь. Можно годами не вспоминать какой-нибудь день, а потом увидеть во сне знакомое лицо и проснуться с таким чувством, будто всё произошло только что. Календарь при этом будет уверенно показывать сегодняшнее число, и попробуй объясни ему, почему для тебя ещё не закончился совсем другой день.

Я прикрыл глаза, чувствуя, как под веками снова собирается тяжесть.

Со временем у меня вообще давно не складывалось. Сорок дней в больнице могли вместить столько, что на другую жизнь хватило бы, а несколько минут под чужими ударами тянулись без конца. Зато годы, о которых хотелось помнить, умудрялись исчезать так незаметно, словно я сам разрешил их вычеркнуть.

Впрочем, разрешения у меня никто не спрашивал.

Я открыл глаза. Луч оставался на полу. Сосед лежал молча. В палате всё было по-прежнему, и мне захотелось удержаться именно за это простое, доступное пониманию «сейчас».

За окном наступало утро. Я дышал. Было больно, но боль хотя бы не требовала объяснений.

Подтянув край простыни, я почувствовал запах дешёвого стирального порошка. Постельное бельё было чистым, без пятен. На меня надели свежее чёрное нижнее бельё, а рядом, на белой тумбочке, аккуратно сложили больничную униформу. Следы крови с неё отстирали.

Пока я отсутствовал в собственной жизни, меня успели перенести, раздеть, обмыть и переодеть. От этой мысли стало неловко. Моё тело всё это время оставалось здесь, с ним что-то делали, а я ничего не знал и не мог даже повернуть голову, чтобы посмотреть, кто ко мне прикасается.

Я осторожно пошевелил пальцами, чувствуя под ними ткань.

Теперь мог.

Сложенная одежда выглядела непривычно опрятной. Можно было подумать, что она чужая, если бы не вышитая нагрудная бирка: «Казаков А. В.».

Моя.

Я ещё немного посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на окно. Света становилось больше, и палата постепенно приобретала ту обыденную ясность, которой мне так не хватало после пробуждения.

Я был готов принять любую реальность. Эту больницу, её правила, необходимость лежать и ждать, пока тело позволит хотя бы подняться без чужой помощи. Со всем этим мне ещё

предстояло разобраться.

Но имя у меня одно.

Моё имя Кай.

И только с этим именем я согласен на любые условия игры своего подсознания.

Эпизод 5

Постепенно солнце поднялось выше, осветив палату целиком, и всё, что после пробуждения терялось в белёсом свете потолочных ламп, приобрело очертания. На крашеных спинках кроватей обнаружились сколы, на подоконнике — круглые следы от цветочных горшков, а на стене возле двери — потёртое место, к которому, видимо, не один год прислоняли стул. Обычные мелочи, за которыми не приходилось искать подвоха. Я рассматривал их, привыкая к мысли, что ближайшее время моя жизнь будет проходить именно здесь.

Шесть коек стояли двумя рядами, оставляя посередине достаточно широкий проход. Между ними помещались белые тумбочки с потемневшими ручками; на одной сохла вымытая кружка, перевёрнутая на сложенную салфетку, на другой лежали очки, прикрытые газетой. Под кроватями виднелись тапочки, расставленные с разной степенью аккуратности. Кто-то поставил свои ровно, носками к проходу, а кто-то забросил так далеко, что, проснувшись, наверняка полезет за ними на четвереньках.

У двери висело небольшое зеркало. Вспомнив совет со-

седа, я пока оставил его без внимания. Под зеркалом к стене крепилась раковина, над которой на короткой полочке лежало раскисшее по краям мыло. На носике крана медленно набухала капля и, наконец сорвавшись вниз, уступала место следующей, которая появлялась не сразу. Этот негромкий, редкий звук почему-то успокаивал больше, чем тишина.

Холодильник в углу включился, недовольно дрогнув корпусом. Стекло в оконной раме чуть отозвалось на его гудение, и вскоре я перестал замечать оба звука. Здесь пахло чистым бельём, влажной землёй в горшках и едва уловимо — больничной пищей, которую, должно быть, уже готовили где-то за стенами санчасти.

После обители грешников, тяжёлых шагов и резиновых палок всё это казалось почти роскошью. Можно было лежать, не прикрывая голову локтями, и ждать, пока перестанет болеть. Я ещё не знал, сколько мне дадут такого покоя, поэтому решил хотя бы не портить его самому.

Первым делом снова посмотрел на угрюмого мужика.

Он лежал через одну койку от меня, повернувшись на бок, и, похоже, так и не уснул. Тёмные глаза оставались открытыми, а складка между бровями стала глубже. На мгновение мне показалось, будто он собирается что-то спросить: взгляд задержался на моём лице, губы чуть разошлись. Однако, заметив, что я тоже смотрю, сосед сжал их и нахмурился.

Возможно, у него просто был такой характер: утро ещё толком не началось, а он уже выглядел недовольным всем

вокруг.

— Доброе утро, уважаемый. Будем знакомы… Кай, — произнёс я, попытавшись растянуть разбитые губы в подобие улыбки.

Получилось больно и, наверное, не очень дружелюбно.

Мужик молчал. Я уже собрался оставить его в покое, когда он вдруг приподнял голову.

— Что тебе от меня надо?!

Голос прозвучал настолько громко, что на противоположной стороне кто-то заворочался, натягивая простыню на плечо.

— Всю ночь не даёшь спать! Оставайся при своём, а я при своём!

— Тише, бать… Всё нормально. Я только поздоровался.

Показав ему раскрытые ладони, я осторожно отодвинулся на подушке. Ссориться с ним не хотелось, да и для новой драки моё тело пока было пригодно исключительно в качестве неподвижной мишени.

— Только попробуй ещё раз прочитать мои мысли!

Он схватил с тумбочки пластиковую кружку и, почти не замахиваясь, швырнул в мою сторону.

Вода выплеснулась раньше, чем кружка долетела до соседней кровати. На кровати между нами всколыхнулась простыня; струя воды угодила прямо в волосы парня, лежавшего между нами, а сама посудина, стукнувшись о край железной спинки, упала на пол и покатилась под тумбочку.

— Успокойся! — вырвалось у меня. — Ляг уже, отвернись!

Сосед ещё несколько секунд смотрел исподлобья, тяжело дыша носом, затем действительно повернулся к стене, подтащив к себе одеяло. Из-под него донеслось невнятное бормотание, которое вскоре затихло.

Я посидел, прислушиваясь. Никто не вбежал, не начал командовать, не потребовал вставать. Мужик напротив поправил подушку и снова устроился спать. Только вода медленно расползалась по полу, добравшись до ножки средней кровати.

На этом утреннее знакомство с первым соседом закончилось.

— Вот ведь… — пробормотал я, опуская ноги.

Спина тут же напомнила о вчерашнем. Пришлось ухватиться за край матраса и подождать, пока под рёбрами отпустит настолько, чтобы можно было выпрямиться.

Парень на соседней кровати уже проснулся. Не торопясь, он поднялся повыше на подушке, затем провёл ладонью по мокрым волосам и оглядел палату.

Лицо показалось знакомым.

Я присмотрелся, пытаясь отделить сегодняшнее утро от той суматохи, которая закончилась для меня ударом по голове. Белая простыня, наброшенная на Боса. Худой парень у соседней койки. Руки, отпускающие ткань в тот самый момент, когда я бросился вперёд.

— Так это ты… — сказал я. — С простынёй мне помог?

Он посмотрел на мои руки, всё ещё упиравшиеся в матрас, затем перевёл взгляд на пол.

— Ты как, брат? Не пострадал от осколков?

Парень ничего не ответил.

— Я Кай, — добавил я, протянув руку. — Спасибо тебе за вчерашнее.

Он не пожал её и не отвернулся демонстративно — просто оставил мою ладонь без внимания, словно я положил между нами вещь, которая сейчас ему не требовалась. Затем, собрав в кулак сухой угол простыни, начал вытирать волосы.

Полотенце висело на спинке его кровати. Я дотянулся до него и положил рядом.

— Держи. Этим удобнее.

Он закончил вытираться простынёй, поправил подушку и достал из-под неё маленькую вещицу, почти целиком скрывшуюся в ладони. Перебирая её пальцами, принялся негромко, равномерно раскачиваться вперёд-назад.

Я убрал руку.

Общение здесь складывалось удивительно. Один уже заподозрил меня в незаконном проникновении в его голову, второй пока вообще не считал нужным замечать. Оставалось надеяться, что остальные проснутся в более разговорчивом настроении.

На вид парню было лет восемнадцать, может, двадцать. Худощавый, с узкими запястьями и ещё совсем молодым ли-

цом, он выглядел слишком юным для этой палаты. Хотя по внешности, конечно, судить бесполезно. Здесь лежали люди, которым полагалось одновременно лечиться и отвечать за то, что они натворили. Я тоже оказался среди них вполне заслуженно.

Парень провёл ладонью по влажному лицу, поморщился и убрал волосы со лба.

— В палате не было осколков, — произнёс он неожиданно.

Я поднял голову.

— Что?

— Кружка целая. Она пластиковая.

Посмотрев под тумбочку, я разглядел неповреждённую ручку и облезлый рисунок на боку кружки. Конечно, пластиковая. Сам ведь видел, как она летела.

— Да ладно… Ты меня всё-таки слышишь? — усмехнулся я, обрадовавшись, что разговор всё-таки начался.

Парень перестал раскачиваться. Несколько секунд смотрел на меня, затем прикрыл ладонью одно ухо, поправляя ткань.

— Я не собираюсь отвечать на твои глупые вопросы, Кай.

Сказано было тихо, без вызова и даже без особого раздражения. Меня просто поставили в известность.

— Хорошо. Без шуток, — согласился я. — Неудачно выразился.

Он убрал свою вещицу под подушку.

— Как мне тебя называть?

Вместо ответа парень повторил вполголоса:

— Без шуток.

Я подождал.

— Так имя-то у тебя есть?

Он снова начал покачиваться, зажав уши уже обеими ладонями. Глядя на его опущенную голову, я наконец сообразил, что мои попытки наладить дружескую беседу удовольствия ему не доставляют.

— Всё, молчу, — сказал я.

И замолчал.

Это оказалось труднее, чем ожидалось. Хотелось объяснить, что я ничего плохого не имел в виду, ещё раз поблагодарить, спросить, не попало ли ему самому от охранников. Однако каждое новое слово заставляло бы его слушать дальше, а он достаточно ясно показал, что сейчас этого не хочет.

Я осторожно лёг обратно, подсунув ладонь под затылок. В палате снова стало слышно холодильник и редкие капли из крана.

— У меня эхолалия, — произнёс сосед спустя некоторое время.

— Не знаю, что это.

Он не сразу убрал руки от ушей.

— Повторяю услышанные слова. Иногда непроизвольно.

— Понял.

— У меня синдром Аспергера.

Я кивнул, хотя вряд ли он смотрел. Лезть с расспросами о болезни не хотелось. Достаточно было видеть, как он реагирует на шум и на мою назойливость, чтобы вести себя потише.

— Если мешаю, говори, — сказал я. — Могу не сразу сообразить.

Парень опустил руки. Некоторое время сидел неподвижно, потом взял полотенце, которое я ему подал, и промокнул влажный край подушки.

Почему-то именно это простое движение меня обрадовало.

Пока он устраивался удобнее, я заметил книгу, лежавшую у стены вдоль края матраса. Видна была только часть переплёта; остальное скрывалось под сбившейся простынёй. Парень достал её, положил на колени и открыл там, где между страницами торчал уголок бумаги.

Я не стал заглядывать в текст.

Он читал, придерживая нижний край листа указательным пальцем, а я смотрел на его руку и вспоминал, как совсем недавно эта же рука бросила простыню на голову Босу. Там он сумел вмешаться, когда мне понадобилась помощь, хотя теперь даже обычный разговор давался нам с трудом. От этой мысли стало немного стыдно за собственную торопливость.

— Тебя после того случая сильно зацепили? — спросил я, дождавшись, когда он перевернёт страницу.

— Нет.

Больше он ничего не добавил.

— Ну и хорошо.

Я перевёл взгляд на окно. Солнце уже добралось до тумбочки, осветив мокрое полотенце. На ткани виднелись мелкие вытянутые петли; из одной торчала выбившаяся нитка.

— А сюда ты за что попал? — спросил я спустя время.

Палец на странице остановился.

— Если не хочешь — не говори, — добавил я, но вопрос уже был задан.

Парень поправил книгу на коленях.

— Ты читаешь?

— Когда как.

— Что?

— Сейчас в основном надписи на стенах. Что нельзя, куда не ходить… С книгами у меня похуже.

Он посмотрел на меня, и я поспешил уточнить:

— Мало читаю.

— Про звёзды читал?

— В школе. Немного.

— У каждой звезды своё прошлое, которое мы видим только тогда, когда до нас доходит её свет.

Сказав это, он опустил глаза к книге, словно ответил именно на тот вопрос, который я ему задал.

Я повернул голову к окну. Мысль была знакомой: совсем недавно сам лежал и вспоминал урок физики, пытаясь представить дорогу солнечного луча.

— Про восемь минут помню, — сказал я. — От Солнца до нас.

— А от других звёзд — годы. От некоторых намного дольше человеческой жизни.

— Значит, глядишь на небо, а там всё старое?

Он подумал, прежде чем ответить:

— Свет старый. О том, что происходит там сейчас, ты по нему сразу не узнаешь.

— Понятно.

Парень провёл пальцем по краю страницы.

— Смотреть и знать — не одно и то же.

Я ещё немного подождал, надеясь, что он вернётся к началу разговора, однако он снова принялся читать. Он так и не сказал, за что оказался в больнице. Спросить второй раз означало сделать вид, будто я не заметил, как аккуратно он ушёл от ответа.

Пусть. У каждого здесь имелось что-то, о чём говорить не хотелось.

Моё собственное объяснение было коротким, и от этого становилось только хуже. Я сел пьяным за руль. После той аварии матери не стало. Можно было сколько угодно вспоминать, что я не хотел, не думал, не собирался никого убивать, но ни одно из этих слов не меняло того, что произошло.

Вот почему я находился здесь. Лечиться, отбывать наказание и просыпаться по утрам с памятью, от которой не избавляли ни чистые простыни, ни тишина.

Посмотрев на аккуратно сложенную одежду, я задержался взглядом на бирке. Фамилия оставалась моей, сколько бы я ни требовал называть себя Каем. Всё, что произошло с Казаковым, тоже никуда от меня не девалось.

Парень перевернул страницу.

Этот негромкий шелест вдруг напомнил мне об Ирли. Не потому, что сосед был на него похож: передо мной сидел другой человек, взрослый, со своими привычками и прошлым, о котором не пожелал рассказывать. Но рядом с ним возникало знакомое желание — подвинуть поближе полотенце, убрать с пола воду, сделать так, чтобы никто больше не швырял в его сторону кружки.

С Ирли я тоже не сразу понял, как много для меня начинают значить такие мелочи.

Теперь полагалось считать его вымыслом. Мальчишкой, которого придумала моя больная голова, позволив мне почувствовать то, чего в настоящей жизни я так старательно избегал. Я ведь даже гордился когда-то, что отвечаю только за себя. Удобное было объяснение. Особенно пока не выяснилось, сколько чужих жизней может зависеть от человека, который ни за кого отвечать не собирается.

Я прикрыл глаза.

Мать вспомнилась не такой, какой я видел её в последние страшные минуты, а стоящей у кухонного стола. Она вытирала руки полотенцем и слушала нас с Ванькой, перебивавших друг друга из-за какой-то важной детской несправедли-

вости. В памяти сохранился её взгляд: усталый, внимательный, с едва заметной улыбкой, которую она прятала, чтобы мы не обиделись.

Потом вспомнился отец. Редкий свободный день, его руки, занятые нашей очередной затеей, и наше нетерпение, пока он доделывал то, что обещал. Тогда казалось, что взрослые могут исправить всё. Нужно только дождаться, когда отец придёт со службы, а мать перестанет сердиться и позовёт нас ужинать.

Мы с братом ещё не знали, что однажды никто никого не дождётся.

Открыв глаза, я увидел Каспера.

Парень склонился над книгой, и на мгновение перед глазами возник капюшон Ванькиной куртки, который я поправлял возле озера. Вспомнилось его поднятое лицо и уверенность, с которой он отпускал меня за новыми стрелами. Я сказал стоять и ждать. Он послушался.

Я отвернулся к потолку, чувствуя, как тяжело становится дышать.

Столько лет прошло, а мне всё ещё хотелось вернуться к тому месту и изменить самое простое: взять его за руку. Не уходить одному. Пусть бы стрелы оставались в воде, пусть бы он расстроился, заплакал, назвал меня вредным — пережили бы как-нибудь.

Но в памяти я всякий раз поворачивался и уходил.

— Тебе больно? — спросил сосед.

Я посмотрел на него. Книга оставалась раскрытой, однако читал он уже не её.

— Терпимо.

Он задержал взгляд на моём лице, затем снова опустил глаза.

Я ничего не стал объяснять. Как рассказать малознакомому человеку, что синяки сейчас беспокоили меньше всего? Он и без моих воспоминаний имел полное право спокойно дочитать свою страницу.

Наклонившись с кровати, я подтянул к себе упавшую кружку и поставил на тумбочку подальше от края. На дне оставалось немного воды. Пластмасса действительно нигде не треснула.

— Слушай… А можно я буду называть тебя Каспером?

Парень поднял голову.

Имя вырвалось прежде, чем я успел решить, стоит ли произносить его вслух. Я помнил, откуда оно пришло, помнил чужой голос у озера — и всё же сейчас, глядя на соседа с книгой, хотел, чтобы оно прозвучало иначе. Без насмешки. Без того страха, с которым оно навсегда связалось в моей памяти.

— Каспер, — повторил он тихо.

Я не понял, ответил ли он мне или просто вернул услышанное слово.

— Если не нравится, скажешь. Не буду.

Он снова посмотрел в книгу. Я оставил его в покое.

В палате было тепло. Угрюмый сосед лежал лицом к стене, на противоположной стороне ровно дышали спящие, а за дверью кто-то прошёл, негромко звякнув посудой. Скоро, наверное, принесут завтрак. Придётся садиться, брать ложку, как-то проживать этот день.

Я подтянул сползшую простыню, устраиваясь так, чтобы меньше ныло под рёбрами. Рядом шелестела бумага.

Каспер.

Доброе привидение из злого прошлого.

Я ещё не знал о нём почти ничего, однако в одном уже был уверен: если ему понадобится помощь, на этот раз я постараюсь оказаться рядом.

Эпизод 6

После разговора с Каспером прошло какое-то время. Сколько именно, я понятия не имел: часов перед глазами не было, а солнечный свет, медленно перемещавшийся по поверхности соседней тумбочки, не позволял определить время с точностью. Наверное, около восьми утра. Хотя с таким же успехом могло оказаться и девять: здесь никто никуда не торопился, предоставив начавшемуся дню возможность обойтись без нашего участия.

Каспер читал, изредка перелистывая страницы. Я лежал, стараясь лишний раз не шевелиться, и прислушивался к мужику на противоположной стороне палаты, у самого окна. Тот спал на спине, выставив из-под белой простыни воло-

сатую ногу, и храпел с такой самоотдачей, будто за стеной работала бригада, которой он один заменял весь электроинструмент.

На вид ему было лет сорок пять, может, чуть больше. Недельная щетина затемняла тяжёлый подбородок, нижняя губа отвисла, а голова, запрокинутая на сбившейся подушке, придавала лицу выражение человека, окончательно решившего все свои проблемы. При каждом вдохе у него подрагивали щёки. Простыня неторопливо поднималась на животе, задерживалась и опускалась, сопровождаемая раскатистым хрипом. Иногда к этому концерту присоединялось дребезжание оконного стекла, и я уже не мог понять, от холодильника оно или от нашего солиста.

Остальным, похоже, было плевать. Угрюмый сосед лежал лицом к стене, а мужик у двери так глубоко забрался под одеяло, что снаружи оставался только клочок седых волос.

Храпун вдруг втянул воздух, всхрапнул особенно основательно и замер.

Я подождал продолжения.

Тишина оказалась настолько приятной, что захотелось закрыть глаза и поскорее ею воспользоваться. Даже капля из крана, разбившаяся о раковину, прозвучала отчётливо и отдельно, словно кто-то осторожно постучал ногтем по стеклу.

Живой он там вообще?

Я приподнял голову, присматриваясь к неподвижной простыне. Хорошо устроился: человек, может, помер, а я лежу,

кайфую, что наконец заткнулся.

— А-а-а! Хватай его!.. Он уходит!

От неожиданности я дёрнулся всем телом и тут же пожалел об этом: под рёбрами обожгло, словно туда снова приложились палкой. Мужик уже сидел на кровати, вытаращив глаза и вытянув руку к противоположному концу своего ряда. Простыня сползла на пол. Не успел я сообразить, кого именно нам полагается хватать, как он вскочил, наступив на белую ткань, и рванул вдоль коек.

— Стой!.. Да держи же!

Пустая кровать оказалась на пути этой погони. Храпун налетел на неё коленом, ухватился за спинку и, вместо того чтобы остановиться, полез поверх матраса. Железная рама скрипнула, ножки с визгом проскользили по полу. Перевалившись через аккуратно застеленное ложе, он с размаху рухнул на следующую койку — прямо на человека, который до этой минуты имел все основания считать своё утро спокойным.

— Емеля! Проснись, мать твою! — донеслось из-под него. — Ты опять бандюганов на моём шконаре гоняешь!

Из вороха белья вылезла жилистая рука, пытаясь оттолкнуть непрошеного гостя. Тот что-то невнятно пробормотал, ткнулся лицом в чужую подушку и затих, будто именно сюда и стремился.

Я осторожно спустил ноги на пол.

— Что с ним? — спросил я, поднимаясь и придерживая

рукой больной бок. — Это у вас в порядке вещей?

— Второй раз уже! — отозвался придавленный мужик. — Всё догнать кого-то не может. Емеля, слезь с меня! Здоровый лоб…

Я дошёл до пустой кровати и остановился, держась за её спинку. Помощник из меня, конечно, сейчас хреновый, но смотреть, как одного больного добивает другой, тоже не хотелось.

— Эй, слышишь? Просыпайся.

Емеля поднял голову. Глаза у него оставались мутными, не успевшими привыкнуть к палате; скользнув по моему лицу, взгляд задержался где-то за плечом. Он несколько раз моргнул и вдруг потянул пальцами ворот собственной рубахи.

— Погоны… — пробормотал он.

— Какие ещё погоны? — проворчал хозяин кровати, выдёргивая из-под него одеяло.

Емеля ощупал плечо, нахмурился, затем посмотрел на пустую ладонь.

— Да приснилось… Милицейские.

Он произнёс это уже тише, словно отвечал самому себе, и потёр лицо обеими руками. Я невольно вспомнил отцовский китель, висевший дома на спинке стула. Однако расспрашивать человека, который спросонья только что устроил забег через мебель, было бы странно. Мало ли кому что снится. Мне вон такого привиделось — на несколько жизней хватит.

— Отпусти одеяло-то! — потребовал сосед.

Емеля посмотрел на зажатый в кулаке край ткани и разжал пальцы. Некоторое время он сидел, согнувшись и тяжело дыша, после чего огляделся уже осмысленно. Узнав кровать и её недовольного владельца, криво усмехнулся.

— Бродяга, я опять чуть с тобой не переспал?

— Ты мне чуть грудь не продавил. Переспал он…

— Ну чего ты завёлся? Не задавил же.

— Надо шконкой с кем-нибудь махнуться, а то люди потом не поймут, — пробурчал Бродяга, выпутывая из-под него простыню. — Иди к себе. Дай поправить.

Емеля встал не сразу. Сначала зевнул, прикрыв рот ладонью, затем поискал глазами тапочки, оставшиеся возле окна, и только после этого, словно ему предстоял долгий и утомительный путь, поднялся с чужой постели.

От короткой погони проснулись все. Даже угрюмый мужик на нашей стороне повернул голову, посмотрел на нас с таким выражением, будто лично я был виноват в произошедшем, и снова уткнулся в стену. Каспер сидел, прикрыв уши ладонями. Книга лежала у него на коленях, раскрытая на прежнем месте.

— Всё закончилось, — негромко сказал я, вернувшись к своей койке. — Набег закончился.

Он не ответил, но спустя немного времени опустил руки.

Емеля добрался до окна и остановился над сброшенной простынёй. Посмотрел на неё, потёр поясницу, затем подце-

пил ткань пальцами ноги и, подтянув поближе, кое-как забросил на матрас. Пустая кровать так и осталась сдвинутой, с перекошенным покрывалом и подушкой, наполовину свисавшей за край.

— Хоть эту на место поставь, — сказал Бродяга, кивнув на неё.

— Позже.

— Проход загородил.

— Люди же проходят.

Емеля сел, натянул тапочки и тут же снова откинулся на подушку, устраиваясь с таким облегчением, словно за это утро успел разгрузить вагон. Бродяга ещё несколько секунд смотрел на него, затем отвернулся и принялся поправлять собственную постель.

Теперь я мог разглядеть его получше.

Возраст этого человека было трудно определить. С первого взгляда хотелось дать ему за шестьдесят, но стоило присмотреться — и становилось непонятно, сколько из этих лет он действительно прожил, а сколько добавили улица, холод и всё то, чем обычно пытаются согреться подешевле. Под глазами висели тяжёлые припухлости; тёмные складки, уходившие от носа к углам рта, делали лицо вечно недовольным. Щёки при этом оставались впалыми, обтягивая выступавшие скулы нездоровой сероватой кожей. На носу и возле висков проступали тонкие красноватые сосуды, особенно заметные в утреннем свете.

Я видел такие лица у магазинов, возле теплотрассы, на остановках, где человек с утра спрашивает мелочь, заранее приготовившись к отказу. Старался проходить мимо, не встречаясь глазами. Иногда давал на выпивку, прекрасно понимая, куда уйдут деньги, и спешил дальше по собственным, гораздо более важным делам.

Теперь спешить было некуда. Между нами помещалось несколько метров больничного пола, а одежда на обоих была одинаковой.

Сравнение, признаться, получилось неприятным.

Я опустил взгляд на свои руки. Не так давно они тоже тряслись, когда хотелось выпить, а приходилось сначала искать, что осталось со вчерашнего. Тогда вся разница между мной и подобными мужиками казалась огромной: у меня были дом, машина, мать, которая откроет дверь, даже если перед этим пообещала больше не пускать.

Я снова посмотрел на Бродягу и уже не стал гадать, сколько ему лет.

Он расправлял простыню короткими, сердитыми движениями, выдёргивая смятые края из-под матраса. Ногти на его узких пальцах были обломаны неровно, а на костяшках темнели старые трещины. Из складки одеяла выпала помятая сигаретная пачка. Мужик тут же накрыл её ладонью, оглянувшись так быстро, будто кто-то уже протянул руку отнять.

Впрочем, никто на его добро и не претендовал.

Бродяга поднял пачку, осторожно развернул размякший верхний край и заглянул внутрь. Сквозь разрыв в бумаге виднелись сигареты без фильтра — то ли две, то ли три. Прикрыв их пальцем, он достал из-под подушки коробок, потряс возле уха и, услышав сухой стук нескольких спичек, придвинул обе вещи к животу.

Потом повернулся к нам боком, заслонив руками край кровати.

Я отвёл глаза, давая ему возможность спрятать своё имущество без свидетелей. Только шелестнул матрас, приподнятый за угол, и скрипнула сетка.

— Бродяга.

Емеля уже сидел, лениво перебирая что-то в открытой тумбочке. Вытащив крепкую, почти новую пачку, он постучал по ней пальцем, вытряхнул несколько сигарет и одну убрал обратно. Оставшиеся три зажал между указательным и средним пальцами.

— На, возьми. За неудобства.

Бродяга повернулся.

Сначала он посмотрел на сигареты, потом на пачку, которую Емеля небрежно положил рядом с собой. Уголки его рта едва заметно дрогнули. Поднявшись, он прошёл мимо пустой кровати, по пути толкнув её коленом на прежнее место.

— С фильтром, — добавил Емеля, протягивая руку. — Нормальные. А то от твоих сам помрёшь и нас потравишь.

Сказал он это с усмешкой, поглядывая в мою сторону: то

ли ждал, что я поддержу шутку, то ли просто хотел убедиться, что его щедрость не осталась незамеченной.

Я промолчал.

Бродяга быстро забрал сигареты, однако руку убрал не сразу, задержавшись возле открытой пачки. Мне показалось, он успел пересчитать оставшиеся. Емеля, ничего не заметив или сделав вид, что не заметил, захлопнул крышку и бросил пачку в тумбочку.

— Чего? — спросил он.

— Ничего.

— Ну вот и ладно, будем считать, что рассчитались.

Бродяга коротко кивнул.

— Спасибо.

Слово прозвучало тихо и вполне покорно. Он даже попытался улыбнуться, но улыбка вышла какой-то неудобной, словно пришлось натянуть на лицо чужую вещь, которая не подошла по размеру.

Емеля уже отворачивался, подминая подушку под затылок. Для него неприятность закончилась: сон досмотрен, соседу заплачено, можно снова лежать. Бродяга же ещё постоял возле кровати, глядя на прикрытую дверцу тумбочки.

Три сигареты он держал бережно, стараясь не помять. Я подумал, что сейчас человек хотя бы немного успокоится: получил своё небольшое возмещение, и на том спасибо. Однако, вернувшись к постели, он положил их на ладонь, выровнял фильтры и посмотрел через проход на меня.

Я не успел вовремя отвести глаза.

Его лицо сразу изменилось: губы сжались, а ладонь закрылась, пряча подарок. Словно это я сейчас оценивал, сколько он стоит, и пришёл к выводу, что трёх сигарет вполне достаточно.

Стало неловко. Хотелось сказать что-нибудь простое, спросить, не ушибся ли он, но после утренних знакомств я уже понимал, что разговор здесь не всегда помогает. Иногда лучше вовремя заткнуться.

Бродяга сел и вновь приподнял край матраса.

Спрятав сигареты, он долго разглаживал простыню над тайником, хотя складок там уже не было. Затем поднял голову. Емеля лежал, прикрыв глаза, с тем же довольным выражением, с каким спал до своего забега.

Бродяга смотрел на него молча.

Покорная улыбка исчезла. Челюсть под кожей медленно напряглась и отпустила, будто он пережёвывал слова, которые не собирался произносить. Пальцы, только что так осторожно державшие сигареты, вцепились в край простыни, стягивая её в тугой жгут.

Я перевёл взгляд на Емелю. Тот поёрзал на подушке, устраиваясь удобнее, и сонно вздохнул.

Когда я снова посмотрел на Бродягу, он уже разжал руку. Пригладил смятую ткань и опустил глаза, приняв прежний тихий, безобидный вид.

И только побелевшие костяшки пальцев выдавали его

недавнее напряжение.

Эпизод 7

Пока я присматривался к Бродяге, Емеля продолжал валяться на своей «печи», лениво почёсывая живот. Утренний забег, закончившийся на чужой кровати, окончательно его утомил, и теперь он лежал с закрытыми глазами, словно собирался возместить потраченные силы за всё оставшееся утро.

— Емеля, а почему тебя так называют? — спросил я, переключив внимание на него.

Он не сразу ответил. Шевельнул пальцами на животе, вздохнул, после чего нехотя приоткрыл один глаз.

— Кто так называет, у тех и спрашивай.

Перевернувшись на бок, он уставился в окно, давая понять, что на этом знакомство можно считать состоявшимся.

Впрочем, дальнейших объяснений и не требовалось. На настоящую печь его кровать была мало похожа, однако сказочный ездок устроился на ней вполне основательно. Ещё бы койка сама возила его в столовую и обратно — цены бы ей не было.

Я поправил одеяло, сбившееся возле ног. Наклоняться по-прежнему было больно, поэтому пришлось ухватить край ткани и понемногу подтянуть к себе, стараясь не тревожить рёбра.

— Емель, скоро завтрак, потом процедуры. Может, разо-

мнёшься, койку застелешь? Про умыться я пока даже не говорю.

— Отстань.

— Да я просто спрашиваю.

— А я просто лежу. Мешаю?

Он подтянул простыню и накрылся с головой, оставив снаружи только ступни.

На этом наш разговор и закончился. У человека, похоже, имелся собственный способ решать неприятные вопросы: если натянуть на уши достаточно ткани, окружающие со своими предложениями рано или поздно заткнутся.

Бродяга усмехнулся, наблюдая за моей неудачей.

— Не трогай. Опять разгуляется — мне потом постель перестилать.

— Так тебе же за это платят.

Он перестал улыбаться и отвернулся, невольно прижав ладонь к тому месту, где под матрасом лежали сигареты.

Я пожалел о сказанном. Хорошо начал утро, Кай: уже успел сунуться в чужие дела. Осталось ещё спросить угрюмого мужика в углу, чего он такой недовольный, — и можно заново бинтоваться.

Емеля под простынёй затих. Я смотрел на белый холм, поднимавшийся над его плечом, и думал, что человеческий организм всё-таки странная штука. Пока хозяин бодрствует, его не заставишь пройти несколько шагов до умывальника; стоит заснуть — вскакивает, гоняется за кем-то, перелезает

через кровати. Будто тело, дождавшись, когда ему перестанут мешать, само решает, на что потратить накопленные силы. А утром приходится рассчитываться с Бродягой за ночные приключения.

Впрочем, рассуждать о чужой лени мне было особенно удобно, сидя на собственной койке. Я и сам умел откладывать жизнь на потом: сначала надо отоспаться, потом прийти в себя, потом дождаться подходящего дня. Уж тогда-то обязательно всё исправлю. Только подходящий день почему-то постоянно оказывался завтрашним.

Но у Емели даже отдых выглядел тяжёлой работой. Он то поджимал ноги, то снова вытягивался, пытаясь устроиться удобнее, и никак не мог найти положения, в котором ему наконец стало бы хорошо. Возможно, я зря к нему привязался. Мало ли что у человека болит. Мы всё-таки в больнице, хоть и тюремной, а не на курорте, где положено изображать бодрость перед завтраком.

Из-под простыни донёсся короткий, сдавленный звук.

Я поднял голову.

Емеля лежал неподвижно, однако ткань возле его рта чуть втянулась и тут же опала. Потом ещё раз. Он шумно выдохнул, словно собираясь что-то сказать, но вместо слов получилось невнятное мычание.

— Емель?

Никакого ответа.

Его колено резко дёрнулось, приподняв простыню. Рука,

скользнув по матрасу, схватила край ткани и потянула к груди.

— Опять начинается, — пробормотал Бродяга.

Емеля перевернулся на спину. Сквозь тонкую простыню проступили очертания лица: открытый рот, нос, влажное пятно у виска. Он задышал чаще, короткими судорожными рывками, будто воздух под покрывалом кончался, а догадаться сбросить его с головы никак не получалось.

Я встал, придерживая больной бок.

— Емеля, проснись. Слышишь меня?

Дойдя до кровати, я потянул простыню вниз, освобождая ему лицо. Глаза оставались закрытыми, по лбу катились крупные капли пота. Он скривился, стиснув зубы, затем резко мотнул головой, словно от кого-то уворачиваясь.

— Эй! Хватит спать!

Я тронул его за плечо, но Емеля отмахнулся с такой силой, что пришлось отступить. Вцепившись обеими руками в скомканную ткань, он прижал её к горлу и начал поворачиваться, запутываясь в простыне. Всё произошло быстро: только что лежал на спине, а через мгновение уже навалился грудью на подмятый край, затянув другой возле шеи.

Хрип оборвался.

Только теперь я по-настоящему испугался.

Я вцепился в его плечо, пытаясь вернуть на спину. Боль под рёбрами заставила согнуться, но отпустить его уже не смог: лицо, повёрнутое ко мне, темнело, а пальцы продолжа-

ли судорожно мять ткань, не позволяя её ослабить.

— Бродяга! Помоги перевернуть!

Тот вскочил, задев коленом тумбочку, и подхватил Емелю с другой стороны.

— Теперь целую пачку будет должен, если проснётся, — выдавил он, пытаясь приподнять тяжёлое тело.

— Да тяни ты!

Мы дёрнули одновременно. Кровать скрипнула, ударившись спинкой о стену, однако Емеля лишь завалился набок. Я потянул ткань у него на шее, чувствуя, как она режет собственные пальцы.

— Бросьте его! Что он вам сдался!

Голос прозвучал из угла, с той стороны, где лежал мужик, невзлюбивший меня с первого взгляда.

Я обернулся. Он приподнялся на локте и смотрел прямо на нас. Ни испуга, ни растерянности на его лице не было — только раздражение, словно мы мешали ему досмотреть что-то интересное.

— Заткнись, — бросил я и снова повернулся к Емеле. — Держи, Бродяга! Не отпускай!

Ещё немного сдвинув его, мы наконец освободили придавленный край. Простыня ослабла, и Емеля с шумом втянул воздух. Я стянул ткань с шеи, отбрасывая её к ногам, а он закашлялся, продолжая отбиваться от наших рук.

— Каспер, воды принеси! Стакан! Быстрее!

Парень сидел на своей кровати, сгорбившись над книгой.

Подняв на меня глаза, он замер, будто услышал мои слова, но ещё не понял, что от него требуется. Потом быстро спустил ноги на пол и направился к умывальнику.

Емеля рванулся вперёд.

— Он здесь! — выкрикнул он, глядя куда-то между нами. — Бегите! Мы все тут сдохнем!

— Тут только мы! Емель, проснись!

Он не слушал. Упираясь пятками в матрас, пытался сползти с кровати, и нам с Бродягой пришлось придержать его за плечи, чтобы не дать рухнуть на пол. Каспер вернулся со стаканом, расплескав немного воды на пальцы. Я смочил ладонь и провёл по мокрому лбу Емели.

— Открой глаза. Посмотри на меня.

Он вздрогнул от прикосновения, зажмурился, затем наконец посмотрел мне в лицо. На несколько мгновений взгляд стал осмысленным, но почти сразу перескочил за моё плечо.

— Там…

Я невольно оглянулся.

За спиной стоял Каспер со стаканом. Дальше виднелись кровати, тумбочки и стена, освещённая утренним солнцем.

— Никого там нет, — сказал я. — Ты в палате. Всё уже.

Емеля шумно втянул воздух, поморщился и схватился за горло.

— Не могу…

— Можешь. Ты уже дышишь. Сиди спокойно.

Произнеся это, я сам прислушался к его дыханию, боясь,

что оно снова оборвётся. Горло у него сипело, губы дрожали. Бродяга осторожно отпустил плечо, однако остался рядом, готовый перехватить его при новой попытке сбежать.

Каспер поставил стакан на тумбочку и вернулся к себе.

— Внезапный приступ тяжёлой тревоги, сопровождающийся мучительными ощущениями, — произнёс он негромко. — Паническая атака.

— Ты ему это объясни, — буркнул Бродяга, растирая запястье.

Каспер больше ничего не сказал. Сев на кровать, он положил раскрытую книгу на колени, закрыл глаза и прикрыл уши ладонями.

Минут пятнадцать прошло, прежде чем Емеля перестал вздрагивать от каждого звука. Мы уже не держали его, но он по-прежнему сидел, ссутулившись и упираясь руками в матрас, словно кровать могла в любой момент уйти из-под него. На шее проступала красная полоса. Время от времени он осторожно касался её пальцами, проверяя, не осталось ли там ткани.

Бродяга отошёл к своей койке. Мужик в углу снова отвернулся к стене, потеряв к нам всякий интерес.

— Ну ты нас и напугал, — сказал я, присев на край соседней кровати. — Может, поделишься? Что произошло?

Емеля взял стакан и поднёс ко рту, но рука дрогнула, и ему пришлось обхватить его второй ладонью.

— Этот сон я вижу часто, — ответил он после маленького

глотка. — И ничего не могу с ним поделать.

— Но это сон, Емель. Ты проснулся.

— Если бы просто сон…

Он посмотрел на скомканную простыню возле ног и отодвинул её пяткой.

— Ты себе шею обмотал. Мы еле распутали.

— Знаю.

— Ты же спал.

Емеля медленно провёл пальцами по горлу.

— Я чувствовал. Всё чувствовал… Вам, похоже, тоже знать надо.

— Слушаю.

Некоторое время он молчал, собираясь с мыслями. Я не торопил. После того как этот человек пытался вдохнуть, уткнувшись лицом в матрас, спрашивать, почему он днём валяется без дела, уже не хотелось.

— Давно началось, — заговорил Емеля. — Сначала сны обычные были. Живу, на работу хожу, с людьми разговариваю. Иногда даже просыпаться не хотелось: там всё понятное, своё. Знаешь, как бывает? Видишь место, которого давно нет, а во сне оно на месте. И ты этому совсем не удивляешься.

Я кивнул.

— Потом появился человек. В тёмной одежде, с капюшоном на голове. Стоит где-нибудь неподалёку и смотрит. Ничего не делает, не зовёт. Просто смотрит. Мне может что

угодно сниться, а он всё равно там. На улице, в помещении… Обернёшься — стоит.

— Лицо видел?

— Ни разу. Капюшон мешает. Я даже не знаю, мужик это или баба.

— А голос?

— Не разговаривает.

Емеля опустил глаза на стакан, водя большим пальцем по влажному ободку.

— Поначалу я внимания не обращал. Мало ли что приснится. Он мне не мешал: хочешь — иди, хочешь — стой. Я своими делами занимаюсь, он где-то рядом. Так, наверное, месяц и продолжалось. А потом подошёл.

— Во сне?

— Ну да. Сижу в кабинете за столом, бумажки перебираю. Их там столько, что столешницы не видно. Папки картонные, с тесёмками по краям, сверху листки какие-то. Передо мной печатная машинка, в неё бумага заправлена. Помнишь такие? Нажимаешь — она лязгает на весь кабинет.

Я вспомнил отцовские бумаги. В детстве иногда попадались листы с неровными машинописными строчками: одни буквы тёмные, другие едва видны, а отдельная строка почему-то уходит выше остальных. Мне тогда казалось, что печатать на машинке куда интереснее, чем выводить ручкой школьные упражнения. Отец, забирая документы, велел ничего не трогать.

— Помню, — ответил я.

— Вот такая и стояла. Старая. Возле неё копирка, лента уже бледная, менять надо, а руки всё не доходят. Слышу стук в дверь. Не успеваю ответить — кто-то входит. Я голову не поднимаю, папку листаю. Делаю вид, что занят по горло.

Емеля запнулся, затем потёр щёку.

— Так и говорю: «Освободите помещение. Видите, я занят. Вам никто не разрешал заходить». А он не уходит. Слышу, подошёл к столу и остановился. Я ещё думаю: сейчас повторю погромче, поймёт. И тут машинка начинает печатать.

Он поставил стакан на тумбочку, осторожно, чтобы не звякнул.

— Сама, понимаешь? Я к ней не прикасался. Клавиши ходят, рычажки бьют по бумаге. Раз, другой… Я смотрю, а на листе: «Твоё время вышло».

В палате кто-то кашлянул. Емеля вздрогнул и только после этого продолжил:

— Поднимаю голову — никого. Дверь закрыта. Будто никто и не приходил. Думаю, сейчас проснусь. Но вместо этого стены исчезают, а я вместе со столом оказываюсь в поле. Трава кругом жёлтая, сухая, по колено. Ни домов, ни дороги. Сижу и не понимаю, как сюда попал.

— А человек?

— Его уже нет. Только стол передо мной начинает осыпаться. Сначала край, потом всё остальное… Я тянусь удержать бумаги, а под руками земля. И сижу я уже не на стуле

— стою на коленях перед могилой.

Емеля посмотрел на собственные ладони, словно на них могло что-то остаться.

— Машинка тоже исчезла. Вместо неё плита. Стеклянная. Смотрю — моя фотография.

Я молчал.

— Моя, Кай. И под ней надпись про то, что время вышло. Я только успел прочитать, как стекло пошло трещинами. Тихо так, будто лёд ломается. Потом рассыпалось, упало на холм, а земля под ним провалилась. Прямо перед коленями — яма. Глубокая, края не разглядеть. И снизу свет. Белый, яркий, глаза режет. Я вскочил и побежал через траву. Куда — не знаю. Лишь бы подальше. Споткнулся, упал лицом на камни… Тут и проснулся.

Он сглотнул, поморщившись от боли в горле.

— Весь мокрый. Сердце колотится, в груди давит, голова кружится. Воздуха не хватает. Лежу и думаю, что сейчас сдохну. С того раза и пошло. Сначала боялся только во сне, потом начал бояться заранее. Ещё не лёг, а уже прислушиваюсь: не началось ли? Может, совсем с ума схожу.

— Ты врачам говорил? — спросил я. — Про грудь, про то, что задыхаешься?

— Про приступы знают.

— А про остальное?

Он криво усмехнулся.

— И что я скажу? Человек за мной по снам ходит? Ма-

шинка сама печатает?

— Ты чуть не задушился, Емель. Это мы оба видели.

— Да я понимаю. Только боюсь я не простыни.

Он произнёс это тихо, и мне стало не по себе. Я слишком хорошо знал, как хреново звучит собственный рассказ, когда пытаешься объяснить другому то, что видел сам. Пока слова внутри — всё ясно. Произнёс вслух — и уже слышишь, насколько удобно после них покрутить пальцем у виска.

— Дальше что было? — спросил я.

— Он стал подходить ближе. Каждый раз. Раньше стоял в стороне, теперь появляется там, где мне надо пройти. Я стараюсь обойти, свернуть куда-нибудь, а потом уже бегу. Лишь бы до меня не добрался.

— А просыпаешься на Бродяге.

— Получается, так.

С соседней кровати донеслось недовольное сопение, но Бродяга ничего не добавил.

— Сегодня тоже убегал?

Емеля покачал головой.

— Сегодня не успел. Снилось, что рабочий день закончился. Иду по коридору, вокруг темно. Свет только из окон, лунный. Выключатель ищу. Знаю, где он должен быть, рукой по стене шарю — нет его. Понимаешь, место знакомое, всё как всегда, а выключателя нет. Решил так дойти. Выход уже рядом.

Он замолчал, прислушавшись к чему-то в палате.

— И в дверях он, — продолжил Емеля. — Стоит, проход загораживает. Я остановился. Он шаг ко мне сделал, потом чуть в сторону и рукой показывает: проходи. Будто меня пропускает.

— Ты пошёл?

— Нет. Подумал: пожалуй, мне не туда. Начал отступать. Он следом не двинулся, только руки поднял. Между ними что-то тонкое натянуто. Леска, наверное… В темноте блеснула, я и увидел.

Я почувствовал, как под больными рёбрами неприятно стянуло. Перед глазами на мгновение возник образ Каспера, однако я заставил себя смотреть на Емелю.

— Дальше?

— Он накинул её себе на шею. Сделал виток и потянул за концы.

Емеля поднял руки, собираясь показать, но тут же опустил их на колени.

— Себе, Кай. А задыхаться начал я. Сначала будто ком в горле застрял, потом сдавило так, что вдохнуть не могу. Хочу крикнуть — не выходит. Пытаюсь убрать с шеи, а там… Я уже не понимал, что там. Только чувствовал, как затягивается. Потом вы меня разбудили.

Я посмотрел на простыню. Один край свисал с кровати, касаясь пола. Обычная больничная тряпка, серая от бесконечных стирок, с распустившимся швом на углу. В ней не было ничего, чего следовало бы бояться. Несколько минут

назад мы с Бродягой никак не могли вытащить её из-под человека, которому кто-то снился.

— Может, ты запутался, а тебе уже приснилось… — начал я и не договорил.

Емеля поднял на меня глаза.

— Может. Я тоже себе это говорю.

Спорить он не стал. Оттого мой довод почему-то сразу показался ещё слабее.

— Только как мне теперь ложиться? — спросил он. — Я ведь не знаю, проснусь или нет. Сижу здесь, с тобой разговариваю, всё вижу, понимаю. А стоит глаза закрыть — опять там окажусь. И он тоже будет там.

Я не нашёлся с ответом.

— Кай, обещай, что присмотришь за мной, когда я там.

Он смотрел прямо, уже не пряча испуга. От прежнего раздражения, с которым натягивал на голову простыню, ничего не осталось. Сейчас ему хотелось услышать простое обещание, за которое можно удержаться до следующего сна.

— Конечно, Емеля. Присмотрю.

Положив ладонь ему на плечо, я почувствовал, что рубаха всё ещё влажная.

— Если опять начну… ты сразу буди. Не жди.

— Разбужу.

Он кивнул, принимая мои слова с такой готовностью, что стало неловко. Я ведь понятия не имел, сумею ли помочь в следующий раз. Но сидеть перед ним и объяснять, почему на

меня лучше не рассчитывать, было бы ещё хуже.

— Постараюсь поменьше спать, — сказал Емеля. — Чтобы ни себя, ни тебя… Ну, ты понял.

— Совсем без сна тоже не выйдет.

— Пока умоюсь.

Он слабо улыбнулся, опустил ноги на пол и стал искать тапочки. Отыскав их под кроватью, он осторожно поднялся, держась за спинку, затем постоял немного и направился к раковине.

Я остался сидеть, наблюдая, как он отворачивает кран. Вода ударила в умывальник, разбрызгиваясь по краям. Емеля подставил ладони, несколько раз плеснул себе в лицо, после чего упёрся руками в раковину и замер, глядя на стекающие капли.

Ещё недавно я предлагал ему размяться, застелить койку и перестать валяться без дела. Теперь он стоял на ногах, а лучше от этого, судя по всему, ему не стало. Он уже ждал следующего приступа. Осторожно трогал горло, прислушивался к дыханию и, едва закашлявшись, торопливо набирал в ладонь новую порцию воды.

Я знал это ожидание. Когда страшно не только от того, что происходит, но и от того, что пока ещё не началось. Лежишь, стараешься не шевелиться, убеждаешь себя, что всё закончилось, а сам проверяешь каждый звук. В конце концов уже не понимаешь, собирался ты уснуть или всю ночь караулил собственный страх.

Емеля выпрямился и посмотрел на меня через палату, словно проверяя, не ушёл ли я, пока он умывался.

Я кивнул ему.

Отказаться от сна казалось ему сейчас самым надёжным выходом. Только долго так не протянешь. Рано или поздно глаза закроются сами, как бы старательно он ни плескал в них холодной водой.

Придётся присматривать за этим парнем.

Снова.

Эпизод 8

Вернувшись к своей кровати, я ещё долго не мог избавиться от мыслей о произошедшем с Емелей.

Всё случившееся казалось настолько невероятным, что здравый смысл упорно отказывался признавать его действительным. Я лежал, уставившись в потолок, и пытался найти хоть какое-нибудь разумное объяснение.

Как сон и реальность способны пересекаться? Каким образом события, происходящие в человеческом сознании, могут представлять настоящую угрозу жизни и здоровью?

Вопросов становилось всё больше, а ответов не прибавлялось.

Возможно, Емеля страдал каким-то психическим расстройством. Не исключено, что проявления его болезни напоминали те, из-за которых я сам столько времени провалялся в психиатрической больнице.

Может, он случайно запутался в простыне? Или сделал это намеренно, преследуя какую-то известную лишь ему цель?

Нет, последнее предположение мне совершенно не нравилось.

Я слишком хорошо помнил его испуганное лицо, отчаянные попытки освободиться и тот неподдельный ужас, который едва ли можно было принять за притворство.

Но что тогда произошло?

Неужели человеку достаточно увидеть кошмар, чтобы, проснувшись, обнаружить на собственном теле следы происходившего во сне?

От этой мысли по спине пробежал неприятный холодок.

Я невольно вспомнил психиатрическую больницу, её бесконечные коридоры, знакомые лица и тех людей, которых считал своими друзьями.

Многие из них погибли.

Позднее мне объясняли, что всё происходившее было лишь порождением моего больного сознания. Но разве от этого пережитые чувства становились менее настоящими?

Я помнил их голоса. Помнил страх, боль и собственное бессилие.

И даже если всё это действительно оказалось обманом разума, воспоминания никуда не исчезли.

Они продолжали жить во мне.

Я тяжело вздохнул, перевернувшись на бок.

Похоже, я снова начинал привязываться к людям.

И что самое странное — мне было совершенно наплевать, какие грехи оставались за их плечами.

Емеля мог оказаться преступником, лентяем или человеком, когда-то совершившим непростительную ошибку. Но сейчас передо мной находился обыкновенный испуганный парень, которому требовалась помощь.

Оставлять его одного было нельзя.

Особенно во время сна.

Я решил при первой возможности поговорить с врачами. Пусть разбираются, что с ним происходит. В конце концов, это их работа.

Хотя после всего пережитого я стал заметно меньше доверять людям в белых халатах.

Постепенно обстановка в палате успокоилась.

Пациенты обители грешников разошлись по своим койкам, ожидая очередных медицинских процедур и раздачи таблеток.

Кто-то лежал, отвернувшись к стене. Кто-то безучастно разглядывал потолок. Изредка раздавались кашель, скрип кроватных пружин и негромкое шарканье тапочек по полу.

Справа от меня находился Каспер.

Этот странный парень, обладавший совершенно невероятными знаниями, вновь погрузился в собственный мир.

Каспер смотрел перед собой с привычной задумчивостью.

Закрыв уши ладонями, он сидел на кровати и мерно рас-

качивался вперёд-назад.

Я уже замечал, что происходящее вокруг он воспринимает гораздо острее остальных. Обыкновенные разговоры, резкие звуки и суета, на которые другие практически не обращали внимания, доставляли ему явный дискомфорт.

Казалось, окружающий мир обрушивался на Каспера всей своей тяжестью.

А он пытался защититься от него единственным доступным способом.

Некоторое время я молча наблюдал за соседом.

Постепенно движения парня становились медленнее. Он перестал раскачиваться, осторожно убрал ладони от ушей и замер.

Затем неожиданно повернул голову в мою сторону.

Мне показалось, что Каспер собирался что-то сказать.

Но он почему-то передумал.

Несколько секунд мы сидели молча.

— Эхопраксия… — наконец произнёс он.

Я приподнялся на локте.

— Что? Каспер, ты сейчас что-то сказал?

— Эхопраксия.

— А по-русски можно?

Парень слегка повернулся ко мне.

— Непроизвольное повторение или имитация человеком жестов, поз и движений окружающих его людей.

Я озадаченно почесал затылок.

— И что мне с этим делать?

— Понимать.

— Очень содержательно, — усмехнулся я. — Ты можешь объяснить так, чтобы я тоже понял?

Каспер вздохнул.

— Возможно, у Емели проявился один из симптомов, связанных с этим явлением.

— Погоди. Ты хочешь сказать, что он пытался себя задушить, потому что повторял чьи-то движения?

— Я этого не говорил.

— А что тогда?

— Я назвал явление, которое может иметь отношение к произошедшему.

— Каспер, ты иногда разговариваешь так, будто я должен заранее знать ответы на все свои вопросы.

— Некоторые вещи действительно общеизвестны.

— Для тебя, может, и общеизвестны. А я, знаешь ли, не медицинскую академию заканчивал.

Парень слегка нахмурился.

— Не понимаю, почему ты спрашиваешь меня об очевидных симптомах.

Я усмехнулся.

Вот ведь характер!

Сидит, уставившись в книгу, практически ни с кем не разговаривает, зато стоит задать ему какой-нибудь вопрос — и сразу чувствуешь себя последним двоечником.

— Точно! — неожиданно воскликнул я, решив зайти с другой стороны. — В школе что-то подобное проходили. Кажется, в девятом классе. Ольга Васильевна нам рассказывала про какие-то повторения движений. Напомни-ка.

Каспер недоверчиво повернул голову.

— Кай, тебе необходимо больше читать. Иначе ты окончательно деградируешь.

— Спасибо за заботу. Продолжай.

— Эхопраксия — это непроизвольное повторение действий другого человека. Движения совершаются автоматически, без осознанного намерения их копировать.

— То есть человек сам не понимает, что делает?

— Иногда понимает, но не способен полностью контролировать происходящее. Эхопраксия встречается при различных неврологических и психических состояниях. В том числе может наблюдаться при синдроме Туретта.

— Ага… — протянул я, стараясь не потерять нить разговора. — Уже интереснее.

— Существуют и другие эхофеномены. Например, эхолалия — непроизвольное повторение чужих слов.

— Это когда один сказал глупость, а второй за ним повторил?

— Нет, Кай. Это когда повторение происходит непроизвольно.

— Понял. Значит, если я повторяю за тобой умные слова, то это не заболевание?

— В твоём случае это попытка запомнить информацию.

— Ну хоть что-то хорошее.

Каспер никак не отреагировал на мою шутку.

— Подобные явления изучают, в частности, в связи с механизмами подражания и работой головного мозга. Существует гипотеза об участии системы зеркальных нейронов.

— Зеркальных?

— Да. Так называют нейроны, активность которых связана как с выполнением определённых действий, так и с наблюдением за похожими действиями других.

— То есть я смотрю, как кто-то машет рукой, а мой мозг уже готовится повторить?

— Это упрощённое объяснение. Механизмы значительно сложнее, а роль зеркальных нейронов в возникновении эхопраксии окончательно не установлена.

Я задумался.

— Хорошо. А какое отношение всё это имеет к Емеле?

Каспер помолчал.

— Его движения могли быть непроизвольными.

— Могли?

— Именно.

— Но ведь он спал!

— Я знаю.

— И простыня затянулась у него на шее!

— Это я тоже знаю.

— Тогда объясни мне, как человек может повторять дви-

жения, которых никто рядом не совершает?

Каспер не ответил.

Он опустил голову и провёл пальцами по переплёту лежавшей у него на коленях книги.

Я подождал.

— Ну?

— Я не могу утверждать, что причиной произошедшего была именно эхопраксия.

— А что можешь утверждать?

— Что нам недостаточно информации.

— Замечательно! — развёл я руками. — Столько умных слов, а в итоге мы снова ничего не знаем.

— Отсутствие ответа не означает отсутствия причины.

Я посмотрел на него внимательнее.

Почему-то возникло ощущение, что парень прекрасно понимает, о чём говорит, но не собирается продолжать.

Впрочем, возможно, я просто устал искать подвох во всём происходящем.

— Ладно, профессор. Будем считать, что ты меня просветил.

Каспер промолчал.

Я откинулся на подушку.

Получалось, что события, происходившие во сне Емели, каким-то образом отражались на его действиях в действительности.

По крайней мере, такое предположение казалось теперь

не менее вероятным, чем остальные.

Но окончательно исключать случайность или намеренное удушение я не собирался.

Слишком мало мы знали.

И всё-таки меня не оставляло неприятное чувство.

В психиатрической больнице я уже сталкивался с вещами, которые невозможно было объяснить обычной логикой.

Тогда мне тоже казалось, что стоит только проснуться — и всё закончится.

Но кошмары почему-то продолжались.

Я посмотрел на Каспера.

Парень вновь сидел неподвижно, поглаживая пальцами тёмный переплёт своей книги.

Чем дольше я за ним наблюдал, тем больше удивлялся.

С одной стороны — замкнутый, ранимый человек, которому доставляли страдания самые обыкновенные вещи.

С другой — настоящий ходячий справочник, способный без подготовки рассуждать о заболеваниях, устройстве мозга и бог знает о чём ещё.

Иногда мне казалось, что он знает больше некоторых врачей, работающих в этой больнице.

При этом общался Каспер крайне неохотно.

Он избегал встречаться с людьми взглядом, болезненно реагировал на постороннее внимание и предпочитал разговаривать только тогда, когда к нему обращались непосредственно.

Да и со мной беседовал не всегда.

В свободное время парень возился с какими-то безделушками, которые неизвестно откуда у него появлялись, или читал свою книгу.

Книгу эту он обычно хранил под подушкой.

Я заметил, что доставал он её преимущественно тогда, когда поблизости не было лишних глаз.

Иногда, когда в палате становилось совсем тихо, Каспер позволял себе расслабиться.

Он переставал настороженно прислушиваться к окружающим звукам и даже улыбался.

В такие минуты передо мной словно оказывался совсем другой человек.

Несмотря на вполне взрослую внешность, в его поведении оставалось что-то удивительно детское.

И почему-то это вызывало у меня тёплые чувства.

Странно.

Мы были знакомы совсем недавно.

Я практически ничего не знал о его прошлом, не представлял, за какое преступление он оказался в обители грешников, и даже не был уверен, что Каспер — его настоящее имя.

Но доверял ему.

Причём доверял настолько, что сам не мог объяснить почему.

Мне казалось, этот парень просто не способен сознатель-

но причинить кому-нибудь зло.

И уж тем более — предать.

Конечно, я понимал, что внешность бывает обманчива. В моей жизни уже встречались люди, которым я доверял, а потом горько об этом сожалел.

Но с Каспером всё ощущалось иначе.

Необъяснимо, но иначе.

— Слушай, Каспер, — обратился я к нему.

— Что?

— А откуда ты вообще узнал о состоянии Емели?

— Отсюда.

Парень слегка приподнял книгу.

— Из неё?

— Да.

— У тебя что, какой-то специальный медицинский справочник?

— Нет.

— А что тогда?

Каспер не ответил.

— Можно посмотреть?

— Можно.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что я даже удивился.

Каспер опустил взгляд на книгу.

На мгновение его пальцы задержались на переплёте.

Казалось, парень задумался, прежде чем передать её мне.

Но уже через секунду он протянул книгу, одновременно сжав в другой руке какую-то маленькую безделушку.

— Держи.

— Спасибо.

Взяв книгу, я сразу почувствовал её необычную тяжесть.

Странно.

С виду обыкновенный старый том, а весил так, словно внутри находилось что-то гораздо более тяжёлое, чем бумага.

Я повертел его в руках.

Тёмный, почти зеркальный переплёт отражал окружающие предметы.

В его глянцевой поверхности проступили смутные очертания моего лица.

Я невольно задержал взгляд.

Ну и рожа!

После знакомства с Босом моя физиономия выглядела так, будто по ней несколько раз проехались чем-то тяжёлым.

Под глазами темнели синяки, припухлости ещё не успели окончательно сойти, а щетина на щеках и подбородке стала ещё заметнее.

На совершенно лысой голове отчётливо выделялся старый шрам.

Всё вместе прибавляло мне добрый десяток лет.

— Красавчик, ничего не скажешь, — пробормотал я.

Каспер никак не отреагировал.

Я решил не портить себе настроение дальнейшим изучением собственного отражения.

В конце концов, внешность — дело наживное.

Главное, чтобы голова работала.

Хотя и с этим, судя по последним событиям, возникали определённые сложности.

Перевернув книгу, я принялся внимательно рассматривать её обложку.

Кожаный переплёт имел тёмно-голубой оттенок. В лучах солнца, проникавших через окно палаты, он казался почти чёрным.

Время оставило на его поверхности множество мелких морщин, но кожа сохранилась удивительно хорошо.

Проведя по ней ладонью, я почувствовал лёгкую шероховатость.

В верхней части обложки виднелась едва различимая надпись.

Буквы были выполнены каким-то тёмным веществом, напоминавшим застывшую смолу.

Я приблизил книгу к глазам.

«Лунный камень».

Интересное название.

В центре обложки располагался старинный орнамент.

Присмотревшись, я различил две перекрещённые косы, выполненные из того же тёмного материала.

Рисунок почти сливался с кожей, и заметить его можно

было лишь под определённым углом.

Я провёл по нему пальцами.

Неровные линии слегка выступали над поверхностью переплёта.

Книга производила странное впечатление.

С одной стороны — обыкновенная старинная вещь, каких немало можно встретить в библиотеках или у коллекционеров.

С другой — было в ней что-то неприятно знакомое.

Но что именно?

Я никак не мог понять.

Повертев книгу ещё немного, я решил наконец посмотреть, что находится внутри.

Однако сделать это оказалось не так просто.

Обе половины переплёта удерживала металлическая застёжка.

Я попытался открыть её.

Не получилось.

Попробовал ещё раз, приложив немного больше усилий.

Замок сопротивлялся.

— Вот ведь зараза, — пробормотал я.

Каспер сидел рядом, занятый своей безделушкой.

Убедившись, что он не обращает внимания на мои действия, я осторожно поддел крепление пальцем.

Раздался негромкий щелчок.

Застёжка поддалась.

— Ну наконец-то!

Я раскрыл книгу.

И замер.

Передо мной находились совершенно пустые страницы.

Я перевернул одну.

Затем другую.

Ещё несколько.

Ничего.

Ни единой строчки.

Ни буквы.

Даже случайного пятнышка чернил.

Только пожелтевшая от времени бумага.

— Это ещё что за ерунда? — тихо произнёс я.

Я быстро пролистал книгу до середины.

Потом почти до конца.

Результат оказался прежним.

Пусто.

Совершенно пусто!

Я нахмурился.

Зачем Каспер постоянно читает книгу, в которой ничего не написано?

И откуда тогда он узнал про эхопраксию?

Может, я что-то упустил?

Я снова перелистал несколько страниц, внимательно всматриваясь в их поверхность.

Но никаких следов текста обнаружить не удалось.

Пальцы непроизвольно сжали переплёт.

В голове возникло неприятное ощущение.

Будто я уже сталкивался с чем-то подобным.

Когда-то.

Где-то.

Причём совсем недавно.

Я резко захлопнул книгу.

Взгляд вновь упал на название.

«Лунный камень».

Нет.

Дело было не в названии.

Я знал эту книгу.

Или, по крайней мере, видел что-то чрезвычайно похожее.

Но где?

Я закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

Перед внутренним взором неожиданно возникла библиотека психиатрической больницы.

Высокие стеллажи.

Запах старой бумаги.

Ряды книг, уходящие в полумрак.

Я стоял среди них, внимательно разглядывая корешки.

Рядом находился Атаман.

Разъярённый, он хлестал своим хлыстом по цепям, пытаясь разбить их.

Металлический звон словно вновь ударил мне по ушам.

Я поморщился.

Нет.

Не здесь.

Хотя…

Книги!

Там ведь тоже были книги!

Я попытался удержать воспоминание.

Но изображение распалось.

На его месте возникло другое.

Стол Жнеца душ.

Старинные книги, лежащие перед ним.

Песочные часы.

Знакомый силуэт, неподвижно сидящий напротив.

Я напряг память.

На столе находились две книги.

И обе сыграли свою роль в происходивших тогда событиях.

Но нет.

Это было ещё не то.

Дальше.

Нужно вспомнить дальше!

Я стиснул зубы.

В голове словно вспыхнул короткий болезненный импульс.

И внезапно всё стало на свои места.

Жнец!

Я вспомнил, как он передавал мне книгу.

Эпизод 9

— Каспер! Кааааспер… Слышишь?

Парень не отозвался. Закрыв глаза, он лежал неподвижно, чуть повернув голову к стене. Пока я рассматривал книгу и пытался понять, каким образом она оказалась здесь, её нынешний хозяин успел уснуть. Во всяком случае, выглядело это именно так.

— Откуда она у тебя? — спросил я уже тише.

Ответом послужило ровное дыхание.

Я посмотрел на закрытую книгу. Ещё недавно Каспер пробегал глазами по её страницам, переворачивал листы, возвращался к прочитанному. Там, где я не нашёл ни единого слова, Каспер находил достаточно, чтобы не замечать ничего вокруг. Можно было разбудить его, потрясти за плечо, потребовать объяснений. Только почему-то казалось, что и тогда ответ достанется не мне.

Захлопнув книгу Жнеца, я ещё немного подержал её в руках. Тяжесть давила на ладони, напоминая, что передо мной вполне осязаемая вещь. Её можно поднять, открыть, убрать с глаз. А вот избавиться от того, что она за собой принесла, вряд ли получится.

Я осторожно положил книгу на полку прикроватной тумбочки. Кроме дохлого таракана, там ничего не было. Тот лежал на спине, выставив высохшие лапки, и соседство со старинной книгой его, похоже, нисколько не тревожило. Завид-

ное спокойствие.

За дверью послышались голоса.

Я прислушался. Кто-то остановился в коридоре, негромко произнёс несколько слов, затем шаги приблизились. Наверное, начинался врачебный обход: знакомство с вновь прибывшими, вопросы давним пациентам, обязательное выяснение, всё ли благополучно у больных в месте, где само благополучие казалось невозможным.

— Прутся, бездарные твари! — оживился мужчина на угловой койке рядом с дверью. — Со своими безумными вопросами!

Он приподнял голову, всматриваясь в дверной проём с таким выражением, словно уже одно приближение медперсонала было направленным лично против него оскорблением.

— Мужик, тебя что опять не устраивает?

— Все врачи мира тупые! Поэтому и не знают, как меня лечить.

— Может, у тебя просто не все дома?

Он резко повернулся ко мне. На мгновение губы перестали шевелиться, и вся накопленная в нём злость будто собралась в одном взгляде.

— Закрой пасть, щенок! Я здесь, в «Обители грешников», не первый год. И даже не одиннадцатый!

— Да я уже понял, что освоился.

— Ничего ты не понял.

Пальцы его вцепились в край одеяла. Он посмотрел на

дверь, потом снова на меня и заговорил чуть тише, хотя от этого голос не стал спокойнее:

— За это время всю память растерял. После драки ещё башню с правой стороны повредили. Теперь ни хрена не вижу, что внизу слева творится. Я им говорил! Хирург смотрел. Этому только бабки давай, а за просто так он даже успокаивать тебя не станет.

Мужчина умолк, прислушиваясь к разговору в коридоре.

— Так давно здесь лежишь? — спросил я.

Он усмехнулся одним уголком рта.

— Здесь время ничего не значит.

Мне не понравилось, как он это сказал: без привычного раздражения, почти буднично, Словно речь шла о неисправной розетке, которой все давно перестали пользоваться.

— Зато им объяснять ничего не надо, — продолжил он. — Они и так наши мысли читать умеют. По крайней мере, мои точно.

— Удобно. Можно на вопросы не отвечать.

— Посмейся, посмейся.

Он подался вперёд.

— Подумаешь о чём-нибудь, ещё рта не открыл, а они уже смотрят. Сразу туда, куда не надо. Будто ждали. Ты понаблюдай за ними.

Я невольно перевёл взгляд на дверь.

Наверное, у каждого здесь находилось своё объяснение происходящему. Одному мешали голоса, другому — чужие

глаза. Мне пока хватало книги, страницы которой оставались пустыми для меня, но почему-то были доступны Касперу.

— Когда эти белые бестии зайдут, попытайся не думать, — посоветовал мужчина. — Песенку пой. Про себя. Пусть они с ума сходят, сучки.

— Помогает?

Он дёрнул щекой и отвёл глаза.

— Раздражает их. Я вижу.

Судя по тому, как он следил за дверью, спокойнее от этой защиты ему не становилось.

— У меня всегда одна мелодия, — добавил он. — Знаешь Андрея Державина?

— Припоминаю.

— У него песня есть. «Брат» называется. Её легко в голове крутить. Вот и крути им назло.

— Ясно…

Дверь распахнулась, оборвав наш разговор.

— Добрый день.

Я повернулся на женский голос.

— Добрый…

Остаток приветствия так и остался во рту.

На пороге стояла Люба.

Та самая. В белой униформе, с длинными светлыми волосами и знакомой улыбкой, от которой внутри всё болезненно сжалось. Я смотрел на неё, насколько позволяли подбитые глаза, боясь моргнуть и обнаружить вместо неё совсем дру-

гого человека.

Она вошла в палату, и дневной свет скользнул по её волосам. Послышался тихий шелест ткани. Ничего не расплывалось, не дрожало, не уходило волнами. Девушка была настолько настоящей, что спорить с собственными глазами казалось бессмысленно.

Хотя именно с этого у меня обычно всё и начиналось.

Я уже принимал происходящее за действительность. Разговаривал с людьми, слышал их дыхание, чувствовал прикосновения. Потом мне объяснили, что большей части этого не было. Теперь Люба снова находилась передо мной, и я с пугающей готовностью хотел поверить ей ещё до первого обращённого ко мне слова.

Она увидела меня. Улыбка стала тише; взгляд задержался на лице.

Следом за ней вошла Ирина.

Нет.

Я даже не сразу смог вдохнуть.

Нет, так не бывает. Только не она. Не здесь.

— Добрый день всем. Здравствуй, Кай.

Ирина подошла вплотную и улыбнулась.

Обычное лицо. Ухоженное, спокойное. Аккуратно подведённые глаза, знакомый изгиб губ. Ни следа того, что я помнил слишком хорошо и хотел бы не помнить вовсе.

В голове вспыхнула палата из прежней больницы. Разбитое окно. Осколки. Невея, скрывавшаяся за этим лицом.

Я ведь видел, что с ней произошло. Сам сделал всё, чтобы больше никогда не встретить эту тварь — ни в этой жизни, ни в следующей.

А она стояла рядом с моей кроватью.

Живая. Целая. Довольная.

По спине пополз холод. Я прижал ладонь к матрасу, чувствуя под пальцами натянутую простыню. Хотелось отодвинуться, но даже это означало бы показать ей, насколько сильно я испугался.

Только произнеси что-нибудь про девять душ, стерва. Только попробуй.

— Как самочувствие?

— Пойдёт, — ответил я, почти не разжимая губ.

Дыши, Кай. Спокойно. Глубже.

Вдох получился коротким и болезненным.

— Говорят, ты по-прежнему дерёшься. На тебе лица нет.

— А на тебя, смотрю, даже стрелки на глазах нарисованы.

Она не перестала улыбаться.

Я ждал хотя бы крошечного изменения: раздражения, злости, чего-нибудь, что позволило бы увидеть за этой вежливостью знакомую мне Невею. Но Ирина смотрела с терпением врача, которому в очередной раз достался неприятный пациент.

— Ты себя в зеркале видел? Ещё нет? Ничего, Кай. Времени у тебя много. Ещё успеешь собрать всё в кучу за тридцать дней.

Я перестал следить за её улыбкой.

— Тридцать дней? О чём ты?

Последнее слово пришлось проглотить.

— Извини, Кай, но больше держать тебя здесь не смогу.

Она произнесла это легко, без нажима. Оттого сказанное прозвучало ещё хуже. Как решение, с которым меня просто знакомят, не предполагая возражений.

— О чём ты опять со мной договариваешься… Ирина?

Имя далось с усилием. Под ним слишком отчётливо чувствовалось другое.

— Я договариваюсь? Кай, это тебе нужна помощь. А моя задача — оказать её. Хочешь ты того или нет.

Она моргнула и чуть склонила голову.

— Мне от тебя ничего не надо. Хватило прошлого раза.

— Пока я здесь твой лечащий врач, мне решать, где и сколько тебе находиться.

Лечащий врач.

Вот оно. Не случайная встреча, не чужая ошибка, которую сейчас исправят. У неё снова есть право подходить к моей кровати, задавать вопросы, назначать препараты. И объяснять любому, кто вздумает меня слушать, почему этого делать не стоит.

Я посмотрел на Любу.

Она стояла рядом, сохраняя спокойствие, но улыбки на её лице уже не было. На слова о тридцати днях она ничего не сказала. Лишь перевела взгляд с Ирины на меня, и мне

отчаянно захотелось понять, что означает это молчание.

— И умоляю, дружок, не выплёвывай таблетки, — добавила Ирина. — А то лицо к тебе никогда не вернётся.

Я машинально коснулся щеки.

Она заметила движение.

Конечно, заметила.

Развернувшись к двери, Ирина окинула взглядом остальных:

— А вы тоже здесь не задерживайтесь. Нашли место, где спрятаться! Всех отсюда сраной метлой за порог.

Мужчина на угловой койке лежал, плотно сжав губы. Я вспомнил про песню, которую следовало крутить в голове, и почему-то стало ещё неуютнее. Если он и напевал её сейчас про себя, это казалось жалкой попыткой заглушить собственный страх, чтобы не закричать.

Ирина вышла.

Я продолжал смотреть на дверь.

Получается, ведьма получила должность врача, и теперь моё пребывание здесь целиком зависит от неё. Опять попал не в ту дырку. Дважды оказаться в передряге с одной и той же женщиной — уже талант. Особенно если у женщины ступа в гараже, а в медицинской карте для тебя приготовлено что-нибудь похуже зелёного чая.

Тридцать дней.

Для чего?

И что произойдёт потом?

— Не переживай, Кай.

Люба присела на край кровати. Ткань униформы чуть приподнялась, открывая колени, и я с неожиданным облегчением поймал себя на том, что всё ещё способен это заметить.

— Что теперь от неё ожидать? — спросил я. — Может, сразу всю больницу умертвим?

— Тише. Не кричи.

— Ты слышала, что она сказала?

— Слышала.

— И?

Люба посмотрела мне в глаза. В её спокойствии не было ни удивления, ни той растерянности, которая сейчас наверняка читалась на моём лице.

— Доверься мне, Кай.

— Вы с ней вместе пришли.

Она на мгновение опустила взгляд.

— Да. Вместе.

— Ну вот.

— Это не значит, что я во всём с ней согласна.

Она произнесла это тихо, не оглядываясь на дверь, но пальцы, лежавшие на простыне, чуть напряглись. Я посмотрел на её руку, потом снова на лицо. Хотел спросить, в чём именно они не согласны и почему раньше мне об этом никто не говорил, однако Люба едва заметно покачала головой.

— Не здесь. И, пожалуйста, не повышай голос. Амок

услышит. Его тяжело успокаивать, когда он полностью выходит из-под контроля.

Она кивнула в сторону угловой койки.

— Амок? — переспросил я, понизив голос. — Этот, который самый противный?

— Он.

— Я уже понял, что мы с ним не подружимся.

Приблизившись к Любе, я невольно скользнул взглядом к вырезу её униформы и тут же посмотрел ей в лицо. Она заметила. По глазам было видно, что заметила, но говорить ничего не стала.

— А почему Амок?

— Так здесь называют его приступы. Он может долго лежать молча, казаться задумчивым, а потом внезапно впасть в неконтролируемую ярость.

— Именно таким я его и видел.

— Кай, это не просто скверный характер. Во время приступа он может схватить что угодно и причинить вред тем, кто окажется рядом.

Она ненадолго посмотрела в его сторону.

— Пускай окружающие сами за него переживают, — попытался пошутить я.

Люба не улыбнулась.

— Я не за них волнуюсь.

Её пальцы начали перебирать уголок простыни.

— Как и тогда…

Мне стало нечего ответить.

В памяти всплыл разговор с доктором в прежней больнице. Его уверенный голос, объяснявший, что в одиночной палате я находился один. Всё то время, когда мне казалось, будто рядом живут, мучаются и погибают другие люди.

Я тогда слушал и не мог совместить его слова со своими воспоминаниями.

Но Люба была.

Единственный человек, чьё присутствие не пришлось вычёркивать вслед за остальными. Она оставалась со мной днём и ночью, сидела на неудобном стуле, следила за состоянием, пока я находился невесть где. И там, в мире, который доктор называл порождением моей головы, она тоже была рядом.

С Ирли.

Я вспомнил мальчишку, его лицо, то доверие, с которым он тянулся к ней. Она помогала ему, становясь близким человеком там, где он особенно нуждался в защите. Тогда я видел в этом заботу о ребёнке. Теперь, вспоминая слова врача, невольно думал: а если в Ирли действительно жила та часть меня, которая так и осталась маленькой и испуганной?

Выходит, Люба оберегала её тоже.

Не требуя, чтобы я это понял. Не дожидаясь благодарности.

Я посмотрел на девушку, сидевшую рядом, и почувствовал стыд за собственную подозрительность. Он не отменял

страха, не объяснял всего произошедшего, но заставлял хотя бы перестать искать подвох в каждом её движении.

— Спасибо, — произнёс я почти беззвучно.

Несколько секунд мы молчали. Потом она отпустила уголок простыни и вернулась к разговору:

— Амок здесь — прозвище. Так говорят о его слепой агрессии. Но дело не только в приступах. Он слышит голоса, которые обсуждают его действия, дают советы, иногда приказывают.

Я невольно вспомнил, как шевелились его губы, когда рядом никто не разговаривал.

— Он считает, что кто-то извне управляет его мыслями, — продолжила Люба. — Что может заставить его поступить определённым образом. Понимаешь?

— А врачи, по его словам, эти мысли читают.

— Он тебе говорил?

— Только что. Ещё песенку посоветовал. Чтобы вы не подслушивали.

Люба вздохнула.

— Не спорь с ним об этом. И не дразни.

Я посмотрел на угловую койку.

Амок лежал, повернув голову в нашу сторону. Увидев, что я смотрю, не отвернулся. В его неподвижном внимании было что-то цепкое, неприятное. Мы говорили почти шёпотом, но он, похоже, не оставлял попыток разобрать хотя бы отдельные слова.

Чего ему надо? Если верить Любе, своих разговоров у него полная башка. Ещё и в наш пытается влезть.

Я снова повернулся к девушке.

— Люба, а ты здесь как оказалась? Это же место для преступников.

— Ирину перевели в «Обитель грешников» работать врачом.

— А тебя она с собой забрала?

— Я сама попросилась на перевод. Вместе с ней. Сказала, что буду помогать.

— После всего, что было?

— Она моя сестра, Кай. Забыл?

— Такое забудешь…

Люба помолчала.

— К тому же я знала, что ты здесь.

Сказав это, она не отвела глаз. Я ждал продолжения, какого-нибудь привычного объяснения о работе, назначениях и необходимости ухаживать за больными. Но девушка лишь посмотрела на мою разбитую щёку.

— За тобой по-прежнему надо приглядывать. Весь в синяках и ссадинах. Правда ведь?

— То есть ты попросилась сюда из-за меня?

— Я знала, к кому иду.

Ответ прозвучал спокойно. Даже слишком спокойно для того, что я в нём услышал.

Мне вдруг стало тесно в собственной неловкости. Ещё ми-

нуту назад я допытывался, на чьей она стороне, а теперь не знал, куда деть руки и как посмотреть на неё, чтобы не выдать всё разом.

— Местный громила постарался, — сказал я, осторожно потирая шишку на голове. — Беспредельщик в погонах. Здесь его Босом называют.

— Знаю.

— Свою работу любит. Особенно ту часть, где можно человеку по башке настучать.

Люба посмотрела на мою руку.

— Не трогай. Больнее сделаешь.

Я опустил ладонь.

— Он очень гордится своим поведением, — сказала она. — И почти не испытывает страха.

— Потому что дубинка у него, а не у меня?

— Не только. У него редкое заболевание — болезнь Урбаха — Вите. Поражена область мозга, связанная с реакцией на опасность. Миндалевидное тело.

Я нахмурился.

— То есть напугать его не получится?

— Кай, не надо проверять. Он второй человек, которого тебе следует остерегаться.

— Это я уже понял.

Люба больше ничего не добавила.

Она сидела рядом, разглядывая следы, оставленные на мне Босом, и в её лице постепенно проступало то, что до

этого удавалось удерживать за спокойным голосом. Взгляд задерживался на припухлостях, на ссадинах, потом возвращался к глазам.

Я привык, что меня осматривают. Оценивают, насколько сильно досталось, где болит, могу ли встать. Иногда жалеют с таким выражением, что хочется отвернуться.

Сейчас было иначе.

Люба смотрела на меня без превосходства, без снисхождения к человеку, который опять не сумел себя уберечь. И оттого становилось труднее выдерживать её взгляд.

В голубых глазах появилась влага.

Она моргнула, стараясь скрыть это, но я уже заметил.

Мне хотелось сказать, что ничего страшного не произошло. Что заживёт. Что бывало и хуже. Только рядом с ней эти слова почему-то звучали бы особенно глупо.

Я помнил, кем считал её. Сестрой Ирины. Ведьмой. Существом, которому доверять опасно, сколько бы человеческого ни было в его лице.

И всё-таки смотрел в это лицо и верил.

Может быть, моя голова снова подсовывала удобное объяснение. Может быть, я слишком устал бояться и теперь готов был принять за спасение любую протянутую руку. Но передо мной сидела Люба, которая уже оставалась рядом, когда от меня самого мало что оставалось. Это было труднее оспорить, чем собственные подозрения.

Говорят, глаза — зеркало души.

В её глазах я видел себя. Побитого, растерянного, далеко не лучшего человека на свете. И видел, что ей от этого больно.

Потусторонняя сущность — существенный недостаток. Тут спорить не стану. Но, оглядываясь на всё, что мы пережили, я всё меньше понимал, почему именно этот недостаток должен перевесить остальное.

Люба снова моргнула.

Я не отвёл взгляда.

За дверью оставалась Ирина с её тридцатью днями. На угловой койке — Амок, пытавшийся подслушать наши слова. На полке тумбочки лежала книга, которую я боялся снова открыть. Ничего из этого не исчезло.

И всё же сейчас мне хотелось, чтобы Люба посидела ещё.

Чтобы перестала сдерживать тревогу за меня в одиночку. Чтобы знала: я вижу её, слышу и помню.

Я слишком хорошо успел узнать, как быстро заканчивается время, которое считаешь своим. Как легко откладываешь нужные слова, уверенный, что произнесёшь их потом. С ней мне не хотелось снова дожидаться этого «потом».

Пока я не знал, как назвать то, что происходило между нами. Но уже боялся потерять.

И если этим чувствам тоже был отпущен срок, я хотел лишь одного: чтобы, затихнув, они однажды возвращались. Чтобы снова появлялось это тихое желание быть рядом, беречь другого человека и самому становиться для него тем,

кого стоит дождаться.

Эпизод 10

— Подъём, пресмыкающиеся! На таблетки!

Командный крик вломившегося Боса прогремел среди внезапно наступившей тишины. Я невольно вздрогнул. Только что Люба сидела рядом, и мне хотелось задержать её хотя бы ещё на несколько минут. Теперь по палате застучали подошвы, заскрипели кровати, и всё, что я собирался ей сказать, пришлось оставить при себе.

Бос, как всегда, не церемонился. Первым под удар резиновой дубинки попал бродяга, задержавшийся возле своей койки. Тот пытался спрятать перед уходом несколько мятых сигарет и никак не мог справиться с собственными пальцами.

— Шевелись!

Бродяга согнулся, прижав локоть к боку. Сигареты едва не выскользнули из руки. Он торопливо сунул их под постель и отступил от кровати, даже не взглянув на того, кто его ударил.

Именно это молчание почему-то разозлило меня сильнее самого удара. Ни возмущения, ни попытки спросить, за что. Человек просто постарался поскорее убраться с дороги, будто задел что-то раскалённое и теперь винил в этом исключительно себя.

Я стиснул зубы. Подняться хотелось резко, но тело ещё

слишком хорошо помнило наше с Босом знакомство.

— Кай! Слушай меня внимательно.

Люба схватила меня за локоть. Пальцы сжались неожиданно крепко. Приблизившись, она заговорила быстро, почти не размыкая губ:

— Ни в коем случае не пей таблетки, которые будет давать Невея. Слышишь? Делай вид, и всё. Пей вот эти.

Она незаметно вложила мне в ладонь таблетки, прикрыв наши руки своей.

— Они не позволят тебе уйти в прошлую реальность.

Я посмотрел на неё.

Невея. Люба сама произнесла это имя. После всех вежливых приветствий, разговоров о лечении, переводе в другую больницу — произнесла так, словно между нами наконец можно было не притворяться.

— В какую прошлую?.. — начал я.

— Я не готова потерять тебя снова. Кай…

Она не договорила.

За её плечом вырос Бос. Я успел сжать ладонь и убрать таблетки в карман.

— Вставай, собака!

Дубинка пошла вверх. Я невольно втянул голову в плечи, приготовившись к удару, но Люба уже поднялась между нами.

— Не бей его! Он идёт!

Схватившись за дубинку, она удержала её. Несколько

мгновений Бос смотрел на Любу сверху вниз. Потом напряжение в его руке ослабло, а на лице расползлась заигрывающая улыбка, совершенно не вязавшаяся с тем, что он только что собирался сделать.

— Только ради тебя, красавица.

— Спасибо.

В её голосе было столько презрения, что даже я, сидевший за её спиной, почувствовал себя неловко. Бос, похоже, услышал только само слово. Опустив дубинку, он посторонился с таким видом, будто оказал нам обоим огромную услугу.

Я встал. Бок отозвался болью, заставив на секунду замереть.

Снова?

Что значит — потерять меня снова?

Люба отпустила мой локоть. Переспросить уже не получалось: рядом стоял Бос, к двери тянулись больные. Я лишь встретился с ней взглядом, пытаясь понять, сколько ещё она знает обо мне такого, чего не знаю я сам.

Выйдя в коридор медсанчасти, я пристроился к общей очереди перед столом медперсонала. К нашим присоединились больные из соседней палаты напротив. Набралось около десяти человек, но в тесном проходе казалось, что гораздо больше.

Под тусклым светом облупившаяся краска на стенах выглядела грязнее, чем была, наверное, на самом деле. Пахло лекарствами и вымытым полом. Подошвы шаркали по истёр-

тому линолеуму; кто-то переминался с ноги на ногу, кто-то дышал мне в затылок. Здесь всё располагало к тому, чтобы стоять, ждать и постепенно забывать, сколько уже прошло времени.

Мы с Каспером не спешили оказаться в начале очереди. Пропустив перед собой бродягу и неприятного Амока, остались в хвосте. Каспер выглядел так, будто происходящее его вполне устраивало. Стоял спокойно, никуда не тянулся, не пытался рассмотреть, что делается впереди. Мне бы хоть половину его выдержки.

Чёрный письменный стол пока пустовал. В нескольких шагах от него Бос следил за порядком, поигрывая дубинкой. Рядом переминался сотрудник по фамилии Шнырёв, явно не знавший, куда деть руки. Он то поправлял одежду, то сцеплял пальцы перед собой, но ни одно положение, судя по всему, не казалось ему достаточно служебным.

— Ты что, меня тут встал контролировать, а? — вдруг рявкнул Бос.

Шнырёв выпрямился.

— Я…

— Что — я?

Бос выдержал паузу. Несколько человек в очереди повернули головы. Дождавшись, когда на них посмотрят, он указал дубинкой в нашу сторону:

— Иди к ним! На своё место. В рот заглядывать.

Шнырёв поджал губы и поспешил выполнить приказ.

Протискиваясь между столом и больными, он старательно ни на кого не смотрел. Даже уши покраснели. На секунду мне стало его жалко, хотя жалеть человека, которому сейчас предстояло лезть мне в пасть, было довольно странным занятием.

Бос проводил его взглядом и оглядел очередь.

Вот теперь порядок. Все увидели, кто здесь главный.

Сказать подчинённому, где встать, можно было и без этого представления. Но тогда никто не обернулся бы. Никто не замер бы на полуслове. А здоровяку, похоже, именно это и требовалось: чтобы от его голоса люди делались меньше, сутулились, торопливо отводили глаза.

Не думаю, что Шнырёв смог бы ему угодить, даже угадав приказ заранее. Встал рядом — контролирует. Отошёл — шляется неизвестно где. Захочет докопаться — найдёт к чему. У таких людей чужая правота только сильнее портит настроение.

Я слишком долго разглядывал Боса и в конце концов встретился с ним взглядом.

— Эй, потерпевший!

Он чуть приподнял подбородок.

— Я за тобой присматриваю. И за моей подружкой.

Бос перевёл взгляд на Любу, давая понять, кого имеет в виду, и снова уставился на меня.

— Если увижу, что ты… Именно ты! — он указал дубинкой мне в грудь, хотя между нами оставалось несколько ша-

гов. — Не пьёшь колёса, то учти: она тебе не поможет. Какая у тебя будет судьба, я решу без твоего участия. И без учёта её медицинских рекомендаций.

Он улыбнулся. На этот раз Любе улыбка не предназначалась.

Я промолчал, чувствуя таблетки в кармане. Совсем маленькая тяжесть, которую теперь почему-то невозможно было не замечать.

Отвечать ему не стоило. Любое слово могло послужить поводом, а повод он, кажется, с удовольствием принял бы. Пришлось смотреть мимо его плеча на пустой стол и делать вид, что я вполне способен усвоить полезное наставление с первого раза.

«Моя подружка».

Ему явно не нравилось, что Люба сидела возле моей кровати. Ещё меньше — что встала между мной и его дубинкой. Он говорил о ней с такой уверенностью, будто уже всё решил, забыв поставить в известность саму девушку.

Я вспомнил её пальцы на своём локте, торопливый шёпот, тревогу в глазах. Здесь, в очереди, под взглядом Боса, эти несколько минут рядом с ней стали ещё дороже. И оттого было особенно мерзко слышать, как он присваивает себе право вмешиваться в них.

— Не обращай внимания на этого придурка. Тот ещё задрот.

Я повернулся.

Рядом стоял парень лет двадцати трёх, которого я прежде не видел. Он говорил негромко, но с таким непринуждённым выражением, словно мы обсуждали надоедливого соседа, а не человека с дубинкой, способного подойти в любую секунду.

— У тебя с ним тоже были проблемы? — спросил я, продолжая краем глаза следить за людьми в камуфляже.

— Именно. Мы тут в основном все и лечимся от полученных нагоняев. Как и ты, походу, да?

Он неопределённо повёл рукой возле моего лица. Подробности, видимо, читались без дополнительных объяснений.

— Поначалу попал под замес.

— Не гони, заживёт. Тебя как звать?

— Кай.

— А меня зови Мажором.

— Музыкант, что ли?

— Кто? — Он посмотрел на меня с деланым сочувствием. — Здорово тебя ушатали.

Я едва заметно усмехнулся. Губа тут же напомнила, что веселиться пока рановато.

— С латинского major переводится как «старший», — продолжил парень. — Кстати, с ментами меня не путай. Звание «майор» оттуда же. Получается, некоторые менты — мажоры, но не все мажоры — менты. Вот я, например.

Он коротко ткнул себя пальцем в грудь, довольный тем, как всё складно получилось.

— Интересно, правда? Терпеть их не могу. Особенно вон того мажора с резиновой дубинкой.

— Ну да. Судя по звезде на погоне, майор.

— Вот видишь. А батя у меня — видная фигура. Бабки есть, знакомые есть, влияние… На меня по большей части.

Последние слова он произнёс уже без прежнего удовольствия.

— В смысле?

— Мне всего двадцать три, а он, видимо, считает, что сорок три. Говорит: хватит гулять, пора за ум взяться.

Мажор пожал плечами, предлагая мне оценить всю нелепость отцовских требований.

— А ты не взялся?

— Не-а. Тогда он сам взял меня за орган и отнёс сюда. Благодаря связям в суде.

Я посмотрел на него внимательнее. Про заключение парень рассказывал почти тем же тоном, каким другой пожаловался бы, что дома отобрали ключи от машины. Только улыбка немного съехала, и он принялся разглаживать большим пальцем складку на рукаве.

— Давно?

— Давненько. Пора бы уже снова погулять, а то скучно тут.

Он помолчал, глядя на пустой стол, затем неожиданно оживился и придвинулся ко мне:

— Будешь чудо-таблетку? У Любки потихому списюкал.

— Нет, спасибо. Завязал.

— Правильно. Тем более что у меня одна.

Я снова едва не улыбнулся. Щедрость его предложения, похоже, держалась исключительно на уверенности в моём отказе.

Мажор опустил голос:

— Выпью, когда к столу подойду. А дерьмо, которое нам прописывают, зашкерю и скину потом на дальняк.

Он быстро посмотрел туда, где стоял Бос. Дерзость дерзостью, а делиться с ним своим планом парень всё-таки не собирался.

— А что не так с местными колёсами?

— Глюки от них жёсткие. Как будто ты сдох давно, а по тебе всякие насекомые ползают. Паразиты. И все с огромным желанием отобедать кусочком плоти.

Он говорил всё тише. От прежней лёгкости осталась только натянутая усмешка.

— А я-то против. У меня жизнь только начинается.

Его пальцы скользнули по предплечью и остановились у закатанного рукава. Проследив за движением, я заметил шрамы чуть ниже локтя.

Сначала даже не понял, от чего могли остаться такие следы. Это не походило ни на обычные порезы, ни на ссадины после драки. Казалось, кожу долго скребли чем-то грубым — точильным камнем или крупной наждачкой, — а потом она заживала неровно, оставляя участки стянутой рубцовой

ткани.

Я перевёл взгляд на другую руку. Там было то же самое.

Мажор заметил, куда я смотрю. Не говоря ни слова, он развернул рукава чёрной рубашки и потянул манжеты вниз. Сделал это быстро, с раздражением, которого прежде в его движениях не было. Я отвёл глаза. Спрашивать почему-то расхотелось.

— Невротическая экскориация, — прошептал за моей спиной Каспер.

Я повернул к нему голову.

— Чего?

— Расчёсывает кожу. Сам.

Он произнёс это спокойно, без того любопытства, с которым я только что рассматривал чужие руки.

— До такого?

— Я читал. Сначала зуд, неприятные ощущения. Человек трёт, чешет, пытается избавиться от них. Повреждает кожу. Потом снова. Раны не успевают нормально зажить, остаются рубцы.

Я украдкой взглянул на опущенные рукава Мажора. Парень уже отвернулся, словно нашего разговора не слышал.

Его слова о насекомых вдруг перестали казаться просто неприятным описанием глюков. Он ведь не шутил. По крайней мере, когда говорил, что против.

— Каспер, — позвал я еле слышно, наклоняясь к нему сквозь шум толпившихся больных. — Где читал?

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто ответ был очевиден.

— Как тебе непонятно? В книге, конечно.

Я помедлил.

— В той самой?

Каспер уже перевёл взгляд на стену.

— Но там пусто, — сказал я. — Нет ничего. Я же смотрел в неё.

Он не ответил. Стоял рядом, изучая медицинские стенды, и, судя по неподвижному лицу, написанное там занимало его гораздо больше моего вопроса.

— Каспер.

Парень чуть приподнял подбородок, разглядывая верхнюю строчку одного из плакатов.

Я тоже посмотрел на стену, хотя читать ничего не собирался.

Может, он меня не понял? Я ведь говорил не о том, что не нашёл нужную страницу. Там вообще не было ни слова. Я сам держал книгу, переворачивал листы, рассматривал их вблизи. Пустая бумага. А он только что сослался на прочитанное с той же уверенностью, с какой назвал своё имя при знакомстве.

В коридоре шаркали подошвы, впереди негромко переговаривались больные. Каспер спокойно читал стенд.

Я ещё немного подождал, надеясь, что он всё-таки объяснит.

Но так и не дождался.

Эпизод 11

Прошло ещё несколько минут. Каспер продолжал изучать медицинские стенды, а я — ждать ответа, которого, похоже, не собирался получать. Затем за чёрным столом появилась Ирина, и очередь нехотя зашевелилась.

Она разложила перед собой лекарства, придвинула стакан с водой и подняла глаза на первого больного. Всё делала спокойно, без суеты, словно вокруг не было ни людей с дубинками, ни напряжённых лиц, ни этого тяжёлого ожидания, от которого даже воздух в коридоре казался неподвижным.

— Обычно колёса Любка раздаёт, — прошептал Мажор. — А сейчас вон… сама мегера. Похоже, не полностью доверяет сестре.

— Почему?

— Любка знает, что Ирка сильные препараты назначает. Смотрит по ситуации: давать или нет, сколько давать. А то с них можно через неделю проснуться. А то и через две.

Он сжал кулак, пряча в нём свою «полезную» таблетку, и переступил с ноги на ногу. Непринуждённость, с которой парень только что рассказывал о себе, куда-то подевалась. Теперь он следил за руками Ирины, будто от того, какой палец она пошевелит, зависело, удастся ли ему сдать этот неприятный экзамен.

Рядом с врачом стоял Бос. Содержимым пузырьков он

не интересовался. Его часть лечения заключалась в другом: всем своим видом объяснять, что вопросы о назначениях здесь излишни. Получил, проглотил, освободил место. Для тех, кто усваивал плохо, имелось дополнительное средство — резиновая дубинка.

По другую сторону стола суетился Шнырёв. Невысокий, с небольшим животом и двойным подбородком, он старательно заглядывал в рот каждому, кто выпил лекарство. После недавнего разноса прапорщик, видимо, решил доказать, что и он способен приносить пользу.

— Шире открой! Язык подними! Да открой же ты шире!

Бродяга откинул голову. Шнырёв, придерживая его за подбородок, полез ему в рот дверным ключом. На потемневшем металле тускло блеснул свет.

Меня передёрнуло. Этим ключом он наверняка только что открывал дверь. Впрочем, судя по усердию прапорщика, до таких медицинских тонкостей ему дела не было.

— Следующий!

Бродяга отошёл, вытирая губы рукавом.

Амок остался на месте.

— Иди ты вперёд! — бросил он Мажору. — Что я? Вот что?

— Иди, говорю. Чего встал?

Мажор тоже не торопился. Его взгляд метнулся к столу, затем к Босу. Кулак с таблеткой он прижал к бедру.

Амок резко развернулся.

— Постоянно тебя слышу! Постоянно мне что-то указываешь! Вся голова одним тобой забита!

Разговоры в очереди стихли.

— Только тебя и слышу, днём и ночью! Найди то! Сделай это! Проваливай отсюда!

— Ты чего несёшь? — Мажор отступил на полшага.

— Сам знаешь!

Амок толкнул его вперёд. Парень едва удержался, зацепившись ладонью за край стола. Стакан звякнул, и Ирина придержала его прежде, чем вода успела пролиться.

Она даже голоса не повысила.

— Мальчики, отведите больного в палату. Я ему там укол поставлю. Пусть успокоится и поспит.

— Шнырь! — рявкнул Бос. — Ты слышал или нет? Веди! Кому сказано, дебил!

Прапорщик поспешно убрал ключ. Амок продолжал ругаться, поворачивая голову то к Мажору, то к стене, словно спор ещё не закончился и отвечать ему приходилось сразу нескольким собеседникам. Шнырёв взял его под локоть и повёл в палату.

Пока все смотрели им вслед, Мажор придвинулся к столу. Я заметил короткое движение его пальцев: выданная Ириной таблетка исчезла в ладони, а другая отправилась в рот. Он сразу запил её водой и поставил стакан.

Всё заняло несколько секунд.

Парень отошёл, старательно сохраняя скучающее выраже-

ние лица. Только плечи у него опустились, будто он наконец позволил себе выдохнуть.

— Следующий, — произнесла Ирина.

К столу приблизился очень крупный парень лет двадцати пяти. Одежда натягивалась на животе; наклоняясь к лекарствам, он придерживал край рубашки, словно тот мешал ему рассмотреть главное.

— А можно мне побольше вон тех? — попросил он. — Помогают унять голод. И воды после них много пью. Мне это важно, доктор.

— Обжора, тебя же опять будет выворачивать на дальняке, — заметил Мажор.

Тот отмахнулся, не сводя глаз с лекарств.

— И, доктор, можно ещё… У меня сосудики сузились. Пульс участился от криков здесь. Давление подскочило. И вообще, мне кажется, у меня депрессия.

Он перечислял свои несчастья в надежде, что хотя бы одно окажется достаточным основанием для добавки. Таблетки, похоже, занимали в его жизни то же почётное место, что и всё остальное, способное пройти через рот.

— Нет, Жорик. Вам надо правильно питаться и правильно лечиться, а не есть всё подряд, что на глаза попадается. Ясно вам?

— Ясно…

Он помедлил.

— Только одну, да?

— Проваливай! — отрезал Бос. — Следующий!

Жора принял положенное и нехотя отошёл, напоследок оглянувшись на стол.

В очереди остались Емеля, я и Каспер. Последний по-прежнему читал о вреде курения и алкоголя с таким вниманием, будто собирался немедленно пересмотреть свой образ жизни. Ни окрики, ни дубинка, ни предстоящая встреча с Ириной его не тревожили.

Емеля, наоборот, побледнел.

— Кай, я не могу пить эти таблетки.

Он говорил едва слышно, почти не двигая губами. Я увидел, как мелко дрожит кожа у него под глазом.

— Иначе усну. Понимаешь?

Я понимал. Вспомнился его рассказ о тёмном коридоре, о человеке, загораживающем выход, и тонкой леске, блеснувшей между поднятыми руками.

— Следующий, я сказал! — поторопил Бос.

Я сунул руку в карман. Таблетки, которые передала Люба, нащупались сразу. Отделив одну, я прижался плечом к Емеле.

— Возьми. Незаметно заменишь на ту, которую даст Ирина.

Его пальцы коснулись моих. На мгновение он сжал мою руку вместе с таблеткой, будто боялся, что я передумаю.

— К столу! — рявкнул Бос. — Я кому говорю?

Дубинка пошла вверх.

Я схватился за неё раньше, чем успел подумать, чем это закончится.

— Ему нельзя принимать эти препараты. Они его убьют во сне.

В коридоре стало тихо.

Бос посмотрел сначала на мою руку, затем мне в лицо. Я держал дубинку и чувствовал, как под пальцами напряглась резина. Отпустить сейчас означало оставить Емелю перед ударом. Продолжать держать — предложить себя вместо него.

Выбор, прямо скажем, небогатый.

— Ты пожалеешь об этом, — процедил Бос.

Он не пытался вырвать оружие. Медленно, демонстративно сжал рукоять, позволяя мне увидеть, как напряглись мышцы его предплечья. Лицо наливалось багрянцем. В его взгляде не было ни сомнения, ни страха перед тем, что могло произойти при свидетелях.

Свидетели ему как раз и требовались.

Я услышал за спиной шаги, но оборачиваться было поздно.

— Спокойной ночи, — прошипел Бос.

— Держи пилюлю…

Голос Шнырёва прозвучал возле самого уха.

Удар обрушился сзади. В голове вспыхнуло так ярко, что на мгновение исчезли и Бос, и стол, и весь коридор. Пальцы разжались. Пол, качнувшись, пошёл навстречу, а свет погас

прежде, чем я успел до него добраться.

Темнота дрогнула.

По ней прошла мелкая рябь, будто кто-то коснулся поверхности чёрной воды. Светлые полосы вытянулись, собираясь в стволы деревьев, под ногами проступила влажная земля. Я стоял в парке.

В том самом.

Снова вечер, отнявший у меня брата.

Откуда-то тянуло озёрной сыростью. Туман лежал между деревьями неровными клочьями, и за ним угадывалась знакомая тропинка. Я уже знал, что не смогу уйти отсюда по собственной воле. Придётся смотреть. Столько, сколько мне покажут.

Когда-то память оставила от этого дня обрывки, с которыми ещё можно было жить. Остальное словно провалилось куда-то, и я долгие годы старался не приближаться к краю. Теперь меня возвращали туда снова и снова, заставляя разглядывать то, от чего хотелось закрыть глаза.

Под берёзой сидел человек.

Пригнувшись к ладоням, он пытался прикурить отсыревшую папиросу. Грязные пальцы с нестрижеными ногтями мяли бумагу; огонёк спички дрожал и гас, не успев толком разгореться. Человек ругнулся и стряхнул с руки обломок.

Я узнал бродягу.

— Мне нужна помощь.

Из тумана вышел мужчина в чёрном кожаном плаще. Од-

ну руку он держал возле лица, прижимая носовой платок к повреждённому глазу. Дышал тяжело, прерывисто. Остановившись, оглянулся через плечо.

У меня свело живот.

Он. Совсем рядом, в нескольких шагах. Я смотрел на знакомую кожу плаща, на платок, на его руку и снова видел жёлтую Ванькину ветровку, собравшуюся в чужих пальцах.

Бродяга поднял голову.

— Судя по харе, тебе нормально приложили. Но я не аптека. Ни бинтов, ни зелёнки.

— Заткнись и слушай. На меня напали, но я убежал. Теперь меня ищут. Если найдут, снова изобьют.

Незнакомец прислушался.

— Если сюда придут, отведи их в другую сторону.

— Просишь меня о помощи?

Бродяга выпрямился, уже не пытаясь прикурить.

— А кто бы помог мне? Судя по прикиду, у тебя много чего есть. А у меня? Даже сраную папиросу поджечь нечем.

Он отбросил её в траву. Взгляд задержался на плаще, прошёл по широкому воротнику, по складкам плотной кожи. Рядом с этой вещью его собственная рваная спортивная ветровка выглядела ещё жалче.

— Плащ отдай, — сказал он.

Мужчина перестал оглядываться.

— Что?

— Плащ, говорю. Хорошая вещь. Тебе, видать, есть на что

новый купить.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Потом мужчина убрал платок ровно настолько, чтобы освободить руку, торопливо стянул плащ и бросил бродяге.

— Нравится — забирай. Но помни: ты меня не видел.

Тот подхватил обновку, не дав ей упасть на землю.

Незнакомец уже отходил к зарослям камыша. Стебли раздвинулись, пропуская его, ещё какое-то время шуршали, а затем стихли.

Я смотрел туда, где он исчез.

Вот куда. Запомни. Вот здесь он прошёл.

Бродяга тем временем сбросил ветровку и надел плащ. Вещь оказалась велика: плечевые швы сползли, рукава закрыли пальцы. Он подтянул воротник, расправил полы, провёл ладонью по груди. На лице появилось довольное, почти недоверчивое выражение человека, которому неожиданно досталось то, на что он прежде мог только смотреть.

Сунув руки в карманы, он нашёл чёрные кожаные перчатки. Повертел их перед собой и тут же натянул. Тёмные следы на коже его не остановили.

В другом кармане оказалась пьезовая зажигалка.

Бродяга щёлкнул ею. Над пальцами поднялось ровное пламя.

Он усмехнулся, нагнулся за выброшенной папиросой, обтёр её о полу плаща и наконец прикурил. Затянувшись, откинул голову к берёзе.

Всё у него теперь было. И плащ, и перчатки, и огонь.

Из темноты ударил луч фонаря.

— Видел кого-нибудь? Куда побежал? Говори!

Отец возник возле дерева так быстро, что бродяга едва успел убрать папиросу от губ. В одной руке у отца был фонарь, в другой — пистолет Макарова.

Я шагнул к нему.

— Пап…

Он не услышал.

Бродяга заслонился от света ладонью в чужой перчатке.

— Не стреляй! Был один убегающий…

— Ну?!

Отец приблизился и ткнул стволом ему в лоб. Папироса выпала. Бродяга прижался затылком к коре, раскрыв рот.

— Он… он…

Его взгляд метнулся к камышам.

Я заметил это движение. Короткое, испуганное, но совершенно точное. Он знал, куда ушёл человек. Мог сказать сейчас. Одного слова хватило бы.

Бродяга поправил кожаный воротник и показал в другую сторону.

— Туда. Мимо меня пробежал.

— Нет! — выкрикнул я. — Он врёт! Отец, туда, к воде!

Луч фонаря скользнул по указанной тропинке.

— Лицо запомнил?

— Не… не обратил внимания. Не стреляй. Не видел тол-

ком. Всё сказал.

Отец ещё мгновение держал его под прицелом. Потом убрал пистолет за ремень и побежал.

Я бросился следом, продолжая кричать, хотя уже знал: бесполезно. Свет прыгал между стволами, удаляясь всё дальше от камышей. Ветки хлестали поперёк тропы, но я не чувствовал их прикосновения.

Оглянувшись, увидел бродягу.

Он всё ещё сидел под берёзой, вжав голову в плечи. Затем медленно опустил руки и запахнул плащ.

Он не ошибся. Не перепутал в темноте. Только что посмотрел туда, куда убежал убийца, и указал отцу другое направление.

Я сжал кулаки.

Ванька остался лежать у озера. А этому достался хороший плащ.

Туман потянулся за удаляющимся фонарём. Стволы поплыли, тропинка под ногами распалась на светлые полосы, и я снова оказался в стороне от происходящего, не успев ни догнать отца, ни остановить его.

— Стой, мразь! Завалю!

Впереди, среди деревьев, бежал человек. Луч фонаря удерживал его широкую спину, выхватывая из темноты то плечо, то затылок.

Я уже видел это место. Отсюда разбегалась пьяная компания, избившая прохожего.

Беглец остановился.

Несколько секунд он стоял спиной к отцу, тяжело дыша, затем чуть повернул голову.

— У тебя ствол? Считаешь нужным стрелять? Шмаляй. Я не боюсь.

Я узнал голос раньше, чем увидел лицо.

Бос.

Тот самый здоровяк у озера. Тот самый человек, который совсем недавно желал мне спокойной ночи, удерживая дубинку.

— Повернись! — приказал отец. — Я хочу на тебя посмотреть.

— А я не хочу.

Отец пошёл к нему, не опуская оружия.

— Тогда подойду. Мне нужна информация. И будь уверен: если придётся стрелять, я это сделаю.

Бос медленно развернулся. Свет ударил ему в лицо, заставив прищуриться, но он не отвернулся и рук не поднял. Даже сейчас продолжал смотреть на отца с тем выражением, которое я уже успел возненавидеть: ну, давай, попробуй.

— Я слишком горд, чтобы хвостом вилять. И пули не боюсь.

— Тогда, гордый, поведай мне… На кого ты руку поднял?

Между ними осталось совсем немного места.

Я смотрел то на одного, то на другого, постепенно понимая, куда ведёт этот разговор.

Они говорили о разных людях.

Для отца существовал только Ваня. Всё остальное исчезло вместе с ним: служба, порядок, необходимость спрашивать, проверять, разбираться. Перед ним стоял человек, который бежал, а теперь не отрицал, что поднял на кого-то руку.

Бос же отвечал за то, что произошло здесь, у озера.

— Отец, подожди…

Голос сорвался.

— Я так и понял, что ты по поводу него, — сказал здоровяк, покосившись на пистолет.

Отец остановился.

— Значит, вопросы задавать не надо?

— Он задел мою гордость и поплатился за это.

Я двинулся между ними. Попытался заслонить ствол, толкнуть руку, сделать хоть что-нибудь.

Пальцы прошли сквозь отцовское запястье.

— Папа! Это не он! Спроси его! Просто спроси, о ком он говорит!

Отец снял пистолет с предохранителя. Сухой щелчок прозвучал отчётливее моего крика.

— Ты признаёшь свою вину?

Ствол упёрся Босу в лоб.

Здоровяк замер. Я увидел, как дёрнулась мышца у него на щеке. Но он всё равно не отвёл глаз, словно даже теперь уступить было страшнее, чем получить пулю.

— Передавай сынуле привет…

Договорить он не успел.

Выстрел расколол тишину.

Голова Боса резко откинулась, ноги подломились, и он рухнул на землю. Луч фонаря качнулся вслед за ним, выхватив лицо, которое уже ничего не выражало.

— Отец! Нет! Не он!

Я кричал, продолжая тянуться к пистолету, хотя останавливать уже было нечего.

Отец стоял над упавшим. Рука с оружием медленно опустилась. Я ждал, что он наклонится, посмотрит внимательнее, заметит ошибку. Но он только тяжело дышал, не отрывая взгляда от человека у своих ног.

Я ненавидел Боса. Помнил его дубинку, угрозы, удовольствие, с которым он унижал людей. Видел, как он избивал прохожего.

Но Ваньку убил не он.

И сейчас это было единственным, что имело значение.

Настоящий убийца уходил. Человек, который мог направить отца по его следу, остался под берёзой, завернувшись в чужой плащ. А здесь лежал другой — жестокий, самоуверенный, так и не пожелавший понять, что от него хотят услышать.

Отец не выяснил. Не дослушал. Принял услышанное за ответ на собственную боль и нажал на спуск.

Я смотрел на его опущенную руку и не узнавал её. Этими руками он делал нам с братом лук, поправлял тетиву, пока-

зывал, как держать стрелу.

Пистолет всё ещё был у него в пальцах.

Туман не отпустил меня.

Тёмные стволы вытянулись, побледнели, и между ними проступили стены нашей кухни. Озёрная сырость исчезла. Под ногами оказался знакомый пол, а рядом загудел старый холодильник «Саратов».

Возле него висел отрывной календарь.

8 мая 1993 года.

Следующий день.

Я поднял глаза на часы над холодильником. Восемь пятьдесят девять. Секундная стрелка двигалась с негромким сухим потрескиванием, и этот обыкновенный домашний звук почему-то оказался почти невыносимым.

Мать стояла у газовой плиты.

На конфорке горело пламя, но она ничего не готовила. Просто смотрела на маленький синий круг. По щекам тянулись слёзы; вытирать их она, кажется, устала.

Отец стоял рядом.

— Дорогая, я нашёл того, кто обидел нашего сына.

Она не повернула головы.

Некоторое время слышались только часы и ровное гудение холодильника. На кухне всё оставалось на своих местах, и от этого было ещё хуже. Мебель, посуда, полотенце возле раковины — весь привычный порядок сохранился, словно ничего не случилось.

— И что? — спросила мать. — Он обещал привести Ваню домой?

Отец опустил глаза.

— Нет.

Она продолжила смотреть на огонь.

В кухню вошёл маленький Кай.

Я увидел себя в дверях и невольно отступил. Мальчишка остановился возле косяка, сонный, бледный, с тем неподвижным выражением лица, которое бывает после ночи, за которую так и не удалось отдохнуть.

— Папа, я не могу от его образа избавиться.

Отец поднял голову.

— Мужик этот… В чёрном кожаном плаще. Всю ночь снился.

— Плащ?

Одно слово, произнесённое совсем другим голосом.

Маленький Кай кивнул.

— Из такой плотной кожи. Камни из рогатки даже не поцарапали его. Ну, тогда…

Отец перестал двигаться.

Я смотрел на него и ждал. Теперь он должен был вспомнить. Под берёзой — плащ. У человека, которого он застрелил, — никакого плаща.

Его взгляд застыл на мне маленьком, но казалось, видел он сейчас совсем другое место.

— Кай… Это мог быть бомж? С грязным лицом, руками?

Мальчишка нахмурился, пытаясь снова разглядеть то, что и без того не выходило у него из головы.

— Лицо и руки у него были испачканы… Особенно когда я в глаз попал. Из рогатки.

— Ты выбил ему глаз?

Отец шагнул к нему, но ответа не дождался.

Схватил пистолет Макарова, который теперь уже не убирал в сейф, накинул куртку и направился к выходу. Всё произошло быстро: только что он стоял рядом с плитой, а теперь в коридоре уже раздавались его шаги.

Мать даже не обернулась.

Я хотел пойти за ним. Сказать про камыши, про перчатки, про то, как бродяга поправил воротник, прежде чем солгать.

Дверь захлопнулась.

По кухне прошла рябь. Края холодильника дрогнули, цифры на календаре расплылись, и фигура матери стала просвечивать, будто свет падал сквозь неё. Последним исчез синий огонёк конфорки.

Я открыл глаза.

Подо мной был больничный матрас. Надо мной — потолок палаты «Обители грешников».

А в ушах всё ещё звучал мамин вопрос.

Эпизод 12

Я ещё смотрел на то место, где только что стояла мать.

В ушах звучал её вопрос, а перед глазами, стоило морг-

нуть, проступал синий огонёк газовой конфорки. Хотелось подняться и выйти вслед за отцом, успеть прежде, чем он снова найдёт не того человека. Но под ладонью шершавела больничная простыня. Вместо кухни вокруг меня постепенно собиралась палата: железные спинки кроватей, стена, окно с потускневшим светом.

Затылок отозвался тупой болью. Я осторожно повернул голову.

— Очнулся? — поинтересовался Емеля, подошедший вплотную к моей кровати. — Если и дальше будешь выхватывать люлей, то из медсанчасти ещё долго не выйдешь. Кай, хотел сказать тебе спасибо за вовремя переданную мне таблетку.

Я смотрел на него, пытаясь связать услышанное с тем, что помнил. Таблетка. Палата. Бос. Всё это тоже было со мной, хотя сейчас казалось куда менее настоящим, чем наша кухня и отец с пистолетом в руке.

— Успел подменить? — спросил я, ещё не вполне придя в себя после очередного нокаута.

— Да, Кай, успел! Если бы не ты и не твоя потасовка, меня бы, сто процентов, накормили сонниками. Извини, что радуюсь твоим шишкам, но ты действительно спас мне жизнь, не дав им меня усыпить. Держи краба.

Он протянул руку. Я пожал её, ощутив сухую ладонь и крепкие пальцы. Емеля не сразу отпустил меня, словно одного рукопожатия ему было мало, чтобы выразить благодар-

ность.

— Рад помочь, Емеля… Сколько я провалялся из-за этого мудака?

— Почти весь день. Обед ты пропустил, а вот к ужину как раз проснулся.

Почти весь день.

Я посмотрел в окно. Свет действительно уходил; на стене возле кровати лежала косая бледная полоса. Пока я пытался докричаться до отца, здесь успели прожить несколько часов. Люди вставали, разговаривали, ходили обедать. А я лежал среди них, ничего не слыша и не решая даже того, когда открыть глаза.

Я приподнялся, опираясь на локоть, и переждал, пока палата перестанет покачиваться. Хотелось хотя бы сесть самому.

— Часы нам в палату не разрешили, — продолжал Емеля, — поэтому приходится ориентироваться по луне да по солнцу. По восходу и заходу. Хорошо, что на стене отрывной календарь кто-то повесил, а в нём время указано. Его, кстати, до тебя не было. Не ты повесил?

Я проследил за его взглядом.

Календарь висел на стене так обыкновенно, будто находился здесь всегда. Тонкий нижний уголок листка чуть отогнулся. Совсем недавно я смотрел на другой календарь — возле нашего холодильника. Теперь передо мной снова белела бумага с цифрами, и от этого простого совпадения по-

чему-то стало неуютно.

Ответить я не успел.

— Хватит трепаться! Пора есть идти! Опять толстяк всё схомячит! — вспылил Амок.

От его голоса у меня невольно напряглись плечи. Я ещё не успел повернуться, а внутри уже поднялось глухое отторжение. Не хотелось ни слушать его, ни встречаться с ним глазами. Можно было списать это на вечное недовольство, с которым он разговаривал со всеми, но неприязнь возникла раньше, чем я успел подобрать ей объяснение.

— Какой толстяк? Я что-то проспал?

— Да знаешь ты его! — отозвался Емеля. — Толстый Жора, которого все называют Обжора. На приёме таблеток… Мог горсть съесть, а потом и нами догнаться.

Я вспомнил нашего соседа.

— А что это за желание у него такое — хавать всё, что видит?

— Не знаю, но он точно больной на голову. Того и гляди откусит у тебя часть ягодицы. Ладно, надо собираться и выходить, а то без ужина останемся.

Емеля сунул ноги в сланцы и вместе с Амоком и бродягой вышел в коридор.

— Булимия, — неожиданно произнёс Каспер. — Как будто он не знает, что у того человека булимия.

Я повернулся к нему.

— Болезнь, из-за которой можно съесть соседа по крова-

ти?

Каспер посмотрел на меня, и я вовремя вспомнил, что с шутками у нас не складывается.

— Я хотел сказать… Хороший аппетит всегда?

— Не просто аппетит. Человек может терять контроль над тем, сколько ест. А потом испытывать страх, стыд, пытаться избавиться от съеденного.

Он говорил ровно, не подыскивая слов и не оглядываясь на дверь, за которой уже переговаривались наши соседи.

— Скорее всего, у него есть и депрессия. При длительном стрессе может нарушаться регуляция кортизола — это гормон стресса. В норме работает обратная связь: организм получает сигнал, что его достаточно. Но эта система не всегда работает как надо.

На словах об обратной связи я начал терять нить. В голове всё ещё гудело, а Каспер, кажется, мог без остановки объяснить мне устройство всего организма, начиная с того места, которым я недавно приложился об пол.

— Из-за этого подавленное состояние и плохое настроение? — спросил я, стараясь не отстать.

— Там сложнее. Нельзя объяснить всё одним гормоном. Но человек может пытаться заедать такое состояние. Ему ненадолго становится легче, а потом снова плохо.

— И снова есть хочется?

— Снова возникает потребность есть, — поправил Каспер. — Даже если голода уже нет. Длительный стресс влияет

и на иммунную систему, и на сердечно-сосудистую. Пульс, давление… Рисков становится больше. А переедание и попытки избавиться от еды добавляют свои.

Я потёр лоб, стараясь не задеть больное место. Из всего услышанного яснее прочего осталось одно: Жора ел не только потому, что ему нравилась еда.

— Поэтому он и просит все таблетки мира, чтобы чувствовать себя здоровым, — предположил я.

Каспер не ответил. Закончил разговор так же неожиданно, как начал, словно последняя необходимая фраза уже прозвучала и добавлять больше было нечего.

Я задержал на нём взгляд. Он мог долго и обстоятельно говорить о чужом состоянии, но сам после этого оставался таким же непонятным. Только что был рядом, объяснял, смотрел на меня — и вот уже снова отдалился, даже не сдвинувшись с места.

— Кай, ну ты что там застрял? Уже все ушли в столовую! Пойдём быстрее! — донёсся из коридора голос Емели.

Я спустил ноги с кровати и поднялся.

Пройдя коридор, мы, не выходя на улицу, добрались до обычной стеклянной двери в пластиковой раме. За ней начиналась лестница. Я поднимался осторожно, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в затылке, а впереди уже пахло ужином.

Столовая специализированной больницы оказалась простым и вполне уютным местом. Свежим картофельным пю-

ре, поджаренными котлетами, тушёными овощами и тёплым хлебом пахло так убедительно, что желудок немедленно напомнил о пропущенном обеде.

Белые стены были чистыми. Светлая плитка отражала холодное сияние ламп; над столами перекатывались голоса и смех. Пациенты переговаривались, спорили, кто-то окликал знакомого через весь зал. На несколько мгновений можно было поверить, что мы просто пришли поужинать и после еды разойдёмся каждый по своим делам.

Потом я увидел сотрудников службы безопасности.

Бос находился здесь же.

Я невольно замедлил шаг. От вида его лица затылок будто заныл сильнее. Он стоял среди охранников, уверенный в своём праве смотреть, выбирать, подходить к любому из нас. Вокруг продолжали смеяться, звенеть посудой, обсуждать еду. Эта обыденность почему-то тревожила сильнее, чем если бы при его появлении все замолчали.

Одинаковые столики располагались в три ряда, по десять в каждом. На клеёнчатых скатертях красовались фрукты. Большинство мест уже заняли пациенты, ожидавшие, когда работники кухни закончат приготовления и начнут раскладывать ужин в пластиковую посуду. Здесь даже тарелкам полагалось быть безопасными.

— Кай! Идите сюда! Мы тут вам местечки позанимали! — прокричал Мажор из угла.

Его столик стоял у окна. На подоконнике теснились

небольшие цветочные горшки; заходящее солнце просвечивало сквозь листья и ложилось на край скатерти. Рядом с Мажором сидел Жорик, не сводивший глаз с раздачи. Он часто сглатывал и подавался вперёд всякий раз, когда за стойкой кто-нибудь брался за посуду.

— Вы как раз вовремя, в отличие от кухни, — сказал Мажор, приглашая нас сесть. — Что-то сегодня еду раздают позже обычного. У меня Обжора скоро вес потеряет и углы от столов точить начнёт от голода, как мышь.

— Мажор, я пойду ещё хлеба возьму, а то совсем невтерпёж.

Жора поднялся, задев стол большим животом. Пластиковая посуда подпрыгнула, ложка скользнула по клеёнке.

— Аккуратнее! Как слон! — огрызнулся Амок, придерживая стол, который едва не ушёл вместе с Жориком.

— Прошу прощения, — чуть слышно произнёс тот.

Он сразу опустил голову, старательно протискиваясь между сидящими. Плечи ссутулились, словно он пытался стать меньше и тем самым исправить причинённое неудобство.

Мажор проводил его взглядом.

— Давно его знаю. Жалко толстячка… Переживает из-за своей нервной булимии.

— Я бы тоже переживал, если бы жрал всё на своём пути, — вставил Амок.

— У него расстройство пищевого поведения, и он очень этого стесняется. Периодически не может себя контролиро-

вать: ест всё подряд, а остановиться не получается. Поэтому я всегда рядом с ним. Один он совсем бы пропал.

Мажор повернулся к нам, положив руки на край стола.

— До больницы он ошивался в ночном клубе моего отца. Друг детства, сами понимаете. Ни в съеденном, ни в выпитом недостатка не испытывал. Для него всё бесплатно, а он и рад — только ест и пьёт. Чуть захандрит, сразу пихает в рот всё, что видит.

— Завидую ему… Мне бы его проблемы, — отозвался бродяга. — Готов свою почку отдать за такое количество еды. Везёт же людям, а ещё болезнью называют — вдоволь наесться.

Он демонстративно бросил пластиковую ложку на стол. Та стукнулась о клеёнку и осталась лежать ручкой к Мажору.

— Заметил, что с ним неладное творится, когда пошёл по нужде на дальняк, а он там пальцы в рот пихает, — продолжил тот.

— Много ему налил? — улыбнулся Емеля.

— Я тоже подумал, что с перепоя мутит. А нет. Весь вечер крепче сока ничего не вкидывал. На салаты налегал, чипсы с сухарями в себя вминал. Короче, трезвый как стёклышко. В отличие от меня.

— Тогда несварение? — спросил я.

— Место освобождал! Желудок больше ничего не вмещал, вот и очищался.

— А потом что? Опять живот набивал? — бродяга даже

придвинулся ближе.

— Угадал, — кивнул Мажор. — В семье ещё не всё гладко было. Отчим его детство вообще не оберегал. Что хотел, то и делал с ним. Вот мы с моим отцом и решили: пускай лучше у нас в клубе ошивается. Может, выкинет из памяти весь негатив, вбитый в него отчимом.

— Помогло?

Я посмотрел в сторону раздачи. Жора всё ещё был там, большой, неловкий, ожидающий своего хлеба. После слов Мажора смотреть на него стало труднее.

— В памяти у него, видимо, многое осталось. Постоянно тревожится, настроение скачет, себя ни во что не ставит. По нему видно, что из-за лишнего веса переживает, а от привычки топтать всё подряд избавиться не может. Болезнь… Думает, если быстро съест, а потом так же быстро на дальняк скинет, то можно круглосуточно себя ни в чём не ограничивать.

— Граблями по хребту — и всё сразу поймёт! Достали уже со своими слюнями! — вспыхнул Амок.

— Да разговаривал я с ним, — продолжил Мажор. — Он даже понимает, что это ненормально, но ничего с собой поделать не может. А потом стыд, вина, сожаления. Говорит, так хотя бы как-то себя контролирует.

— О! Отлично! Ужин раздают, — сказал я, заметив движение возле стойки.

Разговор пора было заканчивать. Особенно за столом, к

которому сейчас вернётся человек, успевший стать главной темой нашего ожидания.

Ужин в целом прошёл неплохо. Горячая еда понемногу возвращала силы, и даже боль в голове отступила куда-то на задний план. Амок, правда, при каждом удобном случае пытался уколоть Мажора и унизить Жорика, неоднократно бегавшего за добавкой. Когда тот собрался в четвёртый раз, Мажор не выдержал:

— Жора, хватит уже! Сядь!

Толстяк замер, держась за край стола, а потом послушно опустился на место.

Емеля всё время шутил, подбадривая остальных и, как мне казалось, прежде всего самого себя. Он собирался не спать. Говорил, смеялся, цеплялся за любой разговор, будто бодрость можно было поддерживать одним только нежеланием замолчать.

Я смотрел на него и понимал: рано или поздно организм возьмёт своё. Сознание отключится, не спросив, согласен ли его хозяин. Как мозг умеет диктовать собственные правила, мне объяснять не требовалось.

К концу нашего ужина в столовую начали подходить сотрудники больницы и медицинский персонал. Они занимали отдельные столики и ели то же самое, что и мы. Те же котлеты, то же пюре. Только после еды им предстояло совсем другое продолжение вечера.

— Смотри-ка, Люба пришла, — произнёс Емеля.

Я поднял голову так резко, что в затылке прострелило.

Она вошла в белой форме, и всё остальное сразу потеряло чёткость. Я уже отодвинулся от стола, собираясь встать, когда Мажор остановил меня:

— Стой! Ты что? Хочешь, чтобы качок снова тебе башню тряхануЛ?

— Иди-иди, а мы понаблюдаем, — сказал Амок, доедая булку с чаем. — А вон, как назло, Бос к ней подсел.

Я остался на месте.

Между нашими столиками было шагов десять. Обыкновенное расстояние, которое можно пройти, даже не успев о чём-нибудь задуматься. Сейчас оно казалось недосягаемым.

Наблюдая за Любой, я всё чаще ловил себя на том, что вижу перед собой обычную девушку. Не ведьму, не родственницу Ирины, не часть того, чему давно перестал доверять. Девушку, у которой устают руки, которая может задуматься, поправить волосы, ненадолго опустить глаза. И чем дольше я смотрел, тем труднее было напоминать себе обо всём остальном.

Признаваться в этом я не собирался. Ни ей, ни тем, кто сидел рядом, ни даже самому себе.

Поэтому взял булку и сделал вид, что занят ужином.

Бос устроился возле неё свободно, по-хозяйски. Ему не приходилось выбирать момент, чтобы подойти, или опасаться, что за лишнее слово его ударят. Он мог говорить, наклоняться ближе, ждать ответа. Я же, стоило ему повернуть го-

лову в нашу сторону, невольно напрягался и отводил взгляд.

После увиденного у озера смотреть на него было особенно трудно. Передо мной сидел тот, кого я видел на земле у отцовских ног. Здесь он разговаривал, двигал рукой по столу, занимал место рядом с Любой. Я не знал, что делать с этим знанием. Зато хорошо помнил вес его дубинки и понимал: ещё одна встреча с ним может закончиться для меня так же, как предыдущая.

Люба почти не улыбалась. Отвечала коротко, иногда смотрела мимо его плеча. Когда наши глаза встретились, я не сразу сумел отвернуться.

Она заметила меня.

Я опустил взгляд на булку, отломил кусок и начал жевать. Вскоре посмотрел снова. Люба сидела чуть боком к Босу и опять смотрела в нашу сторону. Мне хотелось верить, что она тоже ищет повод подняться из-за стола. Но за чужой взгляд легко принять собственное желание, особенно когда сидишь и ждёшь именно его.

Бос продолжал говорить.

Он был слишком близко к ней и слишком уверен в том, что имеет право удерживать её внимание. А ещё мог передать Ирине всё, что сочтёт нужным. После этого меня снова отправят туда, откуда я не сумею выбраться по собственной воле. Останутся чужие голоса, видения, потерянные часы. Любы там не будет.

Я жевал всё медленнее. Булка высохла во рту, а прогло-

тить её никак не получалось. За нашим столиком никто не торопился уходить. Судя по редким взглядам и затянувшимся паузам, скрывать своё отношение к происходящему я умел гораздо хуже, чем надеялся.

Рука сама потянулась к затылку. Пальцы задели подсохшую корочку, я машинально провёл по ней ещё раз и поморщился. На коже выступила влага.

— Кай, у тебя голова в крови, — заметил Емеля. — Надо Любе сказать, а то зальёшь весь стол.

Я опустил руку и посмотрел на пальцы.

— Мне как раз туда надо, — немедленно отозвался Жора.

Мажор посмотрел на него, но толстяк уже выбирался из-за стола, получив наконец повод снова направиться к раздаче.

По дороге он всё-таки остановился возле медсестры.

Я не слышал, что именно Жорик сказал. Увидел только, как Люба подняла голову, посмотрела на меня и сразу встала.

Бос остался сидеть.

Она не стала ничего ему объяснять. Не дождалась, пока он закончит фразу. Просто вышла из-за стола и быстро направилась ко мне, а я вдруг понял, что всё это время следил прежде всего за тем, позволит ли он ей уйти.

Люба уже стояла рядом. Её пальцы осторожно коснулись моей головы, осторожно осматривая повреждённую кожу.

— Кай, что случилось? У тебя вся голова в крови!

Она достала из кармана белой формы бинт и прижала сложенный край к расчёсанному месту. Я втянул воздух сквозь

зубы.

— Мелочи жизни… Бандитская пуля.

Говорить с ней снова оказалось легко и невозможно одновременно. Хотелось продолжить шутку, спросить что-нибудь, удержать её возле себя ещё ненадолго. Вместо этого я сидел неподвижно, боясь помешать её рукам.

— Даже и не знаю… Когда у тебя всё заживёт?

— До свадьбы точно заживёт.

Слова вылетели раньше, чем я успел решить, стоит ли их произносить.

— Я хотел сказать… Что ещё не скоро.

Люба посмотрела на меня. Всего на мгновение, прежде чем снова заняться перевязкой, но мне хватило этого взгляда, чтобы окончательно забыть, что я собирался добавить.

Пальцы у неё были тёплыми. Придерживая бинт, она чуть наклонилась, и я почувствовал знакомый запах духов, едва заметный среди кухонных запахов. Сердце стучало так, будто я поднялся сюда бегом. Пришлось приоткрыть рот, чтобы вдохнуть свободнее, и от этого я, наверное, выглядел ещё глупее.

За столом притихли. Я слышал, как неподалёку передвинули стул, как звякнул поднос у раздачи, но эти звуки больше не требовали внимания.

Люба поправила последний виток бинта.

— Я приглашу к тебе хирурга. Пусть посмотрит твою голову. Мне кажется, старый шов стал расходиться.

Она закончила перевязку, однако не сразу убрала руку. Я поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— Спасибо…

За помощь, за осторожные пальцы, за то, что подошла. За те десять шагов, которые для меня оказались такими трудными, а она прошла, даже не оглянувшись на Боса.

Люба убрала руку и выпрямилась, собираясь уходить. Теперь, когда она стояла рядом, я мог бы сказать что-то ещё. Но так и не нашёл слов.

Она чуть задержалась возле меня. Потом ей предстояло пройти к выходу мимо Боса, и я уже видел: останавливаться возле его столика она не собирается.

— Кай, мне надо идти… Береги себя… Ты мне нужен целый и невредимый.

Эпизод 13

— Это то, о чём я подумал? — спросил бродяга, проводив Любу взглядом.

В его голосе прозвучало столько зависти, будто мне только что досталось не несколько добрых слов, а всё, чего ему самому недодали за жизнь.

— Видимо… — Емеля растянул губы в улыбке. — Я бы тоже не поленился с ней пообщаться. И предоставил бы для осмотра все части тела. Для перевязки, разумеется.

— Что вы в ней нашли? От женщин одни неприятности, — проворчал себе под нос Амок.

— Хватит здесь зависать. Пора валить с этой хаты. Самое время расслабиться в комнате отдыха, — поторопил нас Мажор и, встав передо мной, кивнул на выход.

— Что же мы ждём? Там аппарат с вкусняшками! Догоняйте! Я там буду!

Жорик выбрался из-за стола с неожиданной для его размеров проворностью и, никого не дожидаясь, направился к двери. Ужин, судя по всему, оказался лишь подготовкой к встрече с шоколадками.

— Кай, ты идёшь? — Мажор чуть наклонился, заглядывая мне в лицо.

— Да. Сейчас.

Я поднялся, так и не поняв толком, о чём они успели поговорить. Слова долетали до меня, но не задерживались в голове. Всё, что ещё несколько минут назад казалось важным, отодвинулось, уступив место прикосновениям Любы и её тихому голосу.

«Ты мне нужен целый и невредимый».

Она сказала именно так. Не «вам следует беречь себя», не «постарайся больше не драться». Мне. Нужен.

Я осторожно коснулся края повязки. Бинт уже не хранил тепла её пальцев, но мне казалось, что я всё ещё чувствую прикосновение. Стоило Жоре подойти к ней, как она сразу поднялась. Оставила Боса посреди разговора и прошла через всю столовую ко мне. А потом столько возилась с этой содранной ранкой, словно не было у неё других забот, кроме

моей дурной головы.

Может, я просто хотел это видеть? Медсестра помогла пациенту. Что здесь особенного?

Но ведь с Босом она держалась совсем иначе.

Вспоминая её короткие ответы, взгляд поверх его плеча, то, как она ушла, даже не остановившись возле его столика, я снова чувствовал почти забытую радость. Осторожную, ещё не вполне позволенную самому себе. Получалось, что и здесь, среди чужих распоряжений, таблеток и запертых дверей, оставалось что-то, чего у меня пока не отняли.

Я был ей небезразличен. По крайней мере, очень хотелось в это верить.

За этими мыслями я не заметил, как мы добрались до комнаты отдыха.

Здесь уже собралось немало «принудчиков», и почти каждый нашёл себе занятие по душе. После ужина никого не требовалось уговаривать идти сюда. Просторное помещение с высоченными потолками нравилось мне хотя бы тем, что в нём можно было отойти от остальных, не натыкаясь через каждые три шага на чужую кровать. Над головами оставалось много воздуха. Стены не давили на плечи, а голоса, поднимаясь вверх, теряли привычную коридорную резкость.

В специально оборудованной части комнаты мужчины возились со штангами и гантелями. Приглушённо звякало железо, слышались короткие выдохи. Кто-то переговаривался, кто-то отдыхал, молча наблюдая за остальными. Жорик, как

и обещал, нашёл дорогу к аппарату со сладостями.

Я остановился возле окна.

За огромными стёклами уже темнело. Лунный свет проникал в комнату, смешиваясь с искусственным освещением и оставляя на подоконнике холодную полосу. Издали луна казалась почти полной. Приглядевшись, я заметил, что один её край будто слегка стёрт.

— Луна убывает, — неожиданно произнёс Каспер.

Оказалось, он стоял рядом и тоже смотрел в окно. Я даже не услышал, как он подошёл.

— Уже? А с виду круглая.

— Полнолуние прошло. Теперь освещённая часть видимого диска будет уменьшаться. Примерно через неделю после полнолуния остаётся половина — последняя четверть.

Я ещё раз посмотрел на светлый круг над тёмным двором. Каспер говорил так уверенно, будто лично следил за тем, чтобы луна вовремя меняла свой вид.

— Ты, как всегда, вовремя со своими научными наблюдениями.

Он никак не отреагировал на мою иронию. Ещё немного постоял, затем отошёл в самый дальний угол и сел на небольшой диванчик, рассчитанный на двоих. Оттуда тоже было видно окно, зато поблизости никто не разговаривал и не звенел железом.

Я последовал за ним.

Общаться сейчас не хотелось. Вернее, хотелось — но

только с Любой. Спросить, что она имела в виду, говоря, что я ей нужен. Хотя, окажись она передо мной, я наверняка снова пошутил бы какую-нибудь глупость, а потом мучился, вспоминая её собственный ответ.

— Здесь можно? — спросил я, остановившись у дивана.

Каспер чуть подвинулся.

Я сел с краю, оставив между нами немного свободного места. Здесь и правда было спокойнее. За спинкой находилась стена, впереди виднелось окно, а остальные будто остались по другую сторону негромкого, непрерывного гула.

Каспер прикрыл глаза.

Я уже открыл рот, но передумал. Он вполне понятно показал, что беседовать не собирается.

— Ладно, посидим каждый в своих фантазиях, если ты не против.

Ответа не последовало. Я устроился удобнее, стараясь не задеть затылком спинку, и некоторое время молчал.

Но мысли всё равно вернулись к нему.

Как он вообще оказался здесь, в этой обители грешников? Что мог совершить человек, сидевший сейчас рядом со мной с закрытыми глазами? Я пытался представить его среди тех, кого встречал в больнице, и всякий раз что-то не сходилось. Ни его обстоятельные объяснения, ни привычка читать, ни внезапное молчание ничего не говорили о том, за что его лишили свободы.

Впрочем, что я о нём знал? Только то, что он сам позволял

узнать.

Ладно, я. У меня, как выяснилось, далеко не все дома. И за мать отвечать приходится мне. От этой мысли я невольно сжал пальцы, упершись костяшками в колено. Ещё недавно думал о Любе и почти улыбался, а теперь снова вспомнил, почему нахожусь здесь. И как легко умудрился на несколько минут об этом забыть.

Но Каспер?

«Что в тебе не так? Синдром Аспергера — не повод быть здесь».

Я чуть шевельнул губами, не решившись произнести вопрос вслух. Посмотрел на Каспера и отвернулся к окну. Расспрашивать человека, который только что отгородился от всех, было бы по меньшей мере глупо. Тем более что разговоры о нём самом ещё ни разу не помогли мне понять его лучше.

Луна висела всё там же.

Единственный естественный спутник Земли. Кажется, именно с этих слов Нина Александровна начинала один из уроков астрономии. Странно, что спустя столько лет я помнил её имя, отдельные фразы, даже то чувство, с которым смотрел на школьные картинки далёких миров. Тогда они казались недосягаемыми, зато всё вокруг было простым и понятным.

Теперь я сидел в тюремной больнице и знал о далёкой луне едва ли не больше, чем о человеке, сидевшем рядом.

Сколько же всякого хлама перемешано в моей голове! От Луны до Любы. От школьной учительницы до ведьмы, чьи руки я никак не мог забыть. Спасибо двум женщинам, оставившим в моей памяти совершенно разные следы: одна пыталась объяснить, как устроен мир, другая одним своим появлением лишала меня последних остатков понимания.

Я усмехнулся и тут же покосился на Каспера. Он сидел неподвижно.

Из школьных воспоминаний всплывали обрывки: давнее столкновение, обломки, из которых могла образоваться Луна; огромное расстояние, отделяющее её от Земли. Точных цифр я бы сейчас не назвал. Помнил только, что она понемногу отдаляется от нас. Совсем чуть-чуть за год — столько, что не заметишь, даже если всю жизнь простоишь у окна.

Когда-то она была ближе. Значит, и выглядела гораздо больше.

Я попытался представить её над Землёй — огромную, низкую, ещё не привычную человеческому взгляду. Впрочем, некому тогда было на неё смотреть. Ни окон, ни больниц, ни людей, пытающихся разобраться, почему всё в их жизни пошло наперекосяк.

А потом человек всё-таки добрался до неё. Ступил на поверхность, которую прежде мог только разглядывать издалека, и привёз оттуда камни.

Лунный камень.

Я перестал улыбаться.

Именно так называлась книга, которую Каспер передал мне для ознакомления. За разговорами, болью и собственными переживаниями это название отошло на второй план, но теперь снова зацепилось за мысль и никак не отпускало.

Что связывало её с луной?

Я посмотрел на Каспера, будто он мог ответить на вопрос, которого я даже не задал. Он прикрыл глаза. По его лицу нельзя было понять, спит он или просто ждёт, когда я перестану вертеться рядом.

Снова перевёл взгляд на окно.

Может, Жнец с Луны свалился? Как и я, сильно ударился головой, а теперь мы оба разбираемся с последствиями.

Шутка получилась так себе. Даже мысленно она не помогла.

За спиной кто-то засмеялся. Звякнуло железо, и комнату вновь наполнил обычный вечерний гул. Я сидел среди людей, в просторном, освещённом помещении, но, глядя на почти круглую луну, чувствовал, как знакомое недоумение понемногу вытесняет тепло, оставшееся после встречи с Любой.

Что за дурка опять вокруг меня?

Эпизод 14

Погрузившись в воспоминания, я не заметил, как провалился в сон.

Ещё мгновение назад передо мной было ночное окно. За

стеклом висела почти круглая луна, в комнате переговаривались люди, а рядом молчал Каспер, прикрывший глаза. Потом голоса отдалились. По стеклу прошла знакомая рябь, исказив отражения, и лунный свет растёкся белёсым пятном.

Я попытался присмотреться, но окно уже исчезло.

Белый туман сгущался передо мной, подменяя вечер пасмурным, дождливым утром. Сквозь него проступили чужие плечи, мокрый брезент над торговыми рядами, картонные коробки под ногами. Послышалась музыка. Кто-то задел меня, протискиваясь мимо, и я машинально посторонился, ещё не понимая, чувствую ли это прикосновение или только вспоминаю, каким оно должно быть.

Вещевой рынок.

Девяностые.

Я узнал их раньше, чем успел разглядеть лица.

Здесь продавали всё, что удавалось привезти, достать, выменять или вытащить из собственного шкафа. Новые шмотки висели рядом с ношеными; вещи, ещё недавно принадлежавшие одной семье, лежали на расстеленной у ног клеёнке в ожидании другой. У кого-то была палатка, у кого-то — складной столик. Некоторым хватало перевёрнутой коробки, поверх которой можно было разложить своё небольшое состояние.

Мелкий дождь почти не ощущался на лице, зато успел пропитать всё вокруг. Потемневший картон размокал по краям. В складках полиэтилена собиралась вода, и продавцы

время от времени приподнимали навесы, сливая её в проход. Люди отдёргивали ноги, ругались и снова втискивались между прилавками.

Я уже забыл, как это было: прийти за одной аудиокассетой и полчаса пробираться сквозь толпу, прижимая локтем карман с деньгами.

Воздух пах кожаными куртками, мокрой одеждой, вспотевшими телами и дешёвыми духами. Запахи стояли плотно, не успевая рассеяться даже там, где ветер забирался под брезент. Из музыкальных киосков гремела западная музыка. Один ритм накладывался на другой, басы глухо били в стенки тесных ларьков, а поверх всего этого продавцы выкрикивали цены, зазывали покупателей и спорили так, будто от каждой сделки зависело, будет ли у них завтра ужин.

Наверное, у многих зависело.

На верёвках покачивались яркие футболки. В прозрачных пакетах желтели картриджи для «Денди», рядом лежали игры для «Сеги». Чуть дальше продавали купальники и лифчики. Примерочной служила растянутая продавцом куртка: прикроет со стороны прохода — вот тебе и отдельный кабинет. Под ноги бросят картонку, чтобы не стоять в носках на мокром асфальте. Сервис.

Я скользнул взглядом по кассетам и вдруг почти услышал щелчок кнопки старого магнитофона. Вспомнилось, как плёнку подкручивали карандашом, берегли вкладыши с названиями песен, переписывали музыку друг у друга, стара-

ясь не заговорить в неподходящий момент.

За рыночным гулом на секунду проступил наш двор: потёртые спортивные штаны, разговоры у подъезда, чужая музыка из открытого окна. Потом — школа, раскрытая тетрадь, яркий вкладыш от жвачки, который хотелось рассмотреть под партой, пока учительница отвернулась к доске. Такие вкладыши мялись в карманах, переходили из рук в руки, стоили в наших глазах гораздо больше, чем та бумажка, на которой были напечатаны.

Всё это существовало рядом. Уроки, дворовые разговоры, взрослые, которым задерживали зарплату, и рынок, куда они несли вещи.

Вспомнился отец в милицейской форме. Дома его всё чаще не было, а слово «работа» объясняло любое отсутствие. За ним оставались непонятные нам дела, усталость и разговоры, которые взрослые обрывали, заметив детей. Тогда мне казалось, что, если отец в милиции, он непременно знает, как со всем этим справиться.

Теперь я уже не был в этом уверен.

Кто-то громко рассмеялся, и школьная тетрадь исчезла. Передо мной снова тянулись торговые ряды.

Здесь работяга мог стоять рядом с человеком, у которого честный труд вызывал разве что насмешку. Бритые затылки, кожаные «натуралки», цепкие взгляды на чужие руки и карманы. Музыка вроде бы обещала праздник, но стоило обнаружить разрезанную сумку или пропавшие бабки — настро-

ение менялось без всякого предупреждения.

И всё-таки люди приходили. Не только покупать и продавать. Здесь обменивались новостями, жаловались на жизнь, узнавали, кто чем торгует, кому требуется помощь и у кого можно достать нужную вещь. Рынок был нашей тогдашней социальной сетью. Через него можно было найти что угодно.

И самое главное — кого угодно.

— Давно здесь стоишь? — спросил мужчина, остановившийся возле пустой картонной коробки.

На ней лежали носки вперемешку со жвачками «Turbo», «Tipitip» и «Donald Duck». Хозяин товара, мужичок с бородкой, больше напоминал преподавателя, случайно задержавшегося по дороге на занятия. Он то смотрел на собеседника, то опускал глаза к коробке, проверяя, всё ли на месте.

— А как Боря Ельцин двадцать девятого января девяносто второго разрешил свободно торговать всем чем угодно, так летом и начал здесь стоять. Получается, год уже как.

— А я первый день… Пока новичок в этом бизнесе.

Собеседник выглядел бедно. Одежда сидела на нём так, словно её давно перестали выбирать по размеру и просто донашивали, пока держалась. В руках он перебирал чёрный кожаный плащ, стараясь уберечь его от дождя.

— Раньше лекции вёл в юридическом институте, — продолжил бородатый. — Целый профессор. А сейчас — никому не нужный барыга.

Он вдруг выпрямился, обращаясь уже к проходившим ми-

мо людям:

— Носочки, молодой человек! Юноша! Жвачки свежие! Подходим, выбираем!

Никто не остановился. Профессор поправил край упаковки и снова повернулся к соседу.

— Профессор? Круто…

В голосе бедолаги было больше растерянности, чем восхищения. Видимо, он тоже не представлял, как одно превращается в другое.

— С чем стоишь? С кожей? — спросил профессор, продолжая поглядывать на носки, способные в любой момент сделать ноги. — Надо было целлофан с собой взять. Дождик мелкий, а промочит насквозь.

— Дочь попросила плащ зятя продать. Финансы совсем поют романсы.

Мужчина приподнял плащ, будто собирался показать соседу, но в эту секунду возле них остановился покупатель.

— Плащ — натуралка?

Чёрная толстовка с изображением Эрнеста Че Гевары на спине, тёмная кепка. Лица я не видел: мужчина стоял ко мне спиной, чуть склонившись над вещью.

— Сам потрогай! Почти новый, неношеный. Кожа — Турция! Мягкая, но крепкая, телячья!

Продавец сразу оживился. Расправил мокроватый воротник, провёл ладонью по плечу, пытаясь придать плащу такой вид, будто до рынка тот висел в дорогом магазине.

— Можешь зажигалкой проверить.

Он полез за пьезовой зажигалкой и принялся совать её покупателю. Тот не взял.

— И почём эта неношеная?

— Отдам за две тысячи сто деревянных.

Покупатель рассматривал кожу. Его пальцы задержались на спине плаща, медленно прошли по одному месту.

— А что за вмятины вот здесь? Мне кажется, ты мне Китай впариваешь.

— Зять один раз надевал! В магазин за водкой пошёл, поскользнулся и упал на спину. Как говорится: упал — очнулся — гипс. У него неделю плечо болело, а плащу ничего. Качество!

Объяснение нашлось быстро. Слишком быстро, чтобы продавец успел заметить, как неношеная вещь на глазах превратилась в ношеную.

Покупатель промолчал.

— Носочки не желаете? — вклинился профессор.

— А перчатки у тебя есть?

Вопрос был обращён к владельцу плаща. На коробку с носками мужчина даже не посмотрел.

— Конечно! Тоже качественные, натуралки.

Продавец потёр ладони. Наверное, уже прикидывал, сколько получит за обе вещи.

— Так и быть, заберу плащ за две тысячи сто рублей.

— Отлично! Будешь носить и меня вспоминать…

— Но вместе с перчатками.

У продавца приоткрылся рот.

— Но…

Покупатель держал плащ и возвращать его пока не собирался.

— Можешь стоять тут вечно. А деньги получишь сразу, как покажешь перчатки.

Голос был спокойным. Ни раздражения, ни желания поторговаться ещё немного. Он словно уже решил, чем закончится разговор, и теперь ждал, когда это поймёт второй.

Меня что-то зацепило в его интонации.

— Они дома… За ними надо идти.

— Хорошо, я не тороплюсь. Пойдём вместе. Дома у тебя и рассчитаемся.

Мужчина отдал плащ владельцу, развернулся и шагнул в мою сторону.

На тёмной бейсболке белела надпись «USA California». Он приподнял голову, и из-под козырька показалось лицо.

Отец.

Я смотрел на него сквозь мелкий прохладный дождь и не мог понять, почему не узнал сразу. В движениях, в голосе, даже в том, как он держал чужую вещь, было столько знакомого, что теперь удивляло собственное невнимание.

Хотелось позвать его.

Но отец уже приближался, глядя перед собой. Чем меньше оставалось между нами расстояния, тем сильнее расплы-

вались торговые ряды. Музыка стала глухой, будто киоск закрыли вместе с работавшими колонками. По лицу профессора пробежала рябь. Пакеты, коробки, мокрый брезент — всё растворилось в белом тумане.

Мы втроём стояли перед дверью квартиры номер два.

— Ты здесь живёшь? В этой расселённой двухэтажке?

Отец осматривал пустой подъезд. По полу был разбросан бытовой мусор, у стены темнели отсыревшие обрывки бумаги. Откуда-то тянуло холодом. В таком доме шаги слышались особенно отчётливо: их уже некому было заглушать обычной жизнью за дверями.

— Нас расселили в начале года, а из квартиры ещё не все вещи вывезли. Что осталось, хочу продать. Лавешки никогда не помешают.

Продавец махнул рукой, приглашая войти.

— Перчатки в спальне, на трюмо. Можно не разуваться.

Отец переступил порог. Я последовал за ним, всё ещё разглядывая его профиль, линию скулы, знакомую складку возле рта. За столько лет лицо успело стать воспоминанием, а теперь было совсем рядом. Стоило протянуть руку.

Я не протянул.

— Один живёшь?

— С дочерью и зятем. Но пока здесь один… Присматриваю за стенами, чтобы чужаки не поселились.

Продавец слегка улыбнулся, надеясь, видимо, что шутка придётся к месту.

Отец не улыбнулся.

— Как звать?

— Чужаков?

— Дочь с зятем.

Он произнёс это жёстче и прошёл в спальню.

На полу лежал старый матрас. Обои местами отстали от стен, свисая неровными лоскутами. После рыночного шума тишина здесь казалась неприятной: в ней слишком хорошо было слышно, как хозяин квартиры переступает с ноги на ногу.

— Дочь Светланой зовут, а зятя… Володькой.

На имени зятя он запнулся.

Я посмотрел на него внимательнее. Теперь, когда он перестал улыбаться, в лице проступило что-то знакомое. Та же суетливость, тот же взгляд, мгновенно перебегавший с человека на вещь.

Бродяга.

Я видел его у озера. Слышал, как он отправил отца в другую сторону.

А теперь стоял рядом и слушал историю про дочь, зятя и неношеный плащ.

— Дети точно знают, что ты вещи распродаёшь?

— Конечно!

— Показывай перчатки. А то затянули мы процесс.

Отец приблизился к трюмо и остановился.

Зеркала были разбиты. Само трюмо валялось перевёрну-

тым, нелепо выставив ножки.

— Точно там?

— Ах, да-а… Точно! В тазике с водой. Забыл совсем. Решил постирать перед продажей.

В углу действительно стоял таз. Среди размокшей стружки хозяйственного мыла плавали чёрные кожаные перчатки. На воде теснились пузырьки, отливавшие едва заметным розовым.

Я перевёл взгляд на плащ.

Всё это уже было возле озера. Вещи, за которые он согласился промолчать.

— От чего отстирываешь? — спросил отец, подходя к продавцу вплотную.

Тот отступил совсем немного, словно ещё пытался сохранить вид обычного торга.

— Зять, когда ёбнулся на улице, сразу руки подставил. Кисть немного поцарапал… Совсем чуть-чуть.

Он сглотнул.

— Полтинник могу скинуть за маленький нюанс.

Отец продолжал смотреть ему в глаза.

— Валерка-то не будет против этого?

— Против чего?

— Против скидки.

Пауза вышла короткой. Но я успел понять, зачем отец её выдержал.

— А, зять-то? Валерка — нет… Не будет против.

Отец резко пнул его в живот.

Бродяга отлетел к противоположной стене и сел на пол, судорожно хватая ртом воздух. Плащ сбился у него в руках. На секунду в комнате остались только его хрип и шорох осыпавшейся со стены трухи.

— Я тоже думаю, что ни Валерка, ни Володька не будут против нашего с тобой расчёта.

Отец достал из-за пояса джинсов «Malvin» пистолет Макарова.

Я посмотрел на оружие и почувствовал, как всё внутри напряглось.

Снова.

— Помнишь лицо хозяина шмоток?

— Не понимаю! Убери волыну!

Бродяга заёрзал, затем вскочил, выставив перед собой руку.

— Забирай даром, браток!

Теперь он готов был отдать всё. Плащ, перчатки, придуманных родственников — лишь бы человек с пистолетом перестал на него так смотреть.

— Повторяю последний раз. Лицо хозяина плаща и перчаток!

Ствол поднялся к его голове.

Я ждал ответа. Хотя бы слова. Признания, что помнит, что видел, что может помочь. Ведь он уже однажды выбрал эти вещи. Неужели и сейчас, когда торговля закончилась, про-

должит держаться за них?

Бродяга молчал.

По виску у него скатилась капля пота. Он медленно повертел головой.

Передо мной стоял человек, который мог указать отцу верное направление. Мог сказать, кого видел. Вместо этого он солгал, а потом принёс на рынок чужой плащ и теперь пытался выручить за него две тысячи сто рублей.

Я подошёл к отцу слева.

Вблизи его лицо казалось усталым. Я вглядывался в родные черты, которые со временем почти забыл, и пытался найти в них того человека, чьего возвращения с работы когда-то ждал. Но он смотрел только на бродягу.

— Стреляй, пап. У него нет будущего…

Слова вышли тихо, без усилия. От того, как легко я их произнёс, стало холодно.

— Я тебя услышал, — произнёс отец, нажимая на спусковой крючок.

Пуля, покинув канал ствола, мгновенно преодолела расстояние между ними и, проникнув в череп всю жизнь завидовавшего человека, создала сквозное ранение головы с выходным отверстием, из которого вышел весь негатив, формировавшийся на протяжении всей жизни владельца. Брызги крови, покидая тело, не достигли стены, располагавшейся за спиной бомжа, а мгновенно замерли в воздухе в беспорядочном виде. Спустя секунды, застывшая картина ожила,

и капли грешника начали организованно собираться в центре прозрачного силуэта человека, которого до казни видно не было. Он представлял собой едва заметное движение воздушной массы или что-то похожее на сгусток энергии с характерной для неё плотностью, впитавшее в себя биологическую массу убиенного. Бесцветная светлая фигура смешалась с цветом крови и приобрела лёгкий, слегка заметный розовый оттенок, благодаря которому образ приобрёл более отчётливый вид.

Пока я наблюдал за происходящим, не отходя от отца ни на шаг, тело барыги опустилось на колени и на месте снесённой гнилой головы на плечах располагалась прозрачная харя, излучающая бледный свет. Она не совсем осознала произошедшее, и бешено бегающие зрачки подавали чёткий сигнал моему отцу к сотрудничеству.

— Поздно со мною договариваться! Общайся теперь с ним! — прокричал отец, убирая оружие за пояс. — Считай, что я тебя тоже не признал! А дом, кстати, расселили в 1990 году… Табличка внизу висит.

Сгусток энергии, впитавший в себя тёплую кровь и отдалённо напоминавший силуэт мужчины, подошёл спереди к обезглавленному и, протянув призрачную руку, схватил то, что раньше моргало и принимало неправильные решения. Раскрывшиеся широко глаза бомжа обрели ещё больше ужаса и паники, когда «нечто», сделав рывок вверх, не смогло реализовать задуманное из-за отсутствия достаточной мо-

щи.

— Кто ты?! — проорал барыга, вполне реально ощущая его неоднократные попытки вытащить душу из тела, которая не готова признать смерть.

Пока сущность пыталась вырвать душу, окружающая меня реальность стала снова видоизменяться. По оборванным обоям прошла рябь. Белый туман заползал между мной и отцом, скрывая его плечо, руку, лицо.

Я хотел задержаться. Понять, кому он сказал: «Я тебя услышал». Посмотреть на него ещё хотя бы секунду.

Но квартира уже накладывалась на комнату отдыха.

Сквозь старую стену проступило большое окно. Перевёрнутое трюмо потеряло очертания. Я снова сидел на диванчике, а передо мной всё ещё двигалась прозрачная фигура.

Входная дверь внезапно распахнулась.

Этот момент совпал с изъятием души.

— На выход! — агрессивно скомандовал ворвавшийся в помещение Бос.

Быстро шагая в мою сторону, он на мгновение пересёкся с прозрачной сущностью, которая не церемонясь с брыкающейся душой барыги, тащила её, удерживая за слабо светящуюся голову, вонзив условные пальцы в глазницы.

Я смотрел на него, не в силах сразу отделить одно от другого. Широкие плечи Боса, бледное свечение, движение призрачной руки. Он приближался, а сквозь него ещё уходило то, что вытащили из человека в расселённой квартире.

— Пять минут времени тебе, чтобы оказаться в своей палате, пациент! Через десять минут отбой!

Я услышал слова, но смысл дошёл не сразу.

Пальцы лежали на диване. Мои пальцы. Я надавил ими на обивку, почувствовал её под ладонью и только тогда смог шевельнуться.

Понадобилась примерно пара минут, чтобы прошлое полностью уступило место настоящему. Белая муть рассеивалась, возвращая окну, стенам и дверям привычные очертания. Вместо сырости пустой квартиры я снова ощущал воздух комнаты отдыха.

Тело тоже вернулось. Тяжёлое, затёкшее после сна.

И его срочно надо было отсюда уносить.

Эпизод 15

Под конвоем Шнырёва я вернулся в свою палату. Едва мы переступили порог, как из громкоговорителя, установленного где-то в коридоре, раздался женский голос. Холодный, лишённый каких-либо эмоций, он трижды повторил одно и то же объявление:

— Внимание! В учреждении объявляется отбой! Всем пациентам следует находиться на своих местах!

Голос стих, оставив после себя неприятное ощущение, будто сама больница только что напомнила каждому из нас, кому здесь принадлежит власть.

— Советую не покидать палату. Разве что в туалет, — пре-

дупредил Шнырёв.

Он задержался на пороге, окинув меня подозрительным взглядом, после чего вышел в коридор и с грохотом захлопнул дверь.

Я невольно вздрогнул.

После всего пережитого за сегодняшний день этот звук показался мне особенно неприятным. Словно захлопнулась не обычная больничная дверь, а последняя возможность выбраться из какого-то бесконечного кошмара.

— Снова рисковал получить по голове?

Знакомый голос заставил меня обернуться.

У открытого окна, на своей кровати, сидел Емеля. Серебристый лунный свет ложился на его лицо, подчёркивая усталость и тёмные круги под глазами.

— Время десять вечера, Кай. Я уже начал беспокоиться, — признался он. — Думал, опять куда-нибудь влип.

Я опустился на свою кровать и только теперь почувствовал, насколько устал.

Ещё несколько минут назад мне казалось, что всё происходящее вполне обыденно. Но стоило оказаться в относительной безопасности, как пришло запоздалое осознание: сегодня я снова рисковал не только получить по голове, но и надолго остаться в этой проклятой больнице.

А то и вовсе не выйти из неё.

Остальные пациенты уже спали. В полумраке угадывались очертания кроватей, неподвижные силуэты под одеялами.

Кто-то негромко похрапывал, кто-то ворочался, изредка заставляя поскрипывать пружины старого матраса.

Только Емеля продолжал бодрствовать.

Судя по его измученному виду, сон давно перестал быть для него отдыхом. Теперь он воспринимал его как опасность, от которой следовало защищаться всеми доступными способами.

Даже если единственным способом оставалось сидеть у окна и ждать утра.

— Задремал я на том диванчике, — наконец ответил я. — Здоровяк разбудил. А ведь мог бы выждать ещё минут десять и снова мне рёбра перебрать.

— Вот видишь! — оживился Емеля. — Я же говорил, что спать здесь опасно.

— Зато выспался, — усмехнулся я. — Хотя в последнее время меня самого удивляет, насколько часто я стал проваливаться в сон. Раньше такого не замечал.

Емеля задумчиво посмотрел на меня.

— А я держусь, Кай. Из последних сил, но держусь.

— Чего так?

— Не хочу сдохнуть во сне. Представляешь? Лежишь себе, никого не трогаешь, а какой-то тип в чёрном плаще шастает вокруг и вытворяет непонятно что. Потом просыпаешься — и ещё полдня в себя прийти не можешь.

Он нервно поёжился.

— Но ничего. Теперь ты рядом, и мне уже спокойнее. Хоть

поговорить есть с кем.

Я хотел было отшутиться, однако последние слова Емели заставили меня насторожиться.

Чёрный плащ.

Слишком знакомая деталь.

— Подожди, — произнёс я, медленно повернувшись к нему. — А этот тип… Можешь его описать?

Емеля пожал плечами.

— Да чего там описывать? Самого-то почти не видно. Всё тело закрыто длинным чёрным кожаным плащом. На голове капюшон. Лица вообще не разглядеть. Одно сплошное чёрное пятно.

Он помолчал, словно вновь пытаясь восстановить в памяти пугающий образ.

— И руки у него…

— В перчатках? — перебил я.

Емеля удивлённо посмотрел на меня.

— Да.

— Чёрных? Кожаных?

— Именно.

Я медленно поднялся.

Внутри неприятно похолодело.

Подойдя к кровати Емели, я присел на самый край и некоторое время молчал, пытаясь справиться с нахлынувшими воспоминаниями.

Перед глазами вновь возникло озеро.

Солнечный день.

Берег, на котором когда-то оборвалось моё детство.

И человек в чёрном кожаном плаще.

Тот самый, чьё лицо долгие годы оставалось для меня страшной загадкой.

— Что с тобой, Кай? — встревожился Емеля. — Ты чего побледнел?

Я поднял глаза к окну.

Полная луна висела над больничным двором, словно огромное неподвижное око, равнодушно наблюдавшее за происходящим.

— Я его тоже видел, — тихо произнёс я.

— Кого?

— Человека в плаще.

Емеля замер.

— Во сне?

— Не только.

Я сглотнул.

— Тридцать лет назад. В детстве. Просто вспомнил об этом совсем недавно.

— Да ладно! — недоверчиво протянул Емеля. — Как такое возможно? Чтобы двум людям снился один и тот же человек?

— А может, это вовсе не сон?

Емеля перестал улыбаться.

— Ты сейчас серьёзно?

— Более чем.

Я вновь посмотрел на луну.

— Этот человек убил моего младшего брата.

Слова прозвучали неожиданно тяжело.

Произнеся их вслух, я почувствовал, как внутри что-то болезненно сжалось.

Столько лет прошло.

А стоило вспомнить тот день — и всё возвращалось с пугающей отчётливостью.

Детский смех.

Тёплый воздух.

Вода, искрившаяся под солнцем.

И внезапно наступившая тишина.

Такая страшная, что никакие последующие годы не смогли вытеснить её из памяти.

— Убил? — переспросил Емеля.

— Да.

— Твоего брата?

Я молча кивнул.

Емеля нервно провёл ладонью по лицу.

— Тогда объясни мне одну вещь. При чём здесь я? Почему он ко мне приходит?

— Не знаю.

Это была правда.

Я действительно ничего не понимал.

Но совпадение казалось слишком невероятным, чтобы от

него можно было просто отмахнуться.

— Зато уверен, — продолжил я, — рано или поздно мы узнаем, зачем он появляется.

— Хотелось бы дожить до этого момента, — пробормотал Емеля.

Он отвернулся к окну.

Я некоторое время смотрел на его напряжённый профиль.

— Давай сменим тему, — предложил я. — Не хочу сейчас вспоминать то время.

— С удовольствием.

Емеля облегчённо вздохнул.

— Только чем заниматься будем? Спать я не собираюсь. Телевизора нет, радио нет, даже нормальных часов не повесили. Приходится по солнцу и луне ориентироваться. Прямо первобытный строй какой-то.

Я усмехнулся.

— А ты знаешь, что оригинальные плёнки с записью высадки американцев на Луну были стёрты?

Емеля посмотрел на меня с таким выражением, будто я предложил ему посреди ночи сдавать экзамен по астрономии.

— Нет, конечно. На кой чёрт мне это знать?

— Просто интересно.

— Ну, рассказывай. Всё равно телевизор с музыкальным каналом здесь сам собой не появится.

Он устроился поудобнее, приподняв подушку, скрестил

руки на груди и приготовился слушать.

Правда, по его лицу было заметно, что моя тема не вызвала у него энтузиазма.

— Скажи, Емеля, ты веришь, что американцы действительно были на Луне?

— Думаю, нет.

— Почему?

— А кто их проверял? Сами сняли, сами показали, сами себя героями объявили.

Я невольно улыбнулся.

— В июле шестьдесят девятого года Нил Армстронг и Базз Олдрин высадились на поверхность Луны. В районе Моря Спокойствия установили американский флаг, разместили научные приборы и собрали образцы грунта.

— Круто, — лениво отозвался Емеля. — Только вот луну я сейчас вижу, а флага на ней почему-то нет.

— Слишком далеко.

— Удобное объяснение.

— Они ещё оставили там памятные предметы, в том числе медаль, связанную с Юрием Гагариным. А собранный грунт доставили на Землю для исследований.

— И что, до сих пор исследуют?

— Представь себе. Некоторые образцы специально оставляли нетронутыми, чтобы изучить позже, когда появятся более совершенные приборы. В две тысячи двадцать втором году учёные НАСА приступили к исследованию одного

из таких образцов, доставленных ещё экспедицией «Аполлон-17».

— Полвека ждали?

— Получается, так.

Емеля хмыкнул.

— Наши бы за это время уже потеряли.

— Наши, между прочим, тоже лунный грунт добывали. Автоматическими станциями.

— Ну, хоть кто-то без лишнего шума работал.

Я тихо рассмеялся.

Разговор постепенно отвлекал от тяжёлых воспоминаний.

— Кроме доставленных образцов, учёные изучают лунные метеориты, которые сами попали на Землю.

— А плёнки-то зачем стёрли? — неожиданно вернулся к прежней теме Емеля.

— Насколько я помню, в семидесятых и восьмидесятых годах часть старых магнитных лент использовали повторно. Среди них оказались и оригинальные записи телевизионного сигнала с первой высадки.

— То есть взяли и стёрли историческое событие?

— Выходит, так. Хотя другие записи сохранились.

— А так вообще можно было?

— Наверное, не стоило.

Емеля торжествующе поднял палец.

— Вот! А я тебе что говорил? Не было там никаких американцев!

— Не спеши с выводами. Потеря плёнок ещё не доказывает, что высадки не было.

— Зато подозрительно.

— Согласен, история странная.

Я вновь посмотрел на луну.

Её свет заливал подоконник, серебрил края одеяла и ложился на каменный пол широкой бледной полосой.

— Но знаешь, что мне действительно интересно?

— Что ещё?

— Свет.

— Какой свет?

— Лунный.

Емеля выразительно закатил глаза.

— Кай, ты решил окончательно меня добить?

— Да подожди ты. Луна ведь сама не светится. Она отражает солнечный свет.

— Ну и?

— А американцы оставили на её поверхности специальные уголковые отражатели.

— Это ещё что за зверь?

— Такие устройства, которые возвращают направленный на них лазерный луч обратно. С Земли посылают сигнал, он отражается от прибора, возвращается назад, и учёные вычисляют расстояние до Луны.

— И зачем им знать, сколько до неё километров?

— Для науки. Можно очень точно измерять расстояние и

следить за движением Луны.

— А тебе-то это зачем? — усмехнулся Емеля. — Дачу там присмотрел? Теперь считаешь, сколько бензина до неё понадобится?

Я рассмеялся.

— Нет, дачу пока рановато покупать.

— Вот и правильно. Сначала отсюда выпишись.

Но шутка не смогла отвлечь меня от возникшей мысли.

Я продолжал смотреть на лунный диск.

Что-то в этом разговоре казалось важным.

Не сами американцы.

Не потерянные плёнки.

И даже не научные приборы.

А возможность использовать свет, преодолевший огромное расстояние, для получения информации.

— А представь, — медленно произнёс я, — что на Луне установили не только обычные отражатели.

— А что ещё?

— Не знаю. Какое-нибудь устройство, о котором никто не рассказывал.

— Секретное?

— Возможно.

— И что оно делает?

Я пожал плечами.

— Вот это и интересно.

Емеля некоторое время молчал.

— А если американцы случайно сняли эту штуку? — предположил он.

— Тогда кто-нибудь мог бы захотеть скрыть запись.

— И поэтому плёнки уничтожили?

— Это всего лишь фантазия, Емеля. Доказательств у нас никаких.

— А мне нравится! — оживился он. — Сразу интереснее, чем слушать про камни.

Я улыбнулся.

— Только вот одна вещь не даёт мне покоя.

— Какая?

— Что, если отражённый лунный свет способен показать нечто такое, чего мы обычно не замечаем?

Емеля задумчиво почесал затылок.

— Например?

— Не знаю.

Я посмотрел на собственные руки.

— Может быть, что-то скрытое от глаз.

За окном едва заметно колыхнулась ветка дерева.

На стене дрогнула её тень.

И почему-то именно в этот момент мне показалось, что за привычными очертаниями больничной палаты скрывается нечто гораздо более сложное.

Что-то, чего я пока не способен понять.

— Ну ты и загнул, — пробормотал Емеля. — Я теперь точно не усну.

— А ты и не собирался.

— Тоже верно.

Разговор постепенно угас.

Емеля продолжал смотреть на луну, словно всерьёз надеялся разглядеть на её поверхности американский флаг или какое-нибудь секретное устройство.

Я вернулся на свою кровать.

Сон не приходил.

Да и желания засыпать не было.

Лёжа на спине, я смотрел в потолок и думал.

О старой психиатрической больнице.

О странных событиях, которые происходили там со мной.

О нынешнем учреждении, носившем мрачное название «Обитель грешников».

О людях, оказавшихся рядом.

И, конечно, о снах.

Они возвращали меня на тридцать один год назад с такой достоверностью, будто я не вспоминал прошлое, а действительно проживал его заново.

Почему именно сейчас?

Почему я вновь и вновь видел отца, который так и не смирился с гибелью младшего сына?

Он продолжал искать убийцу.

Я помнил его лицо.

Строгое, уставшее, словно за короткое время постаревшее на много лет.

Помнил, как после трагедии он всё реже появлялся дома.

Как исчезла прежняя лёгкость в его голосе.

Как даже улыбка стала какой-то чужой.

Насколько мне было известно, преступление так и осталось нераскрытым.

Убийца моего брата словно растворился.

И теперь, спустя столько лет, его чёрный плащ вновь возникал передо мной.

Более того, этот же человек являлся Емеле.

Почему?

Какая связь могла существовать между нами?

Я перевернулся на бок.

Вспомнил Любу.

Её появление в моей жизни неожиданно стало одним из немногих событий, вызывавших не только тревогу, но и какое-то странное тепло.

Совсем другое дело — Бос.

Одно воспоминание о нём заставляло меня сжимать кулаки.

Каждая встреча с этим типом оборачивалась неприятностями.

И чем чаще я о нём думал, тем сильнее становилось ощущение, что он знает обо мне гораздо больше, чем показывает.

Где-то рядом скрипнула кровать.

Я поднял голову.

Емеля по-прежнему сидел у окна.

Полная луна освещала его лицо, делая его необыкновенно бледным.

Вспомнилось, что когда-то я читал о возможном влиянии полнолуния на человеческий сон.

Судя по нашему сегодняшнему состоянию, эта ночь действительно не располагала к отдыху.

— Кай…

Я повернулся.

— Чего?

— А Кай…

— Ну?

— У тебя ведь книга есть.

Я нахмурился.

— Какая ещё книга?

— Да та, которую ты в тумбочку убрал. Я видел, как ты её листал.

— А-а, эта.

Я усмехнулся.

— Полное дерьмо, Емеля.

— Почему?

— Потому что текст написать забыли.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— В смысле?

— В самом прямом. Книга есть, страницы есть, а букв нет.

— Совсем?

— Представь себе.

— Покажешь?

— Да пожалуйста.

Я открыл дверцу тумбочки и достал книгу, которую ранее передал мне Каспер.

Тёмный переплёт приятно холодил ладони.

Странная вещь.

Я уже не раз пытался понять, зачем Каспер отдал её мне, но так и не обнаружил ничего, кроме пустых страниц.

— Здесь темно, — заметил я. — Хотя какая разница? Всё равно читать нечего.

С книгой в руках я подошёл к Емеле.

У его кровати было значительно светлее.

Полная луна висела почти напротив окна, и её серебристое сияние свободно проникало внутрь палаты.

Присев на край матраса, я положил книгу на колени.

И тут заметил странность.

Название на обложке выглядело иначе, чем днём.

«Лунный камень».

Буквы словно стали ярче.

Я провёл по ним пальцами.

Тёмная поверхность переплёта приобрела необычный блеск.

Причём настолько отчётливый, что в ней, словно в старом зеркале, начали отражаться окружающие предметы.

Кровати.

Окно.

Спящие пациенты.

Емеля.

И я сам.

Я невольно задержал взгляд на собственном отражении.

— Господи, до чего же я себя довёл…

На меня смотрел небритый, обросший мужчина с усталым лицом и потухшими глазами.

Неужели это действительно я?

— Что там? — заинтересовался Емеля.

— Да на себя любуюсь. Красавец, ничего не скажешь. Как чмо небритое.

Емеля тихо засмеялся.

— Зато живой.

— Тоже достижение.

Я вновь посмотрел на обложку.

— А в лунном свете книжка, конечно, интереснее выглядит.

— Ну так открывай!

Я не торопился.

Почему-то захотелось ещё немного подержать её закрытой.

В голове вновь промелькнула мысль о разговоре, который мы только что вели.

Луна.

Отражённый свет.

Скрытая информация.

Совпадение?

Возможно.

Но название книги вдруг перестало казаться случайным.

Я медленно приподнял обложку.

Прошло несколько секунд.

Емеля подался вперёд.

Я перевернул первую страницу.

Потом вторую.

Третью.

Белая бумага.

Ни единой буквы.

— Пусто… — разочарованно протянул он.

— А я тебе что говорил?

— Надо же…

— Похоже, чтобы её прочитать, сначала самому что-нибудь написать придётся.

Емеля усмехнулся, но вдруг нахмурился.

— Подожди.

— Что?

— А это у тебя что такое?

Он указал пальцем на внутреннюю сторону обложки.

Я наклонился.

В небольшом углублении, похожем на аккуратно сделанный кармашек, находился светлый камень.

Раньше я почему-то не обращал на него внимания.

Минерал имел лёгкий голубоватый оттенок.

К нему крепилась тонкая цепочка из белого металла, другой конец которой был соединён с переплётом.

Очевидно, чтобы камень не потерялся.

— Интересно… — пробормотал я.

Осторожно подцепив цепочку, я извлёк находку.

Камень оказался небольшим, около пяти сантиметров в длину.

В лунном свете его поверхность переливалась холодными голубоватыми отблесками.

— Это ещё для чего? — спросил Емеля.

— Понятия не имею.

Я поднёс минерал ближе к глазам.

Он выглядел необычно.

Не то чтобы драгоценным, но определённо красивым.

Внутри словно находились тончайшие полупрозрачные слои, едва заметно мерцавшие при каждом движении.

— Слушай, — прошептал Емеля, — а может, это алмаз?

— Не знаю.

— Настоящий?

— Да тише ты!

— А вдруг?

— Тогда нас с тобой ждёт богатая старость, — усмехнулся я.

Емеля расплылся в улыбке.

— Вот это уже интереснее астрономии!

Я повертел камень между пальцами.

И совершенно случайно опустил его чуть ниже.

Туда, где раскрытая книга лежала у меня на коленях.

Лунный луч скользнул по поверхности минерала.

И произошло нечто странное.

Голубоватое сияние внутри камня неожиданно усилилось.

Я замер.

Свет словно преломился, рассыпавшись тонкими серебристыми полосами, которые легли на внутреннюю сторону обложки.

Сначала мне показалось, что это обычные блики.

Но через мгновение они начали приобретать очертания.

Прямые линии.

Изгибы.

Знакомые знаки.

Буквы.

Я перестал дышать.

— Емеля…

— Чего?

— Ты это видишь?

Он наклонился ближе.

— Что за…

На совершенно пустой ещё несколько секунд назад поверхности проступала надпись.

Буквы появлялись постепенно, словно невидимая рука выводила их прямо у нас на глазах.

Я медленно прочитал:

«Лунный камень — минерал с уникальной оптической характеристикой. Эффект создаётся за счёт микроскопической внутренней структуры, которая, рассеивая свет Луны, генерирует необходимую информацию для владельца».

Мы молчали.

Я смотрел на проявившийся текст, боясь пошевелиться.

Стоило чуть изменить положение камня, как буквы начинали бледнеть.

Возвращал минерал под прежним углом — и они вновь становились отчётливыми.

— И ты говоришь, что это какая-то хрень?! — едва слышно выдохнул Емеля.

Я не ответил.

В голове стремительно складывались обрывки мыслей.

Книга Каспера.

Пустые страницы.

Лунный свет.

Минерал.

И только что состоявшийся разговор об отражателях.

Слишком много совпадений.

Я вновь посмотрел на надпись.

«Генерирует необходимую информацию для владельца».

Для владельца…

Но кто имелся в виду?

Каспер?

Или теперь я?

— Может, спать будем?!

Грубый голос прозвучал настолько неожиданно, что я едва не выронил книгу.

Мы одновременно обернулись.

На соседней кровати приподнялся Амок.

В полумраке его лицо выглядело особенно неприятно.

— Или всю ночь лясы точить собрались?! — зло прошипел он.

Я поспешно опустил камень.

Сияние исчезло.

Вместе с ним пропали и буквы.

Обложка вновь стала совершенно пустой.

— Всё, всё, спим, — тихо ответил я.

— Вот и спите!

Амок раздражённо отвернулся к стене.

Я аккуратно уложил минерал в кармашек, захлопнул книгу и поднялся.

Емеля проводил меня взглядом.

По выражению его лица было ясно: увиденное произвело на него впечатление не меньшее, чем на меня.

Но продолжать разговор мы не решились.

Вернувшись на свою кровать, я забрался под одеяло.

Книгу положил рядом.

Сон окончательно перестал меня интересовать.

Теперь всё внимание было сосредоточено на загадочном

предмете.

Я снова и снова прокручивал в памяти появившуюся надпись.

Может быть, текст действительно уже нанесён на поверхность, просто невидим при обычном освещении?

Вполне возможно.

Существуют ведь специальные краски, реагирующие на определённые виды света.

Но тогда почему надпись проявилась именно сейчас?

Почему днём я ничего не заметил?

И главное — откуда Каспер знал о содержании книги?

Ведь он постоянно читал её.

Перелистывал страницы.

Задумывался над прочитанным.

А я, дурак, считал, что он просто повторяет выученное.

Я осторожно повернул голову.

Каспер лежал на своей кровати.

Каспер лежал с закрытыми глазами, словно отгородившись от всего происходящего.

Судя по неподвижности, он спал.

Или делал вид, что спит.

В последнее время я всё чаще ловил себя на мысли, что этот странный парень знает гораздо больше, чем говорит.

Причём некоторые его знания никак не укладывались в привычные представления о мире.

Я хотел разбудить его.

Спросить напрямую.

Но передумал.

Если Каспер намеренно передал мне эту книгу, значит, у него имелись причины.

А если он знал, что страницы проявляются под лунным светом, почему ничего не объяснил?

Вопросов становилось всё больше.

Ответов по-прежнему не было.

Я лежал неподвижно, прислушиваясь к звукам палаты.

Амок постепенно успокоился.

Его дыхание стало ровным.

Вскоре послышалось негромкое сопение.

Емеля ещё некоторое время ворочался, затем осторожно поднялся.

Я услышал, как он прошаркал к двери.

— Ты куда? — шепнул я.

— До туалета. Сейчас вернусь.

Дверь тихо скрипнула.

Емеля вышел.

Я приподнялся на локте.

Сейчас.

Другого момента могло и не представиться.

Осторожно достав книгу из-под одеяла, я вновь раскрыл её.

Вынул минерал.

Поднёс к странице.

Ничего.

Камень оставался тусклым и совершенно безжизненным.

Я повертел его в пальцах.

Ни голубоватого свечения.

Ни малейшего намёка на буквы.

Тогда я посмотрел на окно.

Луна по-прежнему освещала палату.

В её свете отчётливо виднелись края кроватей и неподвижные фигуры спящих пациентов.

Я осторожно поднялся.

Босыми ступнями коснулся прохладного пола.

Подойдя к открытому окну, остановился в широкой полосе лунного света.

Воздух снаружи был свежим.

Где-то далеко, за пределами больничного двора, едва слышно шумели деревья.

Я раскрыл книгу.

Поднял камень.

Повернул его навстречу лунному лучу.

И почти сразу заметил знакомое голубоватое сияние.

— Работает… — прошептал я.

Сердце забилось быстрее.

Я медленно поднёс минерал к первой странице.

Потом ко второй.

Изменил угол.

Ещё немного повернул камень.

Ничего.

Страницы оставались пустыми.

Я нахмурился.

Может быть, дело в расстоянии?

Поднёс камень ближе.

Потом отдалил.

Свет продолжал играть внутри минерала, но никаких букв не появлялось.

— Да что ж такое…

Я вернулся к внутренней стороне обложки.

Туда, где совсем недавно мы с Емелей прочитали загадочную надпись.

Если текст был нанесён заранее, он должен был появиться снова.

Я направил лунный свет через минерал.

Медленно повёл камнем вдоль поверхности.

Пусто.

Попробовал ещё раз.

Ничего.

Ни одной буквы.

Ни одного слова.

Я почувствовал, как первоначальное возбуждение сменяется раздражением.

— Ну давай же…

Повернул камень другим боком.

Приподнял книгу.

Изменил угол падения света.

Минерал вспыхивал голубоватым оттенком, но обложка упорно оставалась чистой.

Что-то было не так.

Но что именно?

Ведь несколько минут назад всё прекрасно работало.

Я сам видел надпись.

И Емеля видел.

Значит, мне не показалось.

Или…

Я замер.

А если книга действительно показывала не заранее написанный текст?

Если информация каким-то образом возникала именно в тот момент, когда была необходима?

Но кому?

Мне?

Емеле?

И почему теперь она молчала?

Я ещё раз взглянул на камень.

Обычная красивая безделушка.

Пять сантиметров полупрозрачного минерала на тонкой металлической цепочке.

Ничего сверхъестественного.

Никаких признаков того, что внутри скрывается какая-то невероятная сила.

— Может, на обратной стороне написано: «Сделано в Китае»? — пробормотал я.

Собственная шутка показалась не слишком смешной.

Я устало выдохнул.

Возможно, всё объяснялось гораздо проще.

Какой-нибудь больничный сувенир.

Хитроумная игрушка.

Очередная странность, которой я придавал слишком большое значение.

Но тогда почему Каспер постоянно читал эту книгу?

Почему она оказалась у меня?

И почему именно сегодня, после разговора о Луне, я обнаружил камень?

Я посмотрел на пустую страницу.

Белая поверхность словно насмехалась надо мной.

Столько вопросов.

И ни одного ответа.

— Да пошла ты…

Раздражённо захлопнув книгу, я поднял облачко старой пыли.

Оно взметнулось прямо перед лицом, заставив меня зажмуриться.

Я отмахнулся свободной рукой.

Пыль медленно оседала в серебристом лунном свете.

А я всё ещё стоял у окна, сжимая книгу, которая несколько минут назад казалась мне ключом к невероятной тайне.

Теперь же она вновь была обыкновенной книгой.

С пустыми страницами.

И странным камнем на цепочке.

Эпизод 16

— Не пыли, братан!

Знакомый до боли в висках голос неожиданно разрезал ночную тишину.

Я вздрогнул.

Облачко пыли, поднявшееся, когда захлопнулась книга, медленно кружилось перед моим лицом. В голубоватом лунном свете мельчайшие частицы казались неподвижными, словно время на мгновение споткнулось, забыв продолжить свой привычный бег.

Сердце предательски дрогнуло.

Этот голос…

Я слишком хорошо его знал. И, как оказалось, успел соскучиться по нему гораздо сильнее, чем готов был себе признаться.

Но мимолётная радость почти сразу сменилась тревогой.

— Не может быть… Атаман?

Я протёр глаза и пристально всмотрелся в обложку книги, на гладкой поверхности которой проступало до боли знакомое отражение.

Седая борода, насмешливые глаза и та самая наглая фи-

зиономия, которую я надеялся больше никогда не увидеть.

Атаман!

Я ущипнул себя за руку. Затем ещё раз. С такой силой, что почувствовал вполне настоящую боль.

Ничего не изменилось.

Бородатая физиономия по-прежнему смотрела на меня, с привычной надменной улыбкой.

— Не хочешь поздороваться, братан? — наконец поинтересовался он. — Вот я скучал. И признаюсь, рад тебя видеть. Правда, не вживую, как раньше, а через этот гаджет. Обнять бы тебя по-братски, да только, судя по всему, мы теперь по разные стороны.

Он развёл руками и довольно ухмыльнулся.

Я продолжал смотреть на него, не находя слов.

Передо мной находился человек, которого я одновременно ненавидел, опасался и почему-то считал своим другом.

Человек, которого, возможно, никогда не существовало.

Или всё-таки существовало?

— Атаман, мы оба прекрасно знаем, что ты плод моего воображения. Всего лишь галлюцинация. Видимо, начались ухудшения после того, как мне снова настучали по голове. Да ещё и от таблеток Ирины отказался…

Я замолчал.

Кому я сейчас пытался всё это объяснить? Ему или самому себе?

— Таблетки? — удивлённо переспросил Атаман. — А что

с ними не так? Мы же с тобой разговариваем, правда?

Его улыбка стала ещё шире.

— Не понял. Проясни, — потребовал я, чувствуя, как внутри зарождается неприятное предчувствие. — Таблетки, которые прописала Ирина, я не принимал. Вместо них пил те, что дала Люба.

— Именно благодаря им и состоялась наша долгожданная встреча! — торжественно объявил Атаман. — Обнимемся, братан! Ах да… Совсем забыл. Ты пока у руля.

Он демонстративно развёл руками.

— Люба?.. — переспросил я.

— Именно! В самую дырочку, братан! Пил бы Иркины «колёса», наша встреча, может, и не состоялась бы. А вот таблеточки Любаши нам по вкусу. Эх, обнял бы тебя сейчас по-братски!

Он продолжал веселиться, откровенно наслаждаясь моей растерянностью.

А мне становилось совсем не до смеха.

Люба…

Женщина, которой я доверял. Которую считал единственным по-настоящему близким человеком в этом проклятом месте.

Неужели она сознательно сделала что-то, способное вернуть мои галлюцинации?

— Продолжай, — потребовал я, чувствуя, как иссякает терпение.

— Хорошо, братан. Только не гони и не прогони! — ухмыльнулся Атаман. — Сейчас попробую объяснить тебе одну интересную вещь. Только слушай внимательно, а то опять скажешь, что я всякую хрень несу.

Он немного помолчал, словно собираясь с мыслями.

— Помнишь, как мы с тобой раньше спорили? Ты всё удивлялся, почему мы такие разные. Вроде вместе, а думаем по-разному. Ты налево, я направо. Ты рассуждать, я действовать. Помнишь?

— Помню. Ближе к делу.

— Вот именно! К делу! — оживился он. — Значит, слушай. У тебя под черепушкой находится такая замечательная штуковина, как головной мозг. И состоит он из двух полушарий. Левого и правого. Разделены они продольной щелью, а соединены между собой мозолистым телом. Представляешь, братан? Целая система связи!

Он сделал многозначительную паузу.

— И что?

— Как это «и что»? Я тебе тут практически лекцию читаю, а ты никакого уважения к науке!

— С Любой что?

— Немного терпения. — Атаман неожиданно насторожился. — Слушай, а Емелю за дверью не слышно? А то вернётся, увидит, как ты сам с собой разговариваешь, и решит, что тебе совсем крышу сорвало.

Он прижался лицом к поверхности обложки и принялся

придурковато коситься по сторонам.

Я невольно усмехнулся.

Всё тот же Атаман.

Наглый, самоуверенный и совершенно не способный разговаривать серьёзно дольше нескольких минут.

— Нет его. Продолжай.

— Тогда вопрос на засыпку, братан. После малой нужды какой рукой стряхиваешь?

Я опешил.

— В смысле?

— В прямом! Когда в туалет ходишь!

— Правой… Вроде.

— А я левой! — радостно объявил он. — Интересно, правда?

— Атаман, ты издеваешься?

— Нет, братан. Я тебя просвещаю! Хотя, если неинтересно, можем и спать пойти.

Он демонстративно нахмурился.

— Ладно. Продолжай.

— Вот теперь другое дело! — довольно произнёс он. — Смотри. Информация, которую мы получаем от органов чувств, обрабатывается мозгом. Причём оба полушария участвуют в этом процессе. Но за некоторые функции они отвечают в разной степени. Называется это… сейчас…

Он скосил глаза куда-то вниз.

— Латерализация! Во! Не сразу запомнил. Хорошо,

книжка под носом.

— Ты что, подсматриваешь?

— А ты думал, я профессор? — возмутился Атаман. — Сам-то много без подсказки расскажешь? Слушай дальше. Многие движения одной стороны тела управляются противоположным полушарием. Правая сторона связана преимущественно с левым, левая — с правым. Понимаешь, к чему клоню?

Я молчал.

Его слова постепенно складывались в какую-то неприятную, почти пугающую картину.

Перед глазами всплывали события старой больницы. Наши разговоры. Постоянные разногласия. Его уверенность в собственных поступках. Его способность появляться именно тогда, когда я меньше всего этого ожидал.

И самое главное — то странное ощущение, что Атаман всегда знает обо мне больше, чем я сам.

Словно находится где-то совсем рядом.

Не за дверью.

Не за стеной.

Гораздо ближе.

— Подожди… — тихо произнёс я.

Атаман перестал улыбаться.

— Ну?

— Ты хочешь сказать, что мы не просто похожи?

Он молчал.

— Что ты вообще не отдельный человек?

Я почувствовал, как неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника.

— Что ты… часть меня?

Атаман продолжал смотреть прямо мне в глаза.

— Моё правое полушарие? — наконец выдохнул я.

На несколько мгновений его лицо стало совершенно серьёзным.

И именно это испугало меня сильнее всего.

Потом знакомая ухмылка вернулась.

— Не хочу сказать, братан, а уже сказал! И не колошмать по стене, сосед!

Я машинально убрал руку, которой только что постучал себя по голове.

— Сосед?..

— Ну а как ещё? Живём, можно сказать, через стенку. Только стенка у нас не кирпичная.

Он рассмеялся.

Мне было не до смеха.

Если всё сказанное правда, значит, Атаман не просто образ, созданный больным воображением.

Он — часть моего собственного сознания.

Но тогда почему у него совершенно другой характер?

Почему он способен рассуждать самостоятельно?

И откуда знает то, чего не знаю я?

— Кстати, братан, — продолжил он, словно не замечая

моего состояния, — мне тут, по сравнению с тобой, есть где разгуляться! Правое полушарие, между прочим, ничем не хуже левого. А я ещё и характером покрепче буду!

— Это ты сам решил?

— А кто же ещё? Ты, что ли?

Он снова ухмыльнулся.

— Вот у тебя, например, с дофамином особые отношения. Слышал про такой?

— Слышал. И что?

— А то, что эта штука участвует в мотивации, предвкушении удовольствия и всяких приятных ощущениях. Поел вкусно — хорошо. Добился чего-нибудь — ещё лучше. А уж когда рядом Любаша…

Он многозначительно поднял брови.

— Атаман!

— Что Атаман? Я тебе научную информацию преподношу! Вот ты к ней привязался. Думаешь о ней, переживаешь. Стоит ей рядом оказаться, и у тебя сразу настроение другое. А мне, братан, на неё совершенно наплевать!

— Очень рад за тебя.

— Не сомневался! — довольно ответил он. — А вот моё полушарие, как я считаю, больше по части тестостерона. Отсюда и мышцы, и волосы, и характер. Ну и титановые яйца, само собой!

Он выдержал паузу.

— Шучу, конечно! Стальные! Хотя… кого я обманы-

ваю…

Атаман расхохотался.

Я смотрел на его бородатую физиономию и никак не мог понять, что раздражает меня сильнее: его идиотские шутки или собственная неспособность разобраться в происходящем.

Слишком уж легко он рассуждал о вещах, которые переворачивали моё представление о самом себе.

Ведь если он действительно часть меня, получается, все наши прежние споры, ссоры и противостояния происходили внутри одной головы.

Моей головы.

И тогда возникал другой вопрос.

Кто из нас настоящий хозяин?

Я или он?

Вспомнив, насколько жестоким способен быть Атаман, я почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось.

Нет.

Об этом сейчас лучше не думать.

— Что с Любой?! — резко спросил я, окончательно потеряв терпение.

Атаман перестал смеяться.

— Да с ней ничего, братан. А вот её «колёсики» меня разбудили…

Он не успел договорить.

Дверь палаты неожиданно открылась.

— Как дела? — раздался голос Емели. — Книга заработала или всё-таки вся эта возня с ней — пустая трата времени?

В палату вошёл наш волосатый лежебока, держа пластмассовый стакан с кофе.

Я вздрогнул и поспешно захлопнул книгу.

— Да так… Разбираюсь потихоньку.

— Ну и разбирайся, — равнодушно буркнул Емеля, направляясь к своей кровати.

Я осторожно посмотрел на обложку.

Ничего.

Ни бородатой физиономии, ни насмешливых глаз.

Только старая книга.

Словно никакого разговора и не было.

Я быстро спрятал её под матрас, стараясь не привлекать внимания Емели.

Но мысли мои были далеко отсюда.

Люба…

Её имя теперь вызывало во мне совершенно иные чувства.

Ещё недавно я был уверен, что могу доверять ей практически во всём. После пережитого в старой больнице именно она стала для меня человеком, рядом с которым хотелось чувствовать себя живым.

Настоящим.

Нужным.

Я привык к её присутствию. К голосу. К взгляду. К тем редким минутам, когда среди окружающего безумия можно

было забыть о собственных несчастьях.

И, кажется, действительно полюбил её.

Но теперь…

Теперь получалось, что именно Люба своими таблетками вернула ко мне того, от кого я так долго пытался избавиться.

Атамана.

Мою вторую половину.

Тёмную сторону собственного сознания.

Я прекрасно помнил, на что он способен. Помнил его поступки, его жестокость и ту пугающую лёгкость, с которой он принимал решения, казавшиеся мне совершенно недопустимыми.

Неужели Люба не понимала, к чему всё это может привести?

Она ведь знала о моей болезни.

Знала о травме головы.

Знала, через что мне пришлось пройти после той страшной аварии.

И всё равно дала мне эти таблетки.

Зачем?

Я перевернулся на спину и уставился в потолок.

За окном по-прежнему светила полная луна, разбрасывая по палате холодные серебристые отблески.

Емеля возился на своей кровати.

Где-то неподалёку послышалось сонное сопение.

Всё вокруг оставалось прежним.

Лишь мой собственный мир за последние несколько минут изменился до неузнаваемости.

Я попытался убедить себя, что Атаман мог солгать.

В конце концов, кто мешал ему придумать всю эту историю с таблетками? Кто мешал намеренно поссорить меня с Любой?

Ему ведь всегда нравилось играть на моих чувствах.

Но тогда откуда он узнал о замене препаратов?

Я закрыл глаза.

Перед внутренним взором возникло лицо Любы.

Её улыбка.

Её глаза.

И тут же — наглая физиономия Атамана.

«А вот таблеточки Любаши нам по вкусу…»

Я сжал кулаки.

Неужели она действительно меня предала?

Или, наоборот, пыталась помочь?

Возможно, Люба знала что-то такое, о чём я даже не догадывался.

Но почему тогда ничего не объяснила?

Почему позволила мне самому столкнуться с последствиями?

Я чувствовал, как доверие, которое ещё совсем недавно казалось незыблемым, постепенно разрушается под тяжестью сомнений.

Хотелось немедленно найти Любу.

Посмотреть ей в глаза.

Спросить прямо.

Но что я скажу?

«Спасибо за таблетки, благодаря которым я снова разговариваю со своим вторым полушарием»?

От одной этой мысли стало тошно.

Я уже не знал, чего хочу больше: услышать от неё правду или убедиться, что Атаман снова меня обманул.

Самым мучительным оказалось другое.

Несмотря на все возникшие подозрения, мои чувства к Любе никуда не исчезли.

Я по-прежнему хотел её видеть.

По-прежнему переживал за неё.

И по-прежнему боялся потерять.

От этого становилось ещё тяжелее.

Ведь ненавидеть человека, которого любишь, гораздо сложнее, чем того, кто тебе совершенно безразличен.

Я снова посмотрел в сторону матраса, под которым лежала загадочная книга.

Теперь она пугала меня ещё сильнее.

Несколько часов назад я пытался разгадать тайну её пустых страниц и необычного минерала.

Теперь же казалось, будто книга вернула мне того, кого я считал навсегда исчезнувшим.

И если Атаман действительно находится внутри моей головы, то где гарантия, что однажды он не решит снова взять

управление на себя?

Я медленно провёл ладонью по лицу.

В висках неприятно пульсировало.

Может, это последствия побоев.

Может, действие таблеток.

А может…

Я оборвал собственную мысль.

Нет.

Сейчас мне требовался сон.

Хотя бы несколько часов покоя.

Я повернулся на бок, натянул простыню до плеч и попытался закрыть глаза.

Но сон не приходил.

В голове снова и снова звучал знакомый голос:

«Не колошмать по стене, сосед…»

Я невольно коснулся виска.

И впервые за долгое время испугался не того, что находится вокруг меня.

А того, кто находится внутри.

Эпизод 17

Утро наступило неожиданно.

Сквозь неплотно сомкнутые веки пробивался дневной свет, настойчиво напоминая о том, что ночь закончилась и пора возвращаться к действительности. Хотя после всего пережитого я уже начинал сомневаться, существует ли она во-

обще — эта самая действительность.

Открыв глаза, я несколько секунд неподвижно смотрел в потолок, пытаясь собрать разбежавшиеся за ночь мысли.

В палате стоял привычный утренний полумрак. За окном медленно разгорался новый день. Где-то в коридоре послышался металлический лязг, затем тяжёлые шаги охранника и приглушённый разговор.

Всё было как обычно.

Кроме одного.

Я прекрасно помнил события минувшей ночи.

Книга.

Лунный свет.

Страницы, которые ещё вчера казались совершенно пустыми.

И то, что мне удалось увидеть.

Воспоминания нахлынули настолько отчётливо, что я невольно приподнялся на локтях, бросив взгляд на прикроватную тумбочку.

Книга находилась там.

Там, где я её оставил.

— Да что же это за чертовщина такая? — пробормотал я, потирая лицо ладонями.

Первым делом мне захотелось убедиться, что всё произошедшее не было очередным сном. Однако здравый смысл подсказывал: даже если я снова открою книгу, при дневном свете ничего не увижу.

И тут мой взгляд остановился на соседней кровати.

Каспер.

Он лежал на спине, неподвижно уставившись в потолок. Его болезненно бледное лицо казалось особенно усталым.

Я некоторое время разглядывал соседа.

Удивительный всё-таки человек. Иногда мне казалось, что он знает ответы на все вопросы во Вселенной. Но стоило задать ему один действительно важный, как этот ходячий справочник начинал разговаривать загадками.

Сегодня я решил не церемониться.

— Каспер!

Никакой реакции.

— Каспер, ты спишь?

— Уже нет, — спокойно ответил он, не поворачивая головы.

— Тогда объясни мне одну вещь.

— Всего одну? — уголок его рта едва заметно дрогнул. — Для тебя это необычайная скромность.

— Слушай, умник, давай без твоих шуточек. Что за книгу ты мне подсунул?

Каспер медленно повернул голову.

— А что с ней не так?

— Ты прекрасно знаешь!

— Предположим.

— Какие ещё предположения? Вчера днём я открывал её — пустые страницы. Ночью поднёс к лунному свету, и там

появились записи! Ты можешь нормально объяснить, как такое возможно?

Он некоторое время молчал, внимательно изучая моё лицо.

— А ты уверен, что записи появились именно ночью?

Я растерялся.

— В смысле?

— Возможно, они существовали и раньше. Просто ты их не видел.

— Ну спасибо! Очень содержательно. Я, значит, ослеп днём, а ночью прозрел?

— Человеческое зрение весьма несовершенно, Кай. Мы воспринимаем лишь небольшую часть электромагнитного спектра. Например, ультрафиолетовое и инфракрасное излучение существуют независимо от того, способны мы их видеть или нет.

— И что?

— А то, что отсутствие видимого изображения ещё не означает отсутствия информации.

Я задумался.

В его словах определённо присутствовала логика. Однако далеко не всё становилось от этого понятнее.

— Погоди. Ты хочешь сказать, что лунный свет каким-то образом проявляет написанное?

— Я этого не говорил.

— Тогда что ты сказал?

— Что наши органы чувств не являются совершенными инструментами познания окружающего мира.

— Каспер, я тебя сейчас придушу.

Он неожиданно улыбнулся.

— Это тоже способ познания, но крайне неэффективный.

Я невольно усмехнулся.

Вот ведь зараза!

Даже после такой ночи умудряется шутить.

Однако веселье быстро прошло.

Перед глазами снова возникли страницы книги. Непонятные записи, загадочные образы и ощущение, будто кто-то невидимый позволил мне заглянуть туда, куда обычному человеку заглядывать не положено.

— Слушай, — уже серьёзнее произнёс я. — А может ли человек увидеть то, чего на самом деле нет?

Каспер перестал улыбаться.

— Разумеется.

— Например?

— Например, во сне. Или при определённых нарушениях работы мозга. Но существует и другая сторона вопроса.

— Какая?

— Наш мозг никогда не воспринимает окружающий мир непосредственно. Он получает сигналы от органов чувств, обрабатывает их и создаёт внутреннюю модель действительности.

— То есть?

— То есть прямо сейчас ты видишь не сам мир, а его изображение, сформированное твоим мозгом.

Я посмотрел на него с недоверием.

— Получается, всё вокруг — картинка у меня в голове?

— В некотором смысле.

— И ты тоже?

— Особенно я.

— Ну тогда понятно, почему ты меня так раздражаешь.

Каспер тихо рассмеялся.

Я снова опустился на подушку.

С одной стороны, его объяснения казались вполне разумными. С другой — после событий в прежней больнице подобные рассуждения вызывали у меня далеко не научный интерес.

Если мозг действительно создаёт собственную картину мира, то кто может гарантировать, что моя картина соответствует действительности?

А главное — где проходит граница между воспоминанием, сном и тем, что происходит на самом деле?

— Каспер, — произнёс я после небольшой паузы. — А что, если человек видит события, которых никогда не было?

— Для начала необходимо определить, что именно ты называешь событиями.

— Да обычные события! Людей, места, разговоры. Всё настолько настоящее, что просыпаешься и не можешь понять, где находишься.

Каспер внимательно посмотрел на меня.

— Память человека не является видеозаписью, Кай. Каждый раз, вспоминая какое-либо событие, мозг частично восстанавливает его заново. При этом воспоминания могут изменяться.

— Значит, собственная память может обманывать?

— Может.

— А чужая?

Он замолчал.

Я заметил, как изменилось выражение его лица.

— Что значит чужая? — осторожно переспросил он.

— Ну… допустим, я вижу события, участником которых не являлся. Причём настолько подробно, словно присутствовал там лично.

Каспер медленно приподнялся на локте.

— Любопытно.

— Что любопытного? Мне вот совсем не смешно!

— Я и не смеюсь.

Он задумчиво посмотрел в сторону окна.

— В квантовой механике существует понятие наблюдения. В некоторых экспериментах результат зависит от того, каким способом производится измерение.

— И какое отношение это имеет к моим снам?

— Прямого доказанного отношения — никакого. Но сама мысль интересная: наблюдение и полученная информация не всегда так просты, как кажутся.

Я нахмурился.

— Опять ты за своё! Я тебе про книгу, а ты мне про квантовую механику!

— Ты сам спросил.

— Хорошо. Тогда ответь на другой вопрос. Если человек наблюдает за событиями прошлого, может ли он каким-нибудь образом повлиять на них?

Каспер посмотрел мне прямо в глаза.

На этот раз его лицо стало совершенно серьёзным.

— С точки зрения известной нам физики, наблюдение за прошлым не означает возможности его изменить.

— А если прошлое само пытается что-то показать?

Он не ответил.

Я почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Каспер?

— Знаешь, Кай, — негромко произнёс он, — иногда гораздо важнее не то, что человек помнит, а то, почему он об этом вспомнил.

— Это ты сейчас к чему?

— К тому, что память не всегда открывает нам именно то прошлое, которое мы привыкли считать своим.

Я резко повернулся к нему.

— Подожди! Ты хочешь сказать…

Договорить я не успел.

В коридоре послышались приближающиеся шаги.

Затем металлический замок громко щёлкнул, и тяжёлая дверь палаты распахнулась.

На пороге появилась Ирина.

Следом за ней вошла Люба.

— Доброе утро, господа! — бодро произнесла Ирина, окидывая помещение привычным оценивающим взглядом.

Я раздражённо выдохнул.

Вот уж действительно вовремя!

Ещё несколько секунд — и, возможно, я наконец услышал бы от Каспера что-нибудь действительно полезное.

Однако тот уже спокойно откинулся на подушку, словно нашего разговора вовсе не существовало.

Ирина тем временем прошла между кроватями.

Люба шла следом, внимательно осматривая пациентов.

Увидев меня, она едва заметно улыбнулась.

От этой улыбки на душе неожиданно потеплело.

После всего пережитого даже такой незначительный знак внимания казался чем-то удивительно человеческим.

— Ну как наш красавчик сегодня себя чувствует? — поинтересовалась Ирина, остановившись возле моей кровати.

— Пока не понял, — ответил я. — Утро только началось.

— Голова болит?

— Иногда.

— Головокружение?

— Бывает.

— С памятью как?

Я невольно покосился на Каспера.

— Вот с памятью у меня как раз самые большие проблемы.

Ирина внимательно посмотрела на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Да ничего особенного. Сны странные снятся.

— Какие именно?

— Разные.

Она выдержала небольшую паузу.

— Хорошо. Сегодня тебя осмотрит хирург.

— Хирург? — удивился я. — А он-то мне зачем?

— Не забывай, Кай, что после аварии у тебя была серьёзная травма головы. Необходимо убедиться, что восстановление проходит нормально.

— А обычный врач уже не справляется?

— Не переживай, — вмешалась Люба. — Просто дополнительный осмотр.

Её голос прозвучал мягко и успокаивающе.

Я пожал плечами.

— Ну осмотр так осмотр. Только голову мне больше не сверлите.

Люба улыбнулась.

Ирина же осталась совершенно серьёзной.

— Постарайся вести себя прилично.

— Обязательно. Особенно если хирург окажется симпатичной женщиной.

— Боюсь, тебя ждёт разочарование.

Она направилась к выходу.

Но не успела дойти до двери, как снаружи послышался уверенный мужской голос:

— Ну что, мои дорогие, где тут у нас пациент, требующий особого внимания?

В палату вошёл человек, появление которого совершенно не вязалось с окружающей обстановкой.

Первое, что бросилось мне в глаза, — его одежда.

На мужчине был дорогой костюм без единой складки. Белоснежная рубашка выглядывала из-под безупречно сидящего пиджака, а шёлковый галстук, аккуратно затянутый у воротника, придавал его внешности какую-то нарочитую солидность.

Но особенно выделялись ботинки.

Чёрные, с благородным блеском, явно сшитые из дорогой кожи. Они были начищены настолько тщательно, что в них, казалось, можно было разглядеть собственное отражение.

Я невольно посмотрел на свои ноги.

Потом снова на его обувь.

Да уж.

Не больница, а показ мод.

На шее незнакомца поблёскивала массивная золотая цепь, частично скрытая воротником рубашки. На безымянном пальце правой руки красовался тяжёлый перстень с крупным камнем.

Дорогие часы завершали образ человека, привыкшего демонстрировать окружающим своё благополучие.

Однако главным украшением его внешности оказалась улыбка.

Стоило мужчине раздвинуть губы, как в утреннем свете сверкнули золотые коронки.

Их было несколько.

Причём складывалось впечатление, что обладатель этого стоматологического богатства вовсе не стремился скрывать драгоценный металл.

Наоборот.

Он улыбался так широко, словно специально выставлял своё состояние напоказ.

От него исходил густой аромат дорогого парфюма, совершенно чуждый запахам лекарств, старого белья и казённой больничной жизни.

— Ну-с, — произнёс незнакомец, довольно потирая ладони. — Кто у нас тут нуждается в помощи?

— Вот наш пациент, — ответила Ирина, указывая на меня.

Мужчина повернулся.

Его взгляд скользнул по моей кровати, тумбочке и одежде, лишь затем остановившись на моём лице.

Я почему-то сразу почувствовал себя не человеком, а вещью, стоимость которой он пытался определить с первого взгляда.

— А-а-а! — протянул он, улыбаясь ещё шире. — Молодой человек! Ну что же вы так неосторожно обращаетесь со своей головой?

— Да вот, — ответил я. — Решил проверить её на прочность.

— И как результаты?

— Столб победил.

Хирург громко рассмеялся, продемонстрировав очередную порцию золота.

— С чувством юмора, вижу, всё в порядке! Это хорошо. Очень хорошо!

Он приблизился к кровати.

— Давайте посмотрим, что у нас тут.

Его пальцы коснулись моей головы.

На мгновение я почувствовал холод массивного перстня.

— Больно?

— Нет.

— А здесь?

— Немного.

— Понятно… Понятно…

Он внимательно осмотрел светлый шрам, оставшийся после травмы, осторожно ощупал кожу вокруг него и попросил меня проследить глазами за движением пальца.

Движения его были уверенными.

В отличие от внешнего вида, профессиональные навыки врача сомнений не вызывали.

Однако меня не покидало ощущение, что за этой показной доброжелательностью скрывается нечто неприятное.

— Ну что же, — наконец произнёс хирург. — Пока ничего страшного не наблюдаю. Но голову необходимо беречь. Это, знаете ли, весьма дорогостоящая часть человеческого организма!

— Особенно если золотом покрыть, — не удержался я.

Он посмотрел на меня.

Затем снова рассмеялся.

— Молодой человек, золото никогда не бывает лишним!

— Заметно.

— А что вы хотите? — развёл он руками. — Хороший специалист должен хорошо выглядеть. Успех, знаете ли, любит достойное обрамление.

Я промолчал.

Почему-то мне вспомнился отец.

Он всегда говорил, что человека определяет не то, сколько у него денег, а то, на что он готов ради них пойти.

Интересно, что сказал бы он об этом золотозубом красавце?

Хирург между тем продолжал рассуждать о необходимости качественного лечения, современных методах обследования и стоимости хороших медицинских услуг.

Слова «дорого», «качественно» и «лучшее» повторялись с удивительным постоянством.

Казалось, даже в этой тюремной больнице он умудрялся

мысленно составлять прейскурант.

И вдруг произошло нечто странное.

Врач случайно перевёл взгляд в дальнюю часть палаты.

Туда, где находился Амок.

Его улыбка исчезла.

Не постепенно.

Мгновенно.

Словно кто-то невидимый стёр её с лица.

Я заметил, как изменилось выражение его глаз.

Ещё секунду назад уверенный, самодовольный человек вдруг побледнел и застыл, не закончив начатую фразу.

Его пальцы машинально потянулись к золотой цепи.

— Что-то не так, доктор? — спросил я.

Он словно не услышал.

Продолжал смотреть в одну точку.

Я повернул голову.

Амок находился на своём привычном месте.

Он сидел неподвижно, слегка подавшись вперёд, и смотрел прямо на хирурга.

В этом взгляде не было ни удивления, ни радости.

Только тяжёлое, неприятное внимание хищника, внезапно обнаружившего знакомую добычу.

Мне стало не по себе.

— Доктор? — повторила Ирина.

Хирург вздрогнул.

— Да… Да, конечно.

Он попытался улыбнуться.

Но теперь улыбка выглядела натянутой и какой-то жалкой.

— Простите. Задумался.

Амок медленно склонил голову набок.

И вдруг улыбнулся.

Улыбка получилась настолько неприятной, что мне невольно захотелось отвернуться.

— Здравствуй, доктор, — негромко произнёс он.

В палате стало удивительно тихо.

Или мне просто показалось.

Хирург сглотнул.

— Мы… знакомы?

Амок продолжал улыбаться.

— А ты как думаешь?

Врач отвёл глаза.

— Простите, но через мои руки прошло множество пациентов.

— Через руки, говоришь…

Амок медленно поднял руку и коснулся области повреждённого глаза.

— А некоторые, наверное, особенно запоминаются.

Я почувствовал, как внутри неприятно похолодело.

Хирург побледнел ещё сильнее.

— Не понимаю, о чём вы.

— Конечно, не понимаешь.

Амок усмехнулся.

— Столько лет прошло.

Его голос звучал почти дружелюбно.

И именно это пугало больше всего.

Я перевёл взгляд на врача.

Тот уже не напоминал уверенного в себе богача, вошедшего в палату несколько минут назад.

Золотая цепь по-прежнему блестела на его шее.

Перстень украшал палец.

Дорогие часы отсчитывали секунды.

Но всё это великолепие внезапно потеряло своё значение.

Передо мной стоял испуганный человек.

Причём испуганный настолько, что даже не пытался скрыть дрожь в пальцах.

— Доктор, — осторожно произнёс я. — Вы действительно его знаете?

— Нет! — слишком быстро ответил он.

И тут же поправился:

— То есть… Возможно, когда-то встречались. Я ведь хирург. Пациентов много.

Амок тихо засмеялся.

— Много…

Он медленно повторил это слово, словно пробуя его на вкус.

— А деньги у всех одинаковые, доктор?

Врач резко повернул голову.

Я увидел, как напряглись мышцы его лица.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего.

Амок пожал плечами.

— Просто интересно. Деньги ведь не пахнут, правда?

Хирург промолчал.

Амок продолжал смотреть на него.

— Особенно когда их много.

Мне показалось, что врач сейчас развернётся и выбежит из палаты.

Однако он невероятным усилием воли заставил себя остаться на месте.

— Ирина, — произнёс он, стараясь придать голосу прежнюю уверенность. — Думаю, осмотр можно закончить.

— Уже? — удивилась она.

— Да. Состояние пациента удовлетворительное. Дополнительные рекомендации я передам позже.

Он поспешно убрал руки в карманы.

Но Амок, похоже, не собирался так просто отпускать старого знакомого.

— Доктор!

Хирург остановился.

Медленно повернулся.

— Что ещё?

Амок улыбнулся.

— А ты хорошо работаешь.

Врач молчал.

— Очень хорошо, — продолжил Амок. — Я до сих пор помню.

Он снова коснулся повреждённого глаза.

— Руки у тебя золотые.

Последние слова прозвучали с такой интонацией, что у меня по спине пробежали мурашки.

Хирург невольно посмотрел на свой перстень.

Затем на Амока.

И поспешно отвёл взгляд.

— Всего доброго, — пробормотал он.

Развернувшись, направился к двери.

Его дорогие ботинки отчётливо застучали по полу.

На этот раз шаги звучали не так уверенно, как при появлении.

Ирина проводила его удивлённым взглядом.

Люба тоже заметила произошедшее, но ничего не сказала.

Когда дверь за хирургом закрылась, я ещё несколько секунд смотрел в ту сторону.

Затем повернулся к Амоку.

Тот сидел совершенно спокойно.

Словно ничего необычного не произошло.

— Слушай, — наконец произнёс я. — А что это сейчас было?

Амок медленно посмотрел на меня.

— Где?

— Не придуривайся. Ты врача знаешь?

Он усмехнулся.

— А ты?

— Я его первый раз вижу.

— Значит, познакомились.

— Очень смешно.

Амок отвернулся.

Я хотел продолжить расспросы, но почему-то передумал.

Было в этом человеке что-то такое, что заставляло держаться от него подальше.

Особенно когда он улыбался.

Я снова посмотрел на дверь.

Странный всё-таки врач.

Вошёл словно хозяин жизни, увешанный золотом, уверенный, что за деньги можно приобрести всё на свете.

А вышел так, будто встретил собственную смерть.

И самое неприятное заключалось в том, что причиной его страха оказался Амок.

Человек, которого я и без того старался обходить стороной.

— Каспер, — негромко позвал я.

— Что?

— Ты видел?

— Видел.

— И что думаешь?

Он некоторое время молчал.

— Думаю, они знакомы.

— Да это и дураку понятно!

— Тогда зачем спрашиваешь?

Я раздражённо вздохнул.

— Иногда мне кажется, что ты специально издеваешься надо мной.

— Иногда тебе не кажется.

Я повернулся к нему.

Каспер лежал совершенно спокойно.

На его лице снова появилось привычное задумчивое выражение.

— Слушай, — произнёс я. — А ведь врач его испугался.

— Похоже на то.

— Причём сильно.

— Страх — любопытная вещь, Кай. Человек может годами убеждать себя, что прошлое осталось позади. Но иногда достаточно одного взгляда, чтобы понять: оно никуда не исчезло.

Я задумался.

В его словах было что-то неприятно знакомое.

Последние дни я только тем и занимался, что пытался разобраться с собственным прошлым.

А оно, словно назло, становилось всё более запутанным.

Вспомнились ночные видения.

Отец.

Мальчик у озера.

Неизвестный убийца.

И книга, страницы которой оживали в лунном свете.

Я медленно повернул голову к тумбочке.

— Каспер…

— Да?

— Мы ведь не закончили разговор.

— Какой именно?

— Про книгу.

Он посмотрел на меня.

— Помню.

— Тогда скажи хотя бы одно. Ты знал, что я увижу написанное?

Каспер долго молчал.

Настолько долго, что я уже решил, будто ответа не последует.

Наконец он произнёс:

— Я знал, что однажды ты начнёшь задавать правильные вопросы.

— И что?

— А теперь тебе предстоит понять, какие из них действительно важны.

Я хотел возмутиться, но неожиданно осёкся.

За окном ярко светило солнце.

В палате продолжалась обычная жизнь. Кто-то переговаривался, кто-то ворочался на кровати, где-то звякнула металлическая кружка.

Всё выглядело совершенно обыденно.

И всё же после утренней встречи хирурга с Амоком я никак не мог избавиться от ощущения, что за привычными лицами окружающих меня людей скрывается нечто гораздо более страшное.

У каждого из них было прошлое.

У каждого — собственная тайна.

И почему-то мне начинало казаться, что все эти тайны рано или поздно окажутся связаны между собой.

Я снова взглянул на Амока.

Он сидел неподвижно, глядя перед собой.

На его лице застыла едва заметная улыбка.

Интересно, что же произошло между ним и этим золотозубым хирургом?

И почему человек, привыкший измерять всё деньгами, так испугался встречи с одним из пациентов?

Ответов у меня не было.

Зато вопросов становилось всё больше.

Я закрыл глаза.

Перед внутренним взором снова возникло лицо отца.

Почему-то именно сейчас мне особенно отчётливо вспомнились его слова о том, что за каждый поступок человеку рано или поздно приходится отвечать.

Я открыл глаза и посмотрел на дверь, за которой исчез хирург.

Похоже, для некоторых это время уже наступило.

Эпизод 18. Стеклянное сердце

Ночь медленно опускалась на тюремную больницу, погружая длинные коридоры и просторные палаты в густой полумрак, который лишь изредка рассеивался тусклым светом дежурных ламп. Отражаясь от облупившихся стен, их желтоватое сияние придавало окружающей обстановке унылый и одновременно зловещий вид, словно само здание, уставшее от бесконечных человеческих страданий, постепенно погружалось в тяжёлый, беспокойный сон.

Лёжа на спине и устремив неподвижный взгляд в потолок, я безуспешно пытался уснуть, однако мысли, одна тревожнее другой, продолжали настойчиво возвращать меня к событиям последних дней.

Вокруг царила относительная тишина, нарушаемая лишь приглушённым кашлем, тяжёлым дыханием спящих пациентов да протяжным скрипом старых металлических кроватей. Где-то в глубине коридора раздавались размеренные шаги охранника, постепенно затихавшие вдали, после чего больница вновь погружалась в привычное ночное безмолвие.

Вспоминая недавний разговор с Каспером, я пытался понять, каким образом обыкновенный на первый взгляд камень мог быть связан с событиями далёкого прошлого и почему пустые страницы загадочной книги, доставшейся мне при столь необычных обстоятельствах, словно ожидали определённого момента, чтобы раскрыть свои тайны.

Чем дольше я размышлял над происходящим, тем сильнее

убеждался, что привычные законы окружающего мира здесь почему-то переставали действовать, уступая место чему-то необъяснимому, скрытому от человеческого понимания.

Повернув голову к окну, я заметил, как из-за медленно проплывавших облаков появилась луна, холодный свет которой, проникая сквозь металлическую решётку, ложился на пол длинными серебристыми полосами и постепенно добирался до моей кровати.

Именно в этот момент моё внимание привлекло едва заметное свечение, исходившее от лежавшего неподалёку лунного камня.

Сначала я не придал этому особого значения, решив, что кристалл всего лишь отражает падающие на него лучи, однако спустя несколько мгновений свечение усилилось, а на противоположной стене появилось небольшое светлое пятно, постепенно приобретавшее всё более необычные очертания.

Приподнявшись на локте, я принялся внимательно наблюдать за происходящим, стараясь не упустить ни малейшей подробности.

Светлое пятно медленно вытягивалось, распадаясь на тонкие полосы, которые, пересекаясь между собой, образовывали причудливые узоры, напоминавшие то ли трещины на стекле, то ли неизвестные письмена, оставленные невидимой рукой.

Вскоре отдельные линии начали складываться в знакомые

очертания, и, осознав, что передо мной постепенно появляются буквы, я невольно задержал дыхание.

Одна за другой они проступали на стене, пока не образовали единственное слово, заставившее меня недоумённо нахмуриться.

ЖОРА.

Несколько секунд я сидел неподвижно, пытаясь осмыслить увиденное, после чего машинально протёр глаза, надеясь, что загадочная надпись исчезнет.

— Что за чертовщина?.. — прошептал я, не отрывая взгляда от стены.

Однако буквы продолжали светиться, причём теперь они казались ещё отчётливее, словно кто-то невидимый вывел их прямо на старой больничной штукатурке.

Переведя взгляд на соседнюю кровать, я заметил Каспера, который сидел, слегка покачиваясь из стороны в сторону, и, казалось, совершенно не обращал внимания на происходящее вокруг.

В полумраке его худощавая фигура напоминала неподвижную тень, оживавшую лишь благодаря монотонным движениям, ставшим для него своеобразной привычкой.

— Каспер, ты спишь? — негромко спросил я, стараясь не разбудить остальных пациентов.

— Уже нет, — спустя несколько секунд отозвался он.

— Тогда посмотри на стену и скажи, что ты там видишь.

Продолжая раскачиваться, Каспер медленно повернул го-

лову, однако, заметив светящуюся надпись, неожиданно замер, словно увиденное заставило его на мгновение забыть о привычных движениях.

Я сразу обратил внимание на эту перемену, поскольку обычно невозмутимый и погружённый в собственные мысли Каспер сейчас смотрел на буквы с таким выражением, будто перед ним появилось нечто давно ожидаемое.

— Ты тоже это видишь? — спросил я, внимательно наблюдая за его реакцией.

— Вижу, — спокойно ответил он, не отрывая взгляда от стены.

— Тогда объясни, что означает эта надпись и почему камень показывает именно имя Жоры.

Каспер некоторое время молчал, после чего медленно опустил глаза и вновь принялся раскачиваться.

— Не всякая надпись требует объяснения, Кай, особенно если человек ещё не готов понять её истинный смысл.

— А кто, по-твоему, должен решать, готов я или нет? — раздражённо спросил я, чувствуя, как терпение постепенно иссякает.

— Иногда знание ничего не меняет, а иногда меняет настолько многое, что человек начинает сожалеть о собственном любопытстве.

— Опять ты говоришь загадками! — прошептал я, стараясь сдержать раздражение. — Неужели нельзя хотя бы раз ответить на простой вопрос?

Каспер не ответил, продолжая монотонно покачиваться, словно наш разговор уже перестал представлять для него интерес.

Некоторое время я пристально смотрел на него, надеясь уловить хотя бы малейшую перемену в выражении лица, однако вскоре понял, что добиться объяснений сегодня не удастся.

Повернувшись к стене, я заметил, что светящиеся буквы начали постепенно бледнеть, словно невидимая сила медленно стирала их одну за другой.

Вскоре от надписи остались лишь едва различимые очертания, растворившиеся в холодном лунном свете, причём последней исчезла буква «А», на мгновение вспыхнувшая ярче остальных.

Я ещё долго сидел на кровати, всматриваясь в пустую стену и пытаясь понять, почему загадочный камень показал именно имя Жоры.

Не находя ответа, я медленно опустился на подушку, однако теперь уснуть казалось ещё труднее, поскольку где-то в глубине сознания зарождалось неприятное предчувствие, постепенно наполнявшее меня необъяснимой тревогой.

Я пока не знал, что означала загадочная надпись, но почему-то был уверен, что ничего хорошего она не предвещала.

Утро встретило меня привычным больничным шумом, состоявшим из скрипа металлических кроватей, сонных голосов пациентов и недовольного ворчания тех, кому пред-

стояло провести ещё один день в стенах этого мрачного учреждения.

Я только успел подняться, когда дверь палаты неожиданно распахнулась, пропуская внутрь Боса, за которым следовала незнакомая медсестра, осторожно придерживавшая металлический поднос с пузырьками лекарств и несколькими шприцами.

Женщина выглядела вполне обыкновенно: худощавая, среднего роста, с аккуратно убранными под белую шапочку волосами и бледным лицом, которое можно было бы назвать даже приятным, если бы не странная неподвижность её взгляда.

— Подъём, болезные! — громогласно объявил Бос, обводя палату довольным взглядом. — Сегодня у нас оздоровительные процедуры, так что готовьтесь принимать витамины!

Жора, уже успевший устроиться на своей кровати, недовольно поморщился и, почесав живот, возмущённо поинтересовался:

— Какие ещё процедуры с самого утра? Лучше скажи, когда завтрак принесут, а то с вечера нормально не кормят!

— Успеешь набить брюхо, — усмехнулся Бос, направляясь к ближайшей кровати. — Сначала здоровье поправим, а потом будешь о еде думать.

Медсестра поставила поднос на тумбочку и, одарив присутствующих приветливой улыбкой, мягко произнесла:

— Ничего страшного, мальчики, это обычные общеукрепляющие инъекции, назначенные всем пациентам, поэтому прошу не волноваться и соблюдать очередь.

Голос у неё был приятный, почти ласковый, однако почему-то совершенно не соответствовал неподвижному выражению лица, словно женщина произносила заранее заученные слова, не испытывая при этом никаких эмоций.

Пациенты один за другим подходили к ней, получали уколы и возвращались на свои места, не проявляя особого интереса к происходящему.

Я же, наблюдая за процедурой, постепенно ощущал нарастающее беспокойство, хотя не мог объяснить себе, чем именно вызвано это странное чувство.

Вроде бы ничего необычного не происходило: обыкновенная медсестра выполняла назначенные врачом процедуры, а пациенты, привыкшие к больничному распорядку, безропотно подчинялись её требованиям.

И всё же что-то настойчиво подсказывало мне держаться от этой женщины подальше.

Внимательно присмотревшись к ней, я не мог избавиться от ощущения, что уже видел её прежде, хотя никак не удавалось вспомнить, при каких обстоятельствах.

Когда очередь дошла до меня, медсестра приветливо улыбнулась и, приготовив шприц, попросила протянуть руку.

Я остался сидеть, не собираясь выполнять её просьбу.

— Не буду, — спокойно ответил я, внимательно наблюдая за выражением её лица.

Женщина слегка наклонила голову, словно пытаясь понять причину моего отказа.

— Почему же, милый? Ведь это всего лишь витамины, которые помогут вам быстрее поправиться.

— Если они настолько полезные, можете принять их сами, — ответил я, не скрывая недоверия.

На мгновение в палате воцарилась тишина, после чего Бос резко повернулся ко мне.

— Ты чего опять начинаешь, Кай? Тебе русским языком сказали, что уколы назначены всем!

— А я русским языком ответил, что делать их не собираюсь.

Бос раздражённо выдохнул и, повернувшись к дальнему концу палаты, громко позвал Шнырёва.

Здоровяк, до этого с ленивым интересом наблюдавший за происходящим, неторопливо поднялся и направился ко мне, разминая массивные пальцы.

— Давай руку, не выделывайся, — произнёс он, остановившись возле кровати.

— Лучше отойди, пока я по-хорошему прошу, — предупредил я, поднимаясь ему навстречу.

Однако Шнырёв, проигнорировав мои слова, попытался схватить меня за плечо, и мне пришлось резким движением отбросить его руку.

Удар последовал почти мгновенно, но, успев уклониться, я ответил коротким движением в корпус, заставив здоровяка отступить.

В следующую секунду кто-то сзади вцепился мне в плечи, и палата наполнилась шумом начавшейся потасовки.

Опрокинулась тумбочка, металлический поднос с оглушительным грохотом ударился о пол, рассыпав шприцы и пузырьки, а несколько пациентов поспешно отскочили в стороны, опасаясь оказаться втянутыми в драку.

Вырвавшись из чужих рук, я оттолкнул одного из нападавших, но тут же получил сильный удар в лицо, от которого перед глазами вспыхнули белые искры.

— Держите его крепче! — приказал Бос, наблюдая за происходящим.

Меня повалили на кровать, и, продолжая сопротивляться, я пытался освободиться, однако несколько человек крепко прижимали меня к матрасу, не позволяя даже пошевелиться.

Медсестра приблизилась со шприцем, и в тот момент, когда наши взгляды встретились, я неожиданно заметил нечто странное.

Женщина совершенно не моргала, а её зрачки, несмотря на яркий свет потолочной лампы, оставались неподвижными, словно принадлежали не живому человеку, а искусно изготовленной кукле.

По спине пробежал холодок, заставивший меня на мгновение забыть о боли и сопротивлении.

Её улыбка медленно расширилась, приобретая почти пугающее выражение.

— Не бойся, милый, — прошептала она, наклоняясь к самому моему лицу. — Скоро всё закончится.

Почувствовав укол, я попытался вырваться, однако руки неожиданно обмякли, а силы начали стремительно покидать тело.

Потолок поплыл перед глазами, лица окружающих вытянулись, превращаясь в бесформенные пятна, и лишь неподвижные глаза медсестры продолжали отчётливо выделяться среди расплывавшихся очертаний.

Затем пространство дрогнуло, по стенам пробежала знакомая рябь, и больничная палата исчезла.

Первым я почувствовал запах сырой земли, смешанный с прелой листвой и едва уловимым ароматом осенней прохлады, после чего услышал тихий шелест деревьев и далёкое карканье ворон.

Открыв глаза, обнаружил, что стою посреди старого кладбища, над которым низко нависало серое небо, словно готовое в любую минуту обрушиться на покосившиеся кресты и потемневшие памятники.

Между ржавыми оградами тянулись узкие дорожки, покрытые влажной опавшей листвой, а высокие деревья, раскачиваясь под порывами ветра, протягивали к земле свои искривлённые ветви, напоминавшие костлявые руки.

Медленно оглядевшись, я понял, что снова оказался в

прошлом, причём на этот раз окружающая обстановка казалась настолько реальной, что я почти ощущал холодную влагу, проникавшую сквозь одежду.

Впереди, между могилами, стояли двое мужчин, и одного из них я узнал сразу, несмотря на заметно изменившуюся внешность.

Передо мной находился отец, которого я с детства помнил строгим, справедливым человеком, никогда не позволявшим себе проявлять слабость даже в самых тяжёлых обстоятельствах.

Однако сейчас он выглядел совершенно иначе: лицо заметно осунулось, под глазами залегли глубокие тени, а в движениях появилась непривычная тяжесть, словно за короткое время он постарел на несколько лет.

Напротив него стоял Жора, нервно переминаясь с ноги на ногу и постоянно оглядываясь по сторонам, будто опасался, что за ближайшими памятниками скрывается кто-то ещё.

— Я же тебе всё рассказал! — раздражённо говорил он, вытирая вспотевший лоб рукавом. — Чего ты ещё от меня хочешь?

— Мне нужна правда, Жора, причём вся, без твоих привычных недомолвок, — спокойно ответил отец.

— Да какую ещё правду? Я ничего не решал, мне сказали — я сделал!

— Тогда начни с того, кто именно отдавал тебе распоряжения.

Жора тяжело вздохнул и, опустив глаза, нехотя произнёс:

— Мажор, кто же ещё… У его отца ночной клуб был, туда всякие собирались, деньги большие крутились, девки красивые, музыка до утра…

— Ближе к делу, — перебил отец, не сводя с него пристального взгляда.

— Мажор любил развлекаться, а Амок ему девчонок приводил, кого тот пальцем покажет, того и тащил.

Отец молчал, позволяя собеседнику продолжить, хотя по напряжённому выражению его лица я понимал, насколько тяжело ему даётся это спокойствие.

— Иногда они перебирали со спиртным, — продолжил Жора, понизив голос. — Бывала и дурь всякая… Случалось, девчонки после таких развлечений уже не просыпались.

— И что происходило потом?

— Меня звали, чтобы следы убрать.

Я почувствовал, как по спине пробежал холод, когда до меня начал доходить истинный смысл сказанного.

Отец медленно сжал кулаки, однако голос его остался ровным.

— Ты хочешь сказать, что занимался захоронением погибших девушек?

— Да не убивал я никого! — торопливо возразил Жора, испуганно оглядываясь. — Я только следы заметал, мне за это деньги платили!

— Где ты их хоронил?

Жора обвёл взглядом окружающие могилы, после чего неуверенно пожал плечами.

— Да здесь… В разных местах, где никто искать не станет.

Некоторое время отец неподвижно смотрел на него, словно пытаясь решить, стоит ли продолжать разговор, затем неожиданно спросил:

— А мальчик, которого видел Амок, какое отношение имел ко всему этому?

Жора заметно вздрогнул, и я сразу понял, что отец затронул именно ту тему, которой его собеседник больше всего опасался.

— Какой ещё мальчик? — пробормотал он, пытаясь изобразить недоумение.

— Не заставляй меня повторять вопрос, — произнёс отец, медленно приближаясь.

Жора попятился и, нервно сглотнув, наконец признался:

— Ну видел один пацан кое-что… Случайно получилось, никто ведь не знал, что он там окажется.

— Что именно он видел?

— Мы с Амоком девчонку из клуба выносили, к машине тащили, а этот пацан возле забора оказался.

— И что произошло дальше?

— Амок его заметил, но пацан успел убежать.

Отец приблизился ещё на шаг, заставив Жору отступить к старой могильной ограде.

— А потом?

— Потом Амок говорил, что снова его встретил, — нехотя ответил тот, избегая взгляда собеседника.

— Где именно?

— Возле озера.

У меня перехватило дыхание, поскольку это единственное слово мгновенно воскресило в памяти события того страшного дня, который навсегда изменил нашу семью.

Перед глазами возникло залитое солнцем озеро, блестевшая между деревьями вода и Ваня в своей жёлтой ветровке, беззаботно бегавший неподалёку.

Я вспомнил незнакомца, его страшный взгляд и тот ужас, который испытал, осознав, что младшему брату угрожает смертельная опасность.

— Что Амок сделал с мальчиком? — тихо спросил отец, и в его голосе впервые прозвучала плохо скрываемая дрожь.

Жора молчал, упорно глядя себе под ноги.

— Я спрашиваю, что он сделал с моим сыном! — повысил голос отец, теряя остатки самообладания.

Жора резко поднял голову, и выражение его лица мгновенно изменилось.

— Так это твой?.. — начал он, но, осознав собственную ошибку, испуганно осёкся.

Отец медленно достал пистолет Макарова, и, увидев оружие, Жора затряс головой, поспешно выставив перед собой руки.

— Послушай, начальник, я здесь вообще ни при чём! Это

всё Мажор с Амоком устроили, а я только выполнял распоряжения!

Отец продолжал смотреть на него, не произнося ни слова, и в этой тишине было нечто гораздо более страшное, чем в самом громком крике.

— Я ведь никого не трогал! — продолжал Жора, пятясь к ограде. — Ты должен понять, мне просто нужны были деньги, а они…

Закончить он не успел.

Раздавшийся выстрел оглушительным эхом прокатился между могильными памятниками, заставив меня невольно вздрогнуть.

Жора резко дёрнулся и, потеряв равновесие, рухнул возле старой ограды, после чего несколько ворон с шумом сорвались с ближайшего дерева, растворяясь среди серых облаков.

Отец остался стоять неподвижно, медленно опустив руку с пистолетом.

Я смотрел на него, не в силах произнести ни слова, поскольку передо мной находился человек, которого с детства считал воплощением справедливости и честности.

Он учил меня никогда не обижать слабых, не лгать и отвечать за собственные поступки, а теперь, стоя среди могил, только что совершил убийство.

Однако сильнее всего меня потрясло выражение его лица, в котором не было ни торжества, ни облегчения, ни даже удовлетворения от свершившейся мести.

Лишь бесконечная усталость, словно вместе с жизнью Жоры из него самого исчезла ещё одна частица чего-то человеческого.

Мне вдруг захотелось подойти к нему, обнять и сказать, что всё уже закончилось, хотя где-то в глубине души я прекрасно понимал, насколько далёк он был от завершения своего страшного пути.

Именно в этот момент позади отца что-то зашевелилось, заставив меня перевести взгляд на тёмные деревья.

Из густой тени медленно выступила высокая фигура, очертания которой поначалу напоминали человеческие, однако при ближайшем рассмотрении становились всё более противоестественными.

Её тело словно состояло из плотного тумана, внутри которого непрерывно двигались тёмные полосы, а лицо менялось, не успевая принять окончательную форму.

Я узнал двоедушника, сопровождавшего моего отца.

Сущность медленно приблизилась к нему, причём с каждым шагом её движения становились увереннее, а очертания приобретали всё большую плотность, словно невидимая сила постепенно наполняла её изнутри.

Отец тяжело вздохнул, не проявляя ни малейшего удивления при виде этого существа.

— Ещё один, — глухо произнёс он, бросив короткий взгляд на неподвижного Жору.

— Ты получил то, что хотел, — ответил двоедушник голо-

сом, в котором теперь отчётливее проступали человеческие интонации.

— Не всё, поскольку остальные ещё не ответили за содеянное.

— Значит, нам придётся продолжить поиски, — спокойно произнесла сущность, приближаясь ещё на шаг.

Отец внимательно посмотрел на неё, словно впервые заметив произошедшие изменения.

— Ты становишься сильнее, и теперь это уже невозможно не замечать.

— Зато ты с каждым разом становишься слабее, — ответил двоедушник, слегка склонив голову.

— Я прекрасно это понимаю, — устало произнёс отец.

— Тогда почему продолжаешь? Ведь ты ещё можешь остановиться.

Отец медленно повернулся к неподвижному Жоре, после чего вновь посмотрел на существо.

— Скажи мне только одно: ты способен вернуть моего сына?

Двоедушник некоторое время молчал, словно подбирая подходящий ответ, однако так ничего и не произнёс.

— Вот поэтому больше не предлагай мне останавливаться, — тихо сказал отец.

Наблюдая за их разговором, я постепенно начинал понимать, какую страшную роль играла эта сущность в судьбе нашей семьи.

Она помогала отцу находить людей, причастных к предполагаемой гибели Вани, указывала путь и раскрывала тайны, которые обычное расследование, возможно, никогда не позволило бы обнаружить.

Но за каждую полученную подсказку, за каждое совершённое убийство отец расплачивался собственными жизненными силами, постепенно отдавая их существу, чья истинная природа оставалась для меня загадкой.

Самым страшным было то, что отец, судя по всему, прекрасно понимал происходящее, однако не собирался отказываться от помощи двоедушника даже ценой собственной жизни.

Несколько секунд они стояли друг напротив друга, после чего отец направился к припаркованному неподалёку автомобилю.

Открыв багажник, он достал свёрнутый кожаный плащ, который я сразу узнал по характерному покрою и потёртой поверхности.

Когда-то этот плащ принадлежал маньяку, затем оказался у бродяги, получившего его за молчание, а позднее был изъят отцом в качестве вещественного доказательства.

Вернувшись к двоедушнику, отец протянул ему плащ.

— Надень его, пока кто-нибудь посторонний не заметил твоих изменений.

Существо неподвижно смотрело на предложенную вещь, словно пытаясь понять её назначение.

— Зачем мне человеческая одежда? — спросило оно, не торопясь принимать плащ.

— Потому что ты становишься слишком заметным, а мне совершенно не нужно, чтобы кто-нибудь увидел тебя в таком виде.

Двоедушник медленно протянул руку, и его длинные пальцы сомкнулись на старой коже, которая на мгновение едва заметно шевельнулась, словно почувствовав прикосновение нечеловеческой сущности.

Накинув плащ на плечи, существо расправило его складки, после чего подняло высокий воротник, скрывая постоянно меняющиеся очертания своего лица.

Теперь перед отцом стоял высокий человек в тёмном кожаном плаще, и лишь внимательный наблюдатель мог бы заметить, что под привычной человеческой одеждой скрывается нечто совершенно чуждое этому миру.

— Теперь я достаточно похож на человека? — спросил двоедушник, слегка повернув голову.

Отец устало кивнул, после чего убрал пистолет и направился к автомобилю.

— Пойдём, нам ещё есть кого искать.

Однако существо не последовало за ним сразу, а осталось стоять среди могил, словно прислушиваясь к чему-то недоступному человеческому слуху.

Медленно, почти неестественно повернув голову, двоедушник посмотрел прямо на меня, и от этого взгляда по все-

му телу пробежал ледяной холод.

Я замер, осознав, что его внимание направлено не сквозь меня и не куда-то в сторону, а непосредственно на то место, где я находился.

На мгновение мне показалось, что под поднятым воротником плаща проступила едва заметная улыбка.

Машинально сделав шаг назад, я почувствовал, как сердце забилось быстрее.

— Ты действительно меня видишь? — прошептал я, не рассчитывая получить ответ.

Существо ничего не произнесло, однако его голова слегка наклонилась, словно оно внимательно прислушивалось к моему голосу.

Я не мог понять, каким образом происходящее вообще возможно, ведь всё вокруг представлялось мне событиями далёкого прошлого, в котором я должен был оставаться лишь незримым наблюдателем.

Но прежде чем успел осмыслить увиденное, кладбище неожиданно дрогнуло, и по надгробиям побежала знакомая рябь.

Деревья вытянулись, словно отражения в кривом зеркале, окружающие предметы начали терять привычные очертания, а серое небо постепенно растворилось в бесформенной пелене.

Через мгновение всё исчезло.

Придя в сознание, я обнаружил над собой знакомый боль-

ничный потолок, освещённый ярким дневным светом, проникавшим сквозь зарешечённые окна.

Голова раскалывалась от боли, скулу неприятно тянуло, а во рту ощущался металлический привкус, напоминавший о недавней потасовке.

Попытавшись приподняться, я невольно поморщился, почувствовав, как неприятная тяжесть разливается по всему телу.

— Наконец-то очнулся, — раздался знакомый голос Каспера, сидевшего на соседней кровати и привычно раскачивавшегося из стороны в сторону.

— Сколько времени я провалялся без сознания? — спросил я, осторожно касаясь ушибленной скулы.

— Несколько часов, хотя тебе, вероятно, показалось, что прошло гораздо больше.

Проведя ладонью по лицу, я попытался собраться с мыслями, однако перед глазами всё ещё стояли кладбище, неподвижный Жора и двоедушник в кожаном плаще.

— Я снова видел отца, — произнёс я, внимательно наблюдая за реакцией Каспера.

Тот перестал раскачиваться и медленно поднял голову.

— И что же на этот раз тебе удалось увидеть?

— Кладбище, Жору и моего отца, который застрелил его прямо возле могилы.

Каспер молчал, словно услышанное совершенно его не удивило.

— Ты понимаешь, о ком я говорю? — продолжил я, чувствуя нарастающее раздражение. — О том самом Жоре, чьё имя прошлой ночью появилось на стене!

— Я прекрасно тебя слышу, Кай, — спокойно ответил он.

— Тогда объясни, почему тебя совершенно не удивляет происходящее!

Каспер некоторое время смотрел на меня, после чего негромко произнёс:

— А ты уверен, что действительно видел прошлое?

Я недоумённо нахмурился.

— А что же ещё я мог видеть, если передо мной находился мой отец, причём гораздо моложе, чем я помню его в последние годы?

— Иногда человеку показывают не само событие, а лишь определённую его версию, которую он принимает за единственно возможную.

— Кто показывает? — резко спросил я, наклоняясь к нему.

Каспер опустил глаза.

— Это гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Я раздражённо выдохнул, понимая, что вновь столкнулся с привычным нежеланием собеседника давать прямые ответы.

— Неужели ты хотя бы раз не можешь объяснить всё человеческим языком?

— Наблюдение способно изменить результат, Кай, однако

иногда меняется не само событие, а только наше представление о нём.

Некоторое время я молчал, пытаясь уловить смысл сказанного, после чего вспомнил ещё одну подробность, не дававшую мне покоя.

— Там было кое-что ещё, и именно это пугает меня больше всего.

Каспер поднял голову.

— Что именно ты имеешь в виду?

— Существо в кожаном плаще, которое сопровождало моего отца, неожиданно повернулось и посмотрело прямо на меня.

Каспер замер, внимательно всматриваясь в моё лицо.

— Ты уверен, что оно смотрело именно на тебя?

— Абсолютно уверен, потому что его взгляд следовал за мной, словно оно прекрасно знало о моём присутствии.

Некоторое время Каспер молчал, после чего вновь начал раскачиваться, едва заметно улыбнувшись каким-то собственным мыслям.

— Любопытно, что ты сумел это заметить.

— Что именно здесь любопытного? — раздражённо спросил я.

— Возможно, гораздо больше, чем ты способен сейчас представить.

Поняв, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут, я отвернулся к окну, хотя тревожное ощущение, оставшееся

после видения, продолжало настойчиво напоминать о себе.

К вечеру больница постепенно вернулась к привычному распорядку, и дневная суматоха сменилась разговорами пациентов, грубоватыми шутками и бесконечными жалобами на качество больничного питания.

Жора, казалось, совершенно забыл об утренних уколах, поскольку его мысли, как обычно, были заняты исключительно едой.

Устроившись на кровати и разглядывая остатки ужина, он недовольно ворчал, возмущаясь скудностью порций и отсутствием чего-нибудь более сытного.

— Опять этой бурдой кормят! — заявил он, отодвигая тарелку. — Разве это нормальная пища для взрослого человека?

— Тебе сколько ни дай, всё равно мало будет, — заметил кто-то с соседней койки.

— Организм требует полноценного питания, а не ваших жалких подачек! — важно ответил Жора, поглаживая округлившийся живот.

Наблюдая за ним, я невольно вспоминал человека, падающего возле старой могильной ограды после выстрела моего отца.

Передо мной находился тот же Жора, с тем же голосом и привычной манерой говорить, однако теперь он был жив, словно увиденное на кладбище не имело никакого отношения к настоящему.

Переведя взгляд на окно, за которым постепенно сгущались вечерние сумерки, я вновь вспомнил светящуюся надпись, появившуюся прошлой ночью.

Почему лунный камень показал именно его имя и каким образом это было связано с событиями далёкого прошлого?

Размышляя над этим, я не заметил, как в дальнем конце палаты появилась утренняя медсестра, спокойно проходившая между кроватями и проверявшая назначения пациентов.

Остановившись возле Жоры, она приветливо улыбнулась.

— Как ваше самочувствие сегодня?

— Есть хочу, — недовольно буркнул он, даже не потрудившись поднять голову.

— Ночью лучше не переедать, — мягко заметила женщина, поправляя лежавшее на тумбочке полотенце.

— Да знаю я, только от ваших советов сытнее не становится!

Медсестра улыбнулась ещё шире, после чего направилась к выходу, однако у самой двери неожиданно повернула голову.

Наши взгляды встретились.

Её глаза по-прежнему оставались неподвижными, а приветливая улыбка, не соответствовавшая холодному выражению лица, вызвала у меня неприятное ощущение.

Я невольно поёжился, проводив женщину взглядом, и ещё долго не мог избавиться от мысли, что за её обыкновенной

внешностью скрывается нечто совершенно чуждое человеческой природе.

Жора

Проснулся я среди ночи от такого сильного голода, словно с самого утра не съел ни крошки, хотя прекрасно помнил, как ещё вечером доедал всё, что удалось раздобыть после ужина.

Некоторое время лежал неподвижно, прислушиваясь к тяжёлому дыханию соседей и пытаясь убедить себя, что до завтрака осталось не так уж много времени.

Однако желудок настойчиво требовал пищи, и, окончательно потеряв надежду уснуть, я осторожно спустил ноги с кровати.

В палате царила тишина, нарушаемая лишь негромким храпом и редким поскрипыванием металлических кроватей, поэтому я решил воспользоваться случаем и заглянуть в холодильник.

Вспомнив о большой стеклянной банке с солёными огурцами и помидорами, которую заметил ещё накануне, невольно облизнулся, предвкушая приятный вкус холодных овощей.

Осторожно приблизившись к холодильнику, я приоткрыл дверцу и, обнаружив банку на нижней полке, довольно усмехнулся.

— Вот теперь совсем другое дело, — пробормотал я, стараясь не разбудить остальных.

Достав банку, отвинтил крышку и сразу почувствовал знакомый аромат укропа, чеснока и пряного рассола, от которого аппетит разыгрался ещё сильнее.

Первый огурец оказался настолько крепким и хрустящим, что я невольно прикрыл глаза от удовольствия, наслаждаясь его солоноватым вкусом.

Не успев толком прожевать, отправил в рот помидор, затем ещё один, после чего вновь потянулся за огурцами, совершенно забыв о необходимости соблюдать осторожность.

Продолжая жадно есть, я почти не обращал внимания на происходящее вокруг, поскольку все мысли были заняты исключительно приятным ощущением наполненного желудка.

Наконец, почувствовав тяжесть в животе, поставил банку обратно и, довольно вытерев рот ладонью, собрался вернуться в постель.

Однако едва успел сделать несколько шагов, как внутри неожиданно возникла неприятная резь, заставившая меня остановиться.

Сначала боль показалась незначительной, поэтому я решил, что просто переел солёного, но спустя несколько мгновений живот скрутило настолько сильно, что пришлось согнуться пополам.

— Вот зараза, что же это такое?.. — простонал я, прижимая ладонь к животу.

Внутри словно перекатывались острые камни, причиняя мучительную боль при каждом движении, и, поняв, что оста-

ваться в палате больше невозможно, я поспешил в туалет.

Добравшись до умывальника, включил холодную воду и несколько раз плеснул себе в лицо, надеясь хоть немного прийти в себя.

Однако облегчения не наступило, а холодный пот, выступивший на лбу, лишь усиливал ощущение надвигающейся беды.

Подняв голову, я неожиданно заметил в зеркале женщину, стоявшую у меня за спиной.

Это была та самая медсестра, которая утром делала нам уколы.

Я даже не услышал, как она вошла, хотя дверь находилась всего в нескольких шагах.

— Вам плохо? — участливо спросила женщина, медленно приближаясь.

— Живот… — простонал я, с трудом выпрямляясь. — Что-то с животом, будто внутри всё режет…

Медсестра внимательно посмотрела на меня и, положив ладонь на плечо, произнесла:

— Я вижу, что вам нездоровится, но не волнуйтесь, поскольку знаю, как облегчить ваши страдания.

От прикосновения её пальцев я невольно вздрогнул, настолько холодной оказалась рука.

— У вас руки совсем ледяные, — пробормотал я, пытаясь отстраниться.

— Это не имеет значения, милый, ведь сейчас гораздо

важнее то, что происходит с вами.

Наклонившись ближе, она заговорщически понизила голос.

— Вам необходимо кое-что гораздо более действенное, чем обыкновенное лекарство.

Я с надеждой посмотрел на неё.

— И что же это такое?

Женщина улыбнулась, словно собиралась сообщить мне приятную новость.

— Вам необходимо новое сердце, и я готова отдать вам своё.

Несколько секунд я смотрел на неё, не понимая услышанного, после чего попытался рассмеяться, решив, что медсестра обладает весьма своеобразным чувством юмора.

Однако очередной приступ боли заставил меня согнуться, и смех так и не вырвался из горла.

— Вы ведь шутите, правда? — спросил я, с трудом переводя дыхание.

— Разве сейчас подходящее время для шуток? — спокойно ответила она, медленно расстёгивая верхние пуговицы белого халата.

Подняв голову, я почувствовал, как всё внутри похолодело, поскольку увиденное совершенно не укладывалось в привычные представления о человеческом теле.

Кожа на груди женщины начала медленно расходиться, словно невидимые пальцы осторожно раздвигали края плот-

ной ткани, открывая нечто скрытое глубоко внутри.

Я хотел закричать, однако от ужаса голос словно застрял в горле.

Из раскрывшейся груди донёсся глухой, размеренный стук, напоминавший удары небольшого механизма.

Медсестра совершенно спокойно опустила руку внутрь собственного тела, не проявляя ни малейших признаков боли или страха.

Её пальцы исчезли в темноте, после чего она медленно извлекла сердце, продолжавшее сокращаться на раскрытой ладони.

Я попятился, пока не упёрся спиной в холодную стену, не в силах отвести взгляд от невероятного зрелища.

Сердце выглядело настоящим, и каждый его удар сопровождался едва заметным движением пальцев женщины, державшей его перед собой.

— Господи, что же вы такое?.. — прошептал я, чувствуя, как дрожат колени.

— Не бойтесь, милый, ведь я искренне хочу вам помочь, — ласково произнесла медсестра, приближаясь ещё на шаг.

— Уберите это от меня! — попытался крикнуть я, однако голос прозвучал жалко и беспомощно.

Женщина слегка наклонила голову, внимательно наблюдая за моим лицом.

— Вы ведь хотите избавиться от боли и продолжить жить, не так ли?

Я судорожно кивнул, поскольку очередной приступ рези лишил меня возможности говорить.

— Тогда вам придётся довериться мне и съесть то, что я предлагаю.

Услышав эти слова, я попытался обойти женщину, однако ноги неожиданно перестали слушаться, словно кто-то невидимый удерживал меня на месте.

Боль усилилась настолько, что перед глазами потемнело, и я, не удержавшись, опустился на колени.

— Помогите мне, пожалуйста, — простонал я, едва различая её лицо сквозь выступившие слёзы.

Медсестра присела рядом и, продолжая улыбаться, поднесла сердце к самому моему лицу.

Я ощущал исходившее от него тепло и слышал размеренные удары, которые почему-то постепенно начали казаться успокаивающими.

Не знаю, что именно произошло в следующую секунду, но охвативший меня ужас неожиданно стал отступать, уступая место совершенно иному чувству.

Меня вновь охватил голод, настолько сильный и мучительный, что все остальные ощущения постепенно потеряли значение.

Сердце, которое ещё мгновение назад вызывало отвращение, теперь казалось удивительно аппетитным, словно именно оно могло утолить мучившую меня ненасытность.

Протянув дрожащие руки, я осторожно взял его, почув-

ствовав под пальцами мягкую, тёплую поверхность, продолжавшую ритмично сокращаться.

Закрыв глаза, я откусил небольшой кусок, надеясь, что вслед за этим наконец наступит долгожданное облегчение.

Однако вместо ожидаемой мягкости почувствовал странную упругость, после чего раздался резкий хруст, заставивший меня испуганно открыть глаза.

На поверхности сердца появилась тонкая прозрачная трещина, которая, постепенно расширяясь, начала расходиться в разные стороны.

Я судорожно сглотнул, не понимая, что происходит, но в следующую секунду хруст повторился, став значительно громче.

Посмотрев на предмет в своих руках, я с ужасом обнаружил, что живая ткань постепенно теряет привычный цвет, превращаясь в прозрачную, покрытую множеством острых граней поверхность.

Сердце медленно становилось стеклянным, однако продолжало сокращаться, словно заключённая внутри него жизнь отказывалась подчиняться происходившему превращению.

— Что это такое?.. — прохрипел я, чувствуя, как ужас вновь охватывает сознание.

Медсестра улыбнулась, не проявляя ни малейшего удивления.

— Ваше спасение, милый, ведь вы сами так сильно хотели

избавиться от страданий.

Я попытался выплюнуть то, что оказалось во рту, однако острые осколки уже причиняли мучительную боль, заставляя меня судорожно кашлять.

Схватившись за горло, я почувствовал, словно внутри рассыпали целую горсть битого стекла, которое при каждом движении впивалось всё глубже.

Перед глазами всё расплывалось, а дыхание становилось прерывистым и тяжёлым.

С трудом подняв голову, я посмотрел на женщину, продолжавшую спокойно стоять передо мной.

— За что вы со мной так?.. — едва слышно прошептал я.

Она медленно выпрямилась и, поправив белый халат, ответила всё тем же ласковым голосом:

— За вашу ненасытность, милый, которая однажды должна была привести вас к подобному концу.

Именно в этот момент за её спиной что-то зашевелилось, заставив меня перевести взгляд в тёмную часть помещения.

Из полумрака выступила высокая мужская фигура, очертания которой казались странно неустойчивыми, словно незнакомец находился одновременно здесь и где-то далеко.

Его лицо то приобретало отчётливые черты, то вновь расплывалось, а движения выглядели тяжёлыми, будто каждое из них требовало значительных усилий.

Приблизившись, мужчина внимательно посмотрел на меня и усмехнулся.

— Ну что, обжора, понравилось угощение? — спросил он с такой насмешкой, что я почувствовал новый приступ ужаса.

Я попытался ответить, но вместо слов из горла вырвался лишь слабый хрип.

Незнакомец повернулся к медсестре.

— Долго ещё придётся возиться с этим ненасытным существом?

— Почти всё закончено, — спокойно ответила она, внимательно наблюдая за мной.

Мужчина тяжело выдохнул и, словно прислушиваясь к собственным ощущениям, медленно расправил плечи.

— Слабоват я пока для подобных развлечений, хотя должен признать, что постепенно начинаю приходить в себя.

— Не беспокойтесь, с каждым разом вам будет становиться легче, — заверила медсестра.

Незнакомец вновь посмотрел на меня и, слегка усмехнувшись, произнёс:

— Слышал, обжора? Даже мне обещают скорое выздоровление, а ты, похоже, уже своего дождался.

Я хотел закричать, позвать на помощь, но силы окончательно покинули меня, и, не удержавшись на коленях, я медленно осел на холодный пол.

В руках по-прежнему находилось прозрачное стеклянное сердце, внутри которого ещё сохранялось едва заметное движение.

Оно сократилось в последний раз, после чего замерло, оставив меня наедине с наступавшей темнотой.

Кай

В шесть часов утра палату разбудила привычная команда охранника, громким голосом потребовавшего немедленно подниматься с кроватей.

Открыв глаза, я некоторое время лежал неподвижно, прислушиваясь к окружающим звукам и пытаясь избавиться от тяжёлого ощущения, оставшегося после беспокойной ночи.

За окнами едва начинало светать, и холодный утренний свет постепенно проникал сквозь металлическую решётку, придавая палате унылый сероватый оттенок.

Повернув голову, я заметил Каспера, сидевшего на соседней кровати и привычно раскачивавшегося из стороны в сторону.

В его ладони перекатывались маленькие металлические предметы, которые при ближайшем рассмотрении оказались пулями.

Каспер перебирал их одну за другой, словно пересчитывал, причём делал это с такой сосредоточенностью, будто каждая из них имела для него особое значение.

— Ты чего опять не спишь? — спросил я, осторожно приподнимаясь на локте.

Он не ответил, продолжая рассматривать металлические предметы.

— Снова свои железки пересчитываешь? — повторил я,

надеясь привлечь его внимание.

Однако прежде чем Каспер успел что-либо произнести, в коридоре раздались встревоженные голоса, после чего послышался громкий крик.

Через несколько мгновений дверь палаты распахнулась, пропуская внутрь Боса, лицо которого выглядело непривычно серьёзным.

— Жора умер, — объявил он, обводя взглядом присутствующих.

Несколько пациентов одновременно подняли головы, недоверчиво переглядываясь между собой.

— Как это умер? — спросил кто-то из дальнего конца палаты.

— В туалете нашли, причём, судя по всему, случилось это ещё ночью, — мрачно ответил Бос.

Я медленно сел, почувствовав, как неприятный холодок пробежал по спине.

Перед глазами мгновенно возникла светящаяся надпись, появившаяся прошлой ночью на стене.

ЖОРА.

Вспомнив загадочный лунный камень, кладбище и разговор с Каспером, я неожиданно осознал, что происходящее не может быть простым совпадением.

— Это Атаман, — произнёс я, сам удивившись уверенности собственного голоса.

Бос резко повернулся ко мне.

— Чего ты там опять несёшь?

— Жору убил Атаман, и я почти уверен, что именно его имя камень показал мне прошлой ночью.

Бос раздражённо выдохнул и, скрестив руки на груди, посмотрел на меня с нескрываемым недовольством.

— Ты опять за своё, Кай? Всю ночь на койке провалялся, а теперь рассказываешь, будто знаешь, кто кого убил!

Я замолчал, понимая, что доказательств у меня действительно нет, однако внутреннее убеждение становилось лишь сильнее.

— Можешь мне не верить, но я знаю, что это связано с Атаманом, — повторил я, стараясь говорить спокойнее.

Бос раздражённо махнул рукой.

— Да заткнись ты уже со своим Атаманом, пока я окончательно не потерял терпение!

В этот момент у входа появился бродяга, выглядевший настолько испуганным, что даже самые разговорчивые пациенты невольно замолчали.

Его губы дрожали, глаза беспокойно перебегали с одного лица на другое, а пальцы судорожно сжимали край старой больничной рубахи.

— Я… кажется, видел кое-что ночью, — пробормотал он, с трудом подбирая слова.

Все повернулись к нему.

— Что именно ты видел? — резко спросил Бос, приближаясь к старику.

Бродяга нервно сглотнул и, опустив глаза, продолжил:

— Там, в туалете, Жора был не один… Я видел женщину, а рядом с ней стоял ещё кто-то.

Я почувствовал, как сердце забилось быстрее, и поспешно поднялся с кровати.

— Кто именно находился рядом с ней? Ты сумел разглядеть его лицо?

Старик схватился за голову, словно пытаясь удержать ускользавшее воспоминание.

— Я ведь видел его, совершенно точно видел, но теперь никак не могу вспомнить, как он выглядел!

— Постарайся вспомнить хотя бы что-нибудь, — настойчиво попросил я, приближаясь к нему.

Бродяга зажмурился, однако спустя несколько секунд беспомощно покачал головой.

— Помню, как он двигался, помню его голос, даже усмешку эту проклятую помню, а вот лицо словно кто-то стёр из головы.

По его щекам медленно потекли слёзы, и я понял, что старик действительно напуган происходящим, а не пытается скрыть правду.

Некоторое время я смотрел на него, чувствуя, как внутри нарастает тревога, после чего медленно повернулся к Каспе-ру.

Тот по-прежнему сидел на кровати, слегка раскачиваясь и перебирая пули, словно разговор о смерти Жоры совершен-

но его не касался.

Однако я заметил, что одну из них он задержал между пальцами несколько дольше остальных, внимательно рассматривая её поверхность.

— Каспер, — негромко позвал я, стараясь привлечь его внимание.

Он поднял глаза.

— Что ты хотел спросить?

— Ты ведь знаешь, кто на самом деле убил Жору, не так ли?

Каспер некоторое время смотрел на металлический предмет в своей руке, после чего медленно сжал кулак.

— Иногда, Кай, ответ находится гораздо ближе, чем нам кажется, но человек продолжает искать его где угодно, только не там, где следовало бы.

Я хотел потребовать более понятного объяснения, однако в этот момент дверь палаты вновь открылась.

На пороге появилась та самая медсестра, которая накануне делала нам уколы.

Держа в руках медицинский журнал, она спокойно вошла внутрь, словно ничего необычного за прошедшую ночь не произошло.

— Доброе утро, мальчики, — приветливо произнесла женщина, обводя палату внимательным взглядом. — Надеюсь, сегодня все чувствуют себя значительно лучше?

Я почувствовал, как похолодели руки, поскольку её по-

явление неожиданно заставило вспомнить странную неподвижность взгляда и ту пугающую улыбку, которую видел перед потерей сознания.

Женщина посмотрела прямо на меня, и на её лице вновь появилось то самое ласковое выражение, совершенно не соответствовавшее холодному взгляду.

Каспер неожиданно перестал раскачиваться, а в палате на несколько мгновений воцарилась странная тишина, словно все присутствующие одновременно почувствовали нечто тревожное.

И именно тогда где-то глубоко внутри моего сознания раздался едва слышный, насмешливый голос, который я узнал бы среди тысячи других.

— Ну здравствуй, братец… Неужели успел соскучиться?

Я замер, чувствуя, как по телу пробежала знакомая дрожь, а перед глазами на мгновение возникло лицо того, кого я надеялся больше никогда не встретить.

Атаман возвращался, и теперь я понимал, что его появление не предвещает ничего хорошего.

Эпизод 19. Чужое отражение

Смерть Жоры не выходила у меня из головы.

Ещё вчера этот грузный, вечно голодный человек сидел на своей койке, с жадностью поглощая всё, что попадалось ему под руку, а сегодня от него остались лишь смутные воспоминания, пропитанные неприятным ощущением чего-то

необъяснимого и противоестественного.

Я никак не мог избавиться от мысли, что происходящее в нашей больнице подчиняется определённому порядку, тщательно скрываемому от тех, кому отведена роль безмолвных участников чужой, жестокой игры.

Сначала странное слово, возникшее на стене под воздействием лунного камня. Затем видение, в котором мой отец стреляет в Жору. И наконец, его смерть, наступившая в ту же ночь.

Слишком много совпадений, чтобы продолжать считать их случайностью.

Однако больше всего меня беспокоило другое.

Атаман вернулся.

Я вновь слышал его голос, ощущал его присутствие где-то в глубине собственного сознания и с каждым часом всё отчётливее понимал, что невидимая граница, прежде отделявшая нас друг от друга, постепенно истончается.

Каспер сидел на соседней койке, поджав ноги и слегка раскачиваясь из стороны в сторону. На его коленях лежала раскрытая книга, однако взгляд, обычно сосредоточенный на строчках, теперь был направлен куда-то поверх страниц.

— Каспер, — обратился я к нему, не выдержав затянувшегося молчания. — Мне нужно с тобой поговорить.

Он медленно поднял голову.

— Ты уже разговариваешь со мной, Кай.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Отложив книгу, Каспер поправил рукав и посмотрел на меня с тем невозмутимым выражением лица, которое временами раздражало меня сильнее откровенного издевательства.

— Я снова слышал Атамана.

Каспер перестал раскачиваться.

— Когда?

— Сегодня утром. После того как стало известно о смерти Жоры.

— Что он сказал?

Я помедлил, вспоминая знакомый насмешливый голос, прозвучавший в моей голове так отчётливо, словно его обладатель стоял непосредственно за моей спиной.

— Поздоровался. Спросил, не успел ли я по нему соскучиться.

— Любопытно.

— Что здесь любопытного? Этот мерзавец снова лезет мне в голову, а ты рассуждаешь так, будто я рассказал тебе о погоде.

Каспер некоторое время молчал, разглядывая мои руки.

— Ты помнишь наш разговор о полушариях головного мозга?

— Помню. Атаман тоже любит об этом рассуждать.

— Тогда тебе должно быть известно, что человеческий мозг состоит из двух больших полушарий, связанных между

собой множеством нервных волокон. Самое крупное соединение называется мозолистым телом. Через него происходит обмен информацией, необходимый для согласованной работы различных отделов мозга.

— И что из этого следует?

— То, что некоторые процессы могут протекать без участия сознательного контроля. Человек способен совершить движение раньше, чем полностью осознает намерение его совершить. Более того, существуют неврологические нарушения, при которых собственная конечность воспринимается как нечто чужое.

Я невольно посмотрел на свою правую руку.

— Хочешь сказать, что Атаман — это болезнь?

— Нет. Я говорю лишь о том, что мозг устроен значительно сложнее, чем принято думать. Но существование двух полушарий само по себе не означает существования двух самостоятельных личностей. Наука такого вывода не делает.

— А если одна из этих личностей действительно существует?

Каспер чуть наклонил голову.

— Тогда нам придётся признать, что имеющихся научных объяснений недостаточно.

Я задумался, пытаясь сопоставить его слова с тем, что пережил за последнее время.

— Скажи мне одну вещь. Если Атаман действительно часть меня, почему я не помню того, что делает он?

Каспер провёл пальцем по корешку книги.

— Память не похожа на шкаф, в котором аккуратно разложены воспоминания. Это сложный процесс, зависящий от внимания, эмоционального состояния, работы различных областей мозга и способности извлекать ранее сохранённую информацию. Иногда сведения существуют, но сознание не может получить к ним доступ.

— То есть он может помнить то, чего не помню я?

— В определённых состояниях человек действительно способен иметь неодинаковый доступ к воспоминаниям. Но твой случай, Кай, не стоит объяснять только нейрофизиологией.

— Почему?

— Потому что ты описываешь не просто провалы памяти. Ты говоришь о существе, которое обладает собственными намерениями и способно вступать с тобой в разговор.

Я хотел возразить, однако неожиданно почувствовал, как пальцы правой руки сами собой сжались в кулак.

Движение оказалось настолько резким и неожиданным, что я вздрогнул, уставившись на собственную ладонь.

Я совершенно точно не собирался этого делать.

Попытавшись разжать пальцы, я обнаружил, что они словно сопротивляются моему намерению. Лишь спустя несколько мучительно долгих мгновений напряжение ослабло, позволив мне вновь обрести контроль над рукой.

И тогда в голове раздался знакомый голос.

— Не напрягайся, братан. Я всего лишь проверяю, насколько хорошо ты за мной присматривал.

По спине пробежал неприятный холодок.

— Ты что-то почувствовал? — спросил Каспер.

Я поднял глаза.

— Рука сама сжалась.

— Сама?

— Я не хотел этого делать.

Каспер посмотрел на мои пальцы, затем вновь посмотрел мне в лицо.

— Иногда, Кай, чтобы обрести контроль над собой, человеку приходится сначала его потерять.

— Ты вообще слышишь, что говоришь? Я могу однажды проснуться и обнаружить, что больше не управляю собственным телом!

— Именно поэтому тебе необходимо научиться различать собственные намерения и то, что возникает помимо твоей воли.

Его спокойствие казалось неестественным.

Мне даже почудилось, что известие о возвращении Атамана не столько встревожило Каспера, сколько заинтересовало его. Однако, взглянув на неподвижное лицо собеседника, я не сумел обнаружить ничего, что подтверждало бы моё подозрение.

Некоторое время мы молчали.

Затем я вспомнил о лунном камне.

— Каспер, а как ты объяснишь то, что произошло с Жорой?

— Уточни вопрос.

— Ночью камень показал его имя. Потом я увидел отца, который стрелял в Жору много лет назад. А теперь Жора мёртв. Получается, камень заранее знал, что произойдёт?

Каспер вновь принялся едва заметно раскачиваться.

— В физике существует понятие пространства-времени. Согласно теории относительности, время нельзя рассматривать совершенно отдельно от пространства. Более того, для удалённых друг от друга событий не существует единого, одинакового для всех наблюдателей определения одновременности.

— Объясни проще.

— Представь, что два человека движутся относительно друг друга. Они могут по-разному определять, какие удалённые события происходят одновременно. Это не означает, что один из них способен предсказывать будущее. Однако показывает, что привычное представление об общем для всей Вселенной настоящем не вполне соответствует устройству физического мира.

Я нахмурился.

— Значит, будущее уже существует?

— Некоторые философские интерпретации пространства-времени допускают подобный взгляд. Но теория относительности сама по себе не доказывает, что все будущие со-

бытия предопределены.

— Тогда почему камень показал имя Жоры?

— Этого я пока объяснить не могу.

— Не можешь или не хочешь?

Каспер ничего не ответил.

Я поднялся с койки и прошёлся по палате, стараясь унять нарастающее раздражение.

— Если прошлое можно увидеть, а будущее уже где-то существует, значит, смерть Жоры можно было предотвратить?

Каспер проводил меня взглядом.

— Возможно, Кай. Но сначала нужно понять, кто именно решает, какое событие станет настоящим.

Я остановился.

— Что значит «кто решает»?

— Ты сам сказал, что виденное тобой и произошедшее впоследствии оказались связаны.

— И?

— Возможно, тебе стоит задуматься не только о последовательности событий, но и о том, почему ты увидел именно их.

В памяти неожиданно всплыло лицо незнакомой медсестры.

Я вспомнил её неподвижный взгляд, странную улыбку и тот неприятный миг, когда, оказавшись совсем рядом, она посмотрела на меня так, словно заранее знала, что я собираюсь сказать.

А затем — укол, насильственно прервавший моё сопротивление.

— Каспер, — медленно произнёс я, — а если Жору убили не случайно?

— Разве кто-нибудь утверждал обратное?

— Я не об этом. Что, если кто-то заранее знал, что он умрёт, и помог этому случиться?

Каспер не шелохнулся.

— Ты кого-то подозреваешь?

Я вспомнил рассказ бродяги о женщине и мужской фигуре, замеченных им ночью. Он не сумел разглядеть лицо мужчины, а воспоминания о случившемся казались настолько спутанными, что установить истину по его словам было практически невозможно.

И всё же теперь эти обрывки складывались в неприятную картину.

— Ту медсестру, которая вчера появилась в палате.

— Почему именно её?

— Потому что она вела себя странно. Её глаза… Я не знаю, как объяснить. Она почти не моргала, а зрачки словно не реагировали на свет.

— Ты уверен?

— Я находился достаточно близко, чтобы это заметить.

— Что ещё?

Я задумался.

В памяти всплыли отдельные движения, наклон головы,

едва заметная улыбка.

И вдруг мне показалось, что всё это я уже видел.

Причём совсем недавно.

— Каспер, а если я скажу тебе, что знаю эту женщину?

Он поднял голову.

— Ты уверен, что узнал её?

— Не сразу. Сначала мне показалось, что я вижу совершенно незнакомого человека. Но теперь, вспоминая её голос, движения и эту проклятую улыбку, я начинаю понимать…

— Что именно?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Это была Люба.

Каспер перестал раскачиваться.

— Ты видел её лицо, Кай, или тебе хочется верить, что это было её лицо?

— А какая разница?!

— Огромная. Особенно когда человек пытается вспомнить то, чего, возможно, никогда не видел.

— Ты опять говоришь загадками!

— Я лишь предлагаю тебе отделять воспоминания от предположений.

Меня охватило раздражение.

Возможно, Каспер был прав. Возможно, я действительно пытался найти знакомые черты там, где их никогда не существовало. Но чем настойчивее я вспоминал загадочную мед-

сестру, тем сильнее становилась уверенность, что за чужой внешностью скрывался человек, которому я начинал доверять.

— Ну наконец-то, братан! А я уж думал, ты никогда не догадаешься, кто нам помог.

Голос Атамана прозвучал внезапно, заставив меня вздрогнуть.

— Замолчи! Я тебя не спрашивал!

Каспер медленно выпрямился.

— С кем ты сейчас разговаривал?

Только теперь я понял, что произнёс слова вслух.

— Неважно.

— С Атаманом?

Я отвернулся.

— Да.

— И что он сказал?

— Намекнул, что эта женщина ему помогала.

— Назвал её имя?

Я замялся.

— Нет.

— Тогда почему ты решил, что это Люба?

Ответить оказалось неожиданно трудно.

Ведь Атаман действительно не называл её имени. Он лишь подхватил моё предположение, словно намеренно подталкивая меня к определённому выводу.

Но подозрение уже поселилось в сознании, постепенно

превращаясь в мучительную уверенность.

— Я должен поговорить с ней, — произнёс я.

Каспер опустил взгляд на лежавшую рядом книгу.

— Только постарайся не перепутать то, что знаешь, с тем, чего боишься.

Я не ответил.

Выйдя из палаты, я направился по коридору, где тусклый свет потолочных ламп отражался на вытертом линолеуме, а тяжёлые двери, расположенные вдоль стен, напоминали о том, что больница, несмотря на медицинское назначение, оставалась частью тюрьмы.

Любу я нашёл в старом процедурном кабинете.

Дверь была приоткрыта, и сквозь узкую щель доносилось негромкое позвякивание металлических инструментов.

Остановившись на пороге, я некоторое время наблюдал за тем, как она, склонившись над небольшим столиком, раскладывает медицинские принадлежности по отдельным лоткам.

В кабинете стоял устойчивый запах спирта и старых лекарств, смешанный с едва уловимой сыростью, проникавшей из плохо проветриваемого коридора.

Вдоль стены возвышались металлические шкафы с потускневшими стеклянными дверцами, за которыми виднелись коробки с медикаментами и аккуратно расставленные пузырьки. Возле противоположной стены находилась узкая кушетка, обтянутая потрескавшейся чёрной клеёнкой.

За зарешечённым окном медленно сгущались сумерки.

Последние солнечные лучи, пробиваясь сквозь мутное стекло, ложились на пожелтевшую плитку пола, придавая помещению странный, почти нежилой вид.

Над раковиной висело большое зеркало, местами потемневшее от времени.

— Люба.

Она обернулась.

Увидев меня, женщина улыбнулась, и в её глазах промелькнуло выражение неподдельной радости.

— Кай! Ты что здесь делаешь?

Я вошёл, прикрыв за собой дверь.

— Нам нужно поговорить.

Улыбка постепенно исчезла с её лица.

— Что-то случилось?

— Это я у тебя хотел спросить.

Люба отложила инструменты.

— Не понимаю.

Я некоторое время молчал, рассматривая её лицо.

Мне хотелось найти хотя бы одну деталь, которая позволила бы окончательно убедиться в собственной правоте. Но передо мной стояла та самая Люба, которую я знал: с привычным мягким взглядом, спокойными движениями и едва заметной тревогой, возникавшей всякий раз, когда разговор касался моего состояния.

И от этого становилось ещё тяжелее.

— Скажи мне, где ты была прошлой ночью?

Она удивлённо приподняла брови.

— А почему ты спрашиваешь?

— Потому что Жора умер, а незадолго до этого в нашей палате появилась женщина, которую я раньше никогда не видел.

Люба насторожилась.

— И какое отношение я имею к этой женщине?

— Вот это я и хочу выяснить.

Я сделал шаг ближе.

— Мне кажется, что под её внешностью скрывалась ты.

Несколько мгновений Люба неподвижно смотрела на меня.

Затем медленно опустила руки.

— Кай, ты действительно считаешь, что я способна на такое?

В её голосе прозвучало не возмущение, а искреннее недоумение, смешанное с обидой.

Но я уже не мог остановиться.

— Я не знаю, на что ты способна. Ты слишком многое от меня скрываешь.

— Что именно?

— Почему ты оказалась в этой больнице? Почему постоянно стараешься быть рядом? Почему ведёшь себя так, будто знаешь обо мне больше, чем я сам?

Люба отвернулась к окну.

— Я уже говорила тебе, что попросилась сюда вместе с

Ириной.

— И ты хочешь, чтобы я поверил, будто это простое совпадение?

— Нет, Кай.

Она вновь посмотрела на меня.

— Я не хочу тебе лгать.

— Тогда скажи правду!

Люба вздрогнула от моего повышенного голоса.

Я заметил это и почувствовал неприятный укол совести, однако подозрения, подогреваемые страхом и бессонной ночью, оказались сильнее.

— Ты знала, что Жора умрёт?

— Нет.

— Ты помогала Атаману?

— Нет, Кай.

— Тогда почему я должен тебе верить?

Люба медленно подошла ближе.

— Потому что я никогда не желала тебе зла.

Её слова прозвучали настолько просто, что на мгновение я растерялся.

В памяти всплыли наши прежние встречи, её забота и те редкие минуты, когда рядом с ней я почти забывал о стенах тюремной больницы.

Но теперь даже эти воспоминания казались подозрительными.

— А если всё это было притворством?

Люба побледнела.

— Ты действительно так думаешь?

Я отвёл взгляд.

— Я уже не знаю, что думать.

Она долго молчала, словно пытаясь решить, какие слова имеет право произнести.

— Если бы ты только знал, сколько раз мне приходилось выбирать между тем, чтобы сказать тебе правду, и тем, чтобы сохранить тебя в живых…

Я резко поднял голову.

— Сохранить меня в живых? От кого?

Люба осеклась.

Её взгляд метнулся к двери, затем вновь остановился на моём лице.

— Я не могу сейчас объяснить.

— Почему?

— Потому что ты не поймёшь.

— А ты попробуй!

— Кай, пожалуйста…

— Хватит! — перебил я. — Все вокруг только и делают, что говорят загадками. Каспер что-то знает, но молчит. Атаман смеётся у меня в голове. Теперь ещё и ты!

Люба опустила глаза.

В наступившей тишине отчётливо послышалось мерное капанье воды из неисправного крана.

Я повернулся к раковине, пытаясь успокоиться, и случай-

но посмотрел в висевшее над ней зеркало.

Сначала ничего необычного не произошло.

В потемневшем стекле отражались шкафы, кушетка, тускнеющее окно и моя собственная фигура, застывшая возле стены.

Но когда я слегка повернул голову, отражение словно задержалось.

Всего на мгновение.

Это мгновение было настолько коротким, что я мог бы списать увиденное на усталость, если бы не последовавшее за ним ощущение.

Моё лицо в зеркале оставалось неподвижным, хотя я уже смотрел в сторону Любы.

А затем уголки отражённых губ медленно приподнялись, складываясь в едва заметную, чужую усмешку.

Я застыл.

Улыбка исчезла так же внезапно, как появилась.

Теперь зеркало вновь показывало обычное отражение.

Моё отражение.

По крайней мере, мне хотелось в это верить.

— Кай?

Голос Любы заставил меня вздрогнуть.

— Что с тобой?

Я отступил от раковины.

— Ничего.

Но собственный голос прозвучал неубедительно.

Люба внимательно посмотрела на меня, и выражение её лица изменилось. Прежняя обида уступила место тревоге.

— Ты опять его слышишь?

Я медленно повернулся.

— Кого?

Она не ответила.

И именно это молчание напугало меня сильнее любого признания.

— Не верь ей, братан. Женщины умеют плакать даже тогда, когда держат нож за спиной.

Я стиснул зубы.

— Замолчи, — едва слышно прошептал я.

Люба сделала шаг ко мне.

— Кай, послушай…

— Не подходи!

Она остановилась.

Я видел, как изменилось выражение её глаз, и понимал, что причиняю ей боль. Однако остановить поток подозрений, постепенно заполнявших сознание, становилось всё труднее.

— Ты знаешь об Атамане, — произнёс я. — Знаешь гораздо больше, чем говоришь.

— Да.

Признание прозвучало неожиданно.

Я растерялся.

— Что?

— Я знаю, что он существует.

— Тогда почему молчала?

Люба провела ладонью по лицу.

— Потому что боялась сделать ещё хуже.

— Хуже для кого?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Для тебя.

Я невольно усмехнулся.

— Удобный ответ.

Люба отвернулась.

Некоторое время она стояла неподвижно, словно собираясь с силами, затем тихо произнесла:

— Когда-нибудь ты узнаешь правду, Кай. Только я очень боюсь, что к тому времени ты уже не сможешь меня простить.

Она направилась к двери.

Мне хотелось остановить её, потребовать объяснений, заставить наконец произнести то, что скрывалось за бесконечными недомолвками.

Я сделал шаг следом.

И вдруг почувствовал, как правая рука самостоятельно поднимается, вытягиваясь в сторону Любы.

Пальцы раскрылись, словно собираясь схватить её за плечо.

Но я не отдавал им такого приказа.

— Не отпускай её, братан. Она ещё не всё рассказала.

Я попытался опустить руку.

Мышцы напряглись, сопротивляясь моему намерению, и на несколько страшных мгновений мне показалось, что собственное тело перестало принадлежать мне.

Стиснув зубы, я заставил пальцы согнуться, медленно сжимая их в кулак.

Рука дрогнула и наконец опустилась.

Люба обернулась.

Она смотрела не на мою ладонь, а прямо мне в глаза.

И в её взгляде я увидел не страх передо мной, а тревогу за меня.

— Кай, не позволяй ему решать за тебя.

Я замер.

Эти слова прозвучали слишком точно.

Слишком своевременно.

— Откуда ты знаешь, что он сейчас пытался мной управлять?

Люба побледнела.

Я сделал шаг к ней.

— Отвечай. Откуда?

Она приоткрыла губы, но так ничего и не произнесла.

Впервые за всё время нашего знакомства мне показалось, что её молчание причиняет ей не меньшую боль, чем мне.

— Прости, Кай, — наконец прошептала она.

После этого Люба открыла дверь и вышла в коридор.

Я не стал её останавливать.

Оставшись один, я медленно повернулся к зеркалу.

В потемневшем стекле отражался человек с усталым лицом, напряжёнными плечами и глазами, в которых поселилось нечто прежде мне незнакомое.

Я поднял правую руку.

Отражение повторило движение.

Сжал пальцы.

Отражение сделало то же самое.

И всё же ощущение чужого присутствия не исчезало.

Я вдруг с ужасом понял, что больше не могу с уверенностью сказать, кто именно смотрит на меня из глубины старого зеркала.

И ещё страшнее было осознавать, что однажды этот вопрос может перестать иметь значение.

Когда я вернулся в палату, за окнами уже окончательно стемнело.

Больничный коридор остался позади, однако неприятный разговор с Любой продолжал звучать в памяти, заставляя вновь и вновь возвращаться к её словам.

«Не позволяй ему решать за тебя».

Откуда она знала?

Почему не испугалась, когда моя рука неожиданно потянулась к ней?

И главное — что именно она скрывала?

Я вошёл в палату, чувствуя себя совершенно опустошённым.

Каспер сидел на кровати, склонившись над небольшими металлическими предметами, разложенными на покрывале.

Услышав мои шаги, он поднял голову, однако ничего не спросил.

Я подошёл ближе.

Перед ним лежали пули.

Несколько небольших, потускневших металлических предметов, расположенных в определённом порядке.

Каспер осторожно взял одну из них двумя пальцами, повертел перед глазами и положил обратно.

— Опять со своими безделушками возишься? — спросил я, стараясь отвлечься от произошедшего.

— Они требуют внимания.

— С каких это пор железки требуют внимания?

— С тех пор, как человек начинает понимать, что они могут рассказать значительно больше, чем кажется на первый взгляд.

Я присел на край соседней койки.

— Каспер, откуда у тебя столько патронов?

Он посмотрел на меня.

— Это не патроны, Кай. Это пули.

— Какая разница?

— Существенная. Патрон представляет собой собранный боеприпас, включающий гильзу, капсюль, пороховой заряд и пулю. А перед тобой лишь один из его элементов.

— То есть то, что вылетает из ствола?

— Именно.

Каспер вновь взял металлический предмет и поднёс его ближе к свету.

— После выстрела пуля может сохранить следы взаимодействия с каналом ствола. Именно поэтому при определённых условиях специалисты способны сопоставлять её с конкретным оружием.

Я машинально кивнул, однако мысли уже унеслись далеко от больничной палаты.

Перед глазами возникло кладбище.

Могильные холмы, тусклый дневной свет, напряжённое лицо отца и пистолет, который он держал в руке.

Пистолет Макарова.

Я вновь увидел, как отец поднимает оружие, направляя его на Жору.

И вдруг перевёл взгляд на предметы, разложенные перед Каспером.

Что-то в их форме показалось мне знакомым.

— Подожди…

Каспер поднял глаза.

— Что такое?

Я осторожно взял одну из пуль.

Она оказалась холодной и неожиданно тяжёлой для своих размеров.

— Мне кажется, я уже видел такие.

— Где?

— В одном из своих видений.

Каспер не ответил.

— Отец стрелял из пистолета Макарова, — продолжил я. — И эти пули… Они похожи на те, которые могли быть выпущены из такого оружия.

— Похожи — не значит одинаковы.

— Но ты ведь понимаешь, о чём я?

Каспер протянул руку.

Я вернул ему пулю.

Он положил её на прежнее место, тщательно выровняв относительно остальных.

— Кай, человеческая память склонна достраивать недостающие детали. Особенно когда речь идёт о событиях, сопровождавшихся сильными переживаниями.

— Ты опять пытаешься убедить меня, что я всё придумал?

— Нет. Я предлагаю не торопиться с выводами.

Я внимательно посмотрел на него.

Его спокойствие, прежде казавшееся мне проявлением необычного характера, теперь всё чаще вызывало подозрение.

Слишком многое Каспер принимал как должное.

Слишком редко удивлялся происходящему.

И слишком часто его ответы оставляли после себя больше вопросов, чем было до разговора.

— Скажи мне, Каспер, сколько у тебя всего этих пуль?

Он медленно пересчитал металлические предметы, едва касаясь каждого кончиком указательного пальца.

Затем поднял голову.

— Пока недостаточно.

Я нахмурился.

— Недостаточно для чего?

Каспер некоторое время смотрел на меня, словно решая, стоит ли продолжать разговор.

Затем произнёс:

— Для того, чтобы закончить начатое.

Эпизод 20

— Для того, чтобы закончить начатое.

Последние слова Каспера заставили меня ещё внимательнее присмотреться к металлическому шарику, зажатому между его пальцами.

— Закончить что? — переспросил я.

Каспер не ответил. Он продолжал перекатывать свою безделушку с таким сосредоточенным видом, будто от этого незамысловатого занятия зависело нечто гораздо более важное, чем наш разговор.

— Слушай, Каспер, — произнёс я, придвинувшись ближе. — Ты ведь понимаешь, что я не отстану?

— Понимаю.

— Тогда объясни.

— Что именно?

— Для начала, почему ты собираешь эти штуковины? И почему их должно быть определённое количество?

Он поднял голову. На меня смотрели внимательные, немного усталые глаза.

— Ты когда-нибудь задумывался, Кай, почему одни события происходят именно так, а не иначе?

— Сейчас меня больше интересует, почему ты не можешь ответить на простой вопрос.

— Потому что простых вопросов почти не существует. Бывают только ответы, которые кажутся простыми.

— Опять начинаешь…

— Представь, что ты бросил камень в воду, — продолжил Каспер, словно не услышав моего недовольства. — От него расходятся круги. Один касается берега, другой сталкивается с волной, поднятой ветром. Третий исчезает раньше остальных. Ты видишь результат, но не можешь проследить всё, что происходило с водой.

— И при чём здесь твои железки?

— При том, что любое событие оставляет последствия. Иногда они настолько малы, что мы даже не замечаем их существования. Но это не значит, что они исчезли.

Я покосился на шарик.

— Хочешь сказать, эта штука — последствие какого-то события?

— Возможно.

— А остальные?

— Тоже.

— И ты собираешь их, чтобы…

— Чтобы однажды увидеть всю картину целиком.

Я раздражённо выдохнул.

— Знаешь, с тобой разговаривать — всё равно что пытаться поймать собственную тень. Вроде рядом, а схватить невозможно.

Каспер едва заметно улыбнулся.

— Тень хотя бы доказывает, что где-то есть свет.

— Очень утешительно.

Он снова опустил взгляд на металлический предмет.

Некоторое время мы молчали.

За окнами сгущались сумерки. Последние полосы дневного света медленно сползали по стене, оставляя после себя сероватые пятна. В палате стоял привычный запах лекарств, несвежего белья и чего-то кислого, доносившегося из коридора.

Кто-то негромко кашлянул. Скрипнула кровать.

Я потянулся к книге, лежавшей рядом.

С тех пор как она оказалась у меня, я всё чаще ловил себя на странном желании открыть её без всякой причины. Пустые страницы одновременно раздражали и притягивали. Казалось, в них скрывается ответ, который мне пока не позволено прочитать.

Проведя ладонью по обложке, я раскрыл книгу.

— Каспер, а если всё действительно связано между собой,

значит, случайностей вообще не существует?

— Смотря что ты называешь случайностью.

— Например, человек оказался не в том месте и не в то время.

— Для него это может быть случайностью. Для того, кто знает предшествующие события, — закономерностью.

— Значит, всё заранее решено?

Каспер задумался.

— Не обязательно. Знать причины произошедшего — не то же самое, что знать все возможные последствия.

— А будущее?

— Что будущее?

— Его можно изменить?

Он перестал перекатывать шарик.

— Ты задаёшь вопросы, на которые человечество пытается ответить не одно тысячелетие.

— А ты, значит, уже ответил?

— Нет, Кай. Я просто знаю, насколько опасно быть уверенным, что ответ у тебя есть.

Я хотел возразить, но в этот момент заметил движение на раскрытой странице.

Сначала мне показалось, что это игра света.

На пожелтевшей бумаге проступила тонкая тёмная черта. Затем рядом появилась другая. Они медленно соединялись, образуя очертания букв.

Я замер.

— Каспер…

Он поднял голову.

— Что?

— Посмотри.

Я повернул книгу к нему.

Буквы продолжали проявляться, словно невидимая рука выводила их из самой глубины бумаги. Чернила не растекались и не оставляли влажных следов. Они возникали сразу, постепенно приобретая насыщенный чёрный цвет.

Через несколько секунд на странице появилось одно слово.

Емеля.

Я несколько раз моргнул.

Имя осталось на месте.

— Что это значит? — спросил я, почувствовав, как между лопатками пробежал неприятный холодок.

Каспер не отвечал.

Его лицо изменилось. Совсем немного, но я успел заметить, как напряглись скулы и исчезло привычное спокойное выражение.

Он смотрел на страницу так, словно увидел не неожиданность, а подтверждение чего-то давно ожидаемого.

— Каспер?

— Я вижу.

— И что это?

— Имя.

— Спасибо, без тебя бы не догадался! — Я невольно повысил голос. — Почему оно появилось именно сейчас?

Он медленно отвёл глаза.

— Не знаю.

— Врёшь.

— Почему ты так решил?

— Потому что у тебя такое лицо, будто ты ждал именно этого.

Каспер промолчал.

Я снова посмотрел на книгу.

Емеля.

Наш сосед по палате. Ещё недавно мы с ним разговаривали, смеялись и обменивались привычными для этого места колкостями.

Что его имя делало на страницах книги Жнеца?

В памяти всплыли песочные часы, пустые страницы и события, которые я никак не мог связать в единое целое.

— Это означает, что он умрёт? — тихо спросил я.

Каспер не торопился отвечать.

— Почему ты так думаешь?

— А что ещё я должен думать? Это ведь не список пациентов и не журнал посещений!

Я сжал обложку так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Ты ведь знал, что это произойдёт?

Каспер посмотрел мне прямо в глаза.

— Знать, что произойдёт, и знать, можно ли это изменить, — не одно и то же.

— Значит, изменить всё-таки можно?

— Я этого не сказал.

— Но и обратного не сказал!

— Потому что не знаю, какой ответ будет правильным.

Я уже собирался продолжить расспросы, когда со стороны соседних коек раздался глухой стук.

Мы одновременно повернули головы.

Емеля сидел на своей кровати, опустив ноги на пол.

Выглядел он скверно.

Осунувшееся лицо приобрело нездоровый сероватый оттенок. Под глазами залегли тёмные круги, а веки покраснели так сильно, словно он несколько суток подряд провёл перед яркой лампой.

Впрочем, так оно почти и было.

Емеля давно жаловался, что никак не может уснуть. Сначала он отшучивался, потом раздражался по любому поводу, а теперь всё чаще замолкал посреди разговора, прислушиваясь к чему-то, чего остальные не замечали.

Сейчас он сидел совершенно неподвижно.

Его взгляд был направлен в дальний угол палаты.

— Емеля! — окликнул я.

Он не отозвался.

— Эй, ты чего?

Мужчина медленно поднял руку, словно пытался оттолк-

нуть невидимого собеседника.

Губы его шевельнулись.

Я не расслышал слов.

— Каспер, ты видишь?

— Вижу.

— Что с ним?

— Он слишком долго не спал.

— И что теперь?

Каспер не ответил.

Емеля вдруг резко втянул воздух.

— Нет… — прошептал он.

Я приподнялся.

— Емеля?

— Я же сказал… Я ничего не видел…

Слова прозвучали настолько отчётливо, что у меня неприятно сжалось внутри.

Емеля смотрел в угол, не мигая.

— С кем ты разговариваешь? — спросил я.

Он словно не слышал меня.

— Ничего… Не видел я ничего…

Я обернулся.

В углу стояла пустая тумбочка. Над ней виднелась полоска облупившейся краски, а возле пола темнело пятно сырости.

Больше ничего.

— Каспер, — произнёс я вполголоса, — он кого-то видит?

Тот некоторое время наблюдал за Емелей.

— Иногда прошлое приходит за теми, кто слишком долго от него прятался.

Я повернулся к нему.

— Что?

— Ничего.

— Нет уж, подожди! Ты сейчас о чём?

— Посмотри на него, Кай.

Емеля медленно отодвинулся к изголовью кровати.

Его пальцы вцепились в край матраса.

— Не подходи…

Я захлопнул книгу и поднялся.

— Емеля, успокойся. Здесь никого нет.

Он вздрогнул от моего голоса, но даже не посмотрел в мою сторону.

— Не подходи, говорю…

Я подошёл к его кровати.

— Послушай меня. Это я, Кай. Ты в палате. Всё нормально.

Протянув руку, я осторожно коснулся его плеча.

Емеля отшатнулся так резко, словно прикосновение обожгло его.

— Не трогай!

— Да успокойся ты!

Он наконец посмотрел на меня.

В его глазах стоял такой неподдельный ужас, что я невольно

но отдёрнул руку.

— Кай… — выдавил он пересохшими губами.

— Ну?

— Ты его видишь?

— Кого?

Емеля перевёл взгляд мне за спину.

Его лицо исказилось.

— Он здесь!

Крик прозвучал неожиданно громко.

Я резко обернулся.

Никого.

— Емеля, кто здесь?

— Он здесь! — повторил мужчина, вскакивая с кровати. — Вы что, не видите?!

Несколько пациентов приподнялись на локтях.

Кто-то недовольно выругался.

Емеля пятился, пока не упёрся спиной в стену.

— В плаще! Он стоит там!

Его дрожащая рука указывала в тот самый угол.

— Не подпускайте его ко мне!

Я вновь посмотрел туда.

Пустота.

Ни движения, ни тени.

Только тусклый свет лампы, добиравшийся до стены.

— Емеля, послушай, — произнёс я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Там никого нет. Ты просто давно не

спал. Тебе нужно отдохнуть.

— Не надо! — завопил он, закрывая лицо руками. — Уберите его! Уберите от меня эту тварь!

Он присел, словно ожидал удара, и начал судорожно мотать головой.

— Не подходи! Слышишь?! Не подходи!

Я растерянно оглянулся.

— Каспер! Помоги мне!

Но Каспер не двигался.

Он сидел на своей кровати, слегка наклонив голову.

И смотрел вовсе не на Емелю.

Его взгляд был направлен в пустой угол палаты.

Туда, где, по словам Емели, стояла сущность в плаще.

Меня охватило неприятное чувство.

— Каспер…

Он не отозвался.

— Ты тоже что-то там видишь?

Несколько секунд он молчал.

Затем медленно повернул ко мне голову.

— Позаботься о Емеле.

— Я спрашиваю, ты видишь кого-нибудь?!

— Сейчас ему нужна помощь, Кай.

Я хотел схватить Каспера за плечи и вытрясти из него нормальный ответ, но позади снова раздался отчаянный крик.

Емеля сполз по стене на пол.

Его руки дрожали, пальцы беспорядочно ощупывали про-

странство перед лицом, будто он пытался защититься от чего-то невидимого.

Я присел рядом.

— Емеля, смотри на меня!

Он тяжело дышал.

— На меня смотри, слышишь?!

Лишь с трудом ему удалось сосредоточить взгляд на моём лице.

— Кай…

— Я здесь.

— Он…

— Кто?

Емеля судорожно сглотнул.

— Он не уходит…

Я посмотрел через плечо.

Пустой угол оставался пустым.

— Там никого нет.

— Есть…

Последнее слово он произнёс почти беззвучно.

Я помог ему подняться и усадил на кровать. Мужчина не сопротивлялся, но всё время косился мне за спину.

Казалось, он боялся даже моргнуть.

— Тебе нужно поспать, — сказал я.

Емеля нервно усмехнулся.

— Поспать…

Он медленно покачал головой.

— Если бы ты знал…

— Что?

Но он уже отвернулся.

Я постоял рядом ещё немного, не зная, чем помочь.

Потом вернулся к своей кровати.

Каспер снова перебирал металлический шарик.

Его лицо приобрело прежнее спокойное выражение.

— Ты ведь что-то знаешь, — сказал я.

— О чём?

— О том, что происходит с Емелей.

— Я вижу то же, что и ты.

— Не уверен.

Каспер ничего не ответил.

Я сел и взял книгу Жнеца.

Она лежала там, где я её оставил, тяжёлая и холодная на ощупь.

Открыв нужную страницу, я снова увидел имя.

Емеля.

Буквы не исчезли.

Я провёл по ним пальцем.

Бумага была совершенно сухой.

Сколько я ни всматривался, не мог обнаружить ни следов чернил, ни углублений от пера. Казалось, имя всегда находилось здесь, просто раньше я почему-то не мог его увидеть.

Позади послышался тихий шорох.

Емеля снова повернулся к стене.

Я не стал его окликать.

Перед глазами стояло его перекошенное от ужаса лицо. В ушах продолжал звучать крик о человеке в плаще.

Но сильнее всего меня тревожило другое.

Каспер.

Его неподвижный взгляд, направленный в пустой угол.

И то странное выражение, которое появилось на его лице, когда в книге проступило имя Емели.

Я закрыл книгу.

До сегодняшнего дня мне хотелось узнать, чьё имя появится на её страницах следующим.

Теперь же впервые захотелось понять совсем другое.

Можно ли заставить уже написанное исчезнуть?

Эпизод 21

— Уберите его! Уберите от меня эту тварь!

Отчаянный крик Емели разорвал тишину палаты.

Мужчина вжался спиной в стену, судорожно шаря по ней ладонями, словно надеялся нащупать несуществующую дверь. Его широко раскрытые глаза неотрывно смотрели в угол. Губы дрожали, а по бледному лицу струился пот.

— Емеля, успокойся! — Я осторожно шагнул к нему. — Здесь никого нет.

— Не подходи! — завопил он, выставив перед собой руки. — Не подходи, говорю!

Я остановился.

Емеля смотрел не на меня. Его взгляд был устремлён куда-то поверх моего плеча.

Я обернулся.

Пусто.

Обычная больничная стена, выкрашенная тусклой краской. Узкая полоска тени под потолком. Ничего, что могло бы вызвать такой животный ужас.

«Допрыгался, бедолага, — подумал я. — Сколько он уже не спит?»

— Кай!

Голос Каспера прозвучал неожиданно резко.

Я повернул голову.

Он стоял возле своей койки, напряжённо вглядываясь в тот самый угол. Его лицо изменилось. Исчезло привычное задумчивое выражение, с которым он обычно наблюдал за окружающими.

— Отойди от него, — произнёс Каспер.

— Да я и не трогаю его.

— Просто отойди. И делай то, что я скажу.

— Что?

— Быстро!

Я невольно отступил.

Емеля повторил моё движение.

Сначала я не придал этому значения. Я решил, что мужчина просто испугался моего приближения. Но Каспер, заметив это, вдруг прищурился.

— Кай, подними правую руку.

— Ты издеваешься?

— Подними!

Я раздражённо вскинул руку.

Емеля сделал то же самое.

Причём настолько точно, что у меня по спине пробежал холодок.

— Теперь медленно опусти.

Я подчинился.

Рука Емели опустилась следом.

— Что за чертовщина?.. — пробормотал я.

Каспер не ответил.

Он продолжал следить взглядом за чем-то, находившимся между Емелей и пустым углом.

— Кай! Пригнись!

Я едва успел согнуть колени.

Емеля рухнул на корточки одновременно со мной.

В ту же секунду он вскрикнул и прикрыл голову руками.

— Он меня достанет! Господи, он меня достанет!

— Влево! — скомандовал Каспер. — Два шага!

Я метнулся в сторону.

Емеля, словно привязанный ко мне невидимыми нитями, повторил движение. Его плечо скользнуло вдоль стены.

— Теперь назад!

Я отступил.

Емеля отшатнулся следом.

— Каспер, что происходит?! — выкрикнул я.

— Не разговаривай! Смотри на меня и слушай!

В его голосе было что-то такое, что заставило меня проглотить следующий вопрос.

Я никогда прежде не видел Каспера настолько встревоженным.

Он смотрел не на Емелю.

Он следил за кем-то другим.

— Вправо! Быстро!

Я послушался.

Емеля повторил движение, нелепо взмахнув руками и едва удержавшись на ногах.

— Присядь!

Мы оба пригнулись.

— Ещё ниже!

Я опустился почти на колено.

Емеля последовал за мной, всхлипывая и бормоча что-то бессвязное.

Мне казалось, что я участвую в каком-то безумном представлении, смысла которого никак не мог понять. Но стоило взглянуть на лицо Каспера, как всякое желание спорить исчезало.

Он был напуган.

И этот страх почему-то пугал меня гораздо сильнее криков Емели.

— Кай, замри!

Я застыл.

Емеля тоже перестал двигаться.

Наступила тишина.

Я слышал собственное дыхание, прерывистое сопение Емели и далёкий скрип кроватной сетки.

Каспер медленно повернул голову, словно провожая взглядом кого-то, проходившего мимо нас.

Его глаза переместились от стены к двери.

Затем он выдохнул.

— Всё.

— Что — всё?

Каспер ещё несколько секунд смотрел на дверь.

— Ушла.

Я почувствовал, как внутри всё похолодело.

— Кто ушёл?

Он посмотрел на меня, но ничего не ответил.

Емеля медленно сполз по стене. Обхватив колени дрожащими руками, он уткнулся в них лицом.

Я перевёл взгляд с него на Каспера.

— Ты ведь что-то видел?

Каспер молчал.

— Каспер, я с тобой разговариваю!

Он наконец поднял глаза.

— Главное, что Емеля остался жив.

Я посмотрел на сидевшего у стены мужчину.

Его плечи всё ещё вздрагивали.

И вдруг вспомнил имя, появившееся на страницах книги Жнеца.

Емеля.

Я невольно повернулся к своей койке, где оставил книгу.

«Неужели это и было то самое предсказание?»

Но если мы сумели его спасти, означало ли это, что судьбу действительно можно изменить?

Или мы всего лишь отсрочили неизбежное?

Я ещё некоторое время смотрел на Емелю, пытаясь осмыслить произошедшее.

Мужчина сидел на полу, прижавшись спиной к стене. Пальцы судорожно сжимали колени, а губы едва заметно шевелились, словно он продолжал разговаривать с кем-то невидимым. Казалось, даже теперь, когда опасность миновала, страх не желал отпускать свою жертву.

Я осторожно приблизился.

— Емеля, ты как?

Он вздрогнул и поднял голову. В его глазах ещё плескался ужас.

— Он ушёл? — прошептал мужчина.

Я замешкался.

— Кто?

— Не притворяйся, — Емеля нервно облизнул пересохшие губы. — Ты же видел, как он на меня бросался!

— Я ничего не видел.

Емеля недоверчиво посмотрел на меня, затем перевёл

взгляд на Каспера.

— А ты? Ты ведь видел его?

Каспер молчал.

— Скажи ему! — неожиданно взмолился Емеля. — Скажи, что я не сумасшедший!

— Сейчас его здесь нет, — спокойно ответил Каспер.

Я резко повернулся к нему.

— Значит, всё-таки был?

Каспер не ответил.

Емеля шумно выдохнул, словно услышанного оказалось достаточно, чтобы окончательно убедиться в собственной правоте.

— Я знал… Я знал, что он настоящий…

Он попытался подняться, но ноги не слушались. Я протянул руку, помогая ему встать. Емеля вцепился в моё предплечье с такой силой, будто боялся: стоит ему разжать пальцы — и невидимый преследователь немедленно вернётся.

Мы усадили его на ближайшую койку.

— Тебе нужно поспать, — сказал я.

Мужчина испуганно замотал головой.

— Нет! Только не это!

— Ты уже сам на себя не похож.

— Стоит мне закрыть глаза, он появляется снова, — прошептал Емеля. — Сначала далеко… А потом всё ближе и ближе.

Я невольно посмотрел на Каспера.

Тот стоял возле кровати, опустив голову. Его пальцы едва заметно двигались, словно он перебирал какие-то невидимые предметы.

— Отдохни, — негромко произнёс он. — Сейчас тебе ничего не угрожает.

Емеля хотел что-то возразить, но передумал. Он лишь с опаской покосился на угол и подтянул ноги на кровать.

Я отошёл к Касперу.

— Теперь объясни мне, что это было.

— Ты о чём?

— Не начинай! — Я понизил голос. — Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Каспер посмотрел на Емелю, затем на меня.

— Не здесь.

— А где? В библиотеке? За чашкой чая?

— Кай…

— Ты только что командовал мной так, будто видел каждое движение того, кто пытался его убить!

Каспер нахмурился.

— Говори тише.

Я стиснул зубы.

Больше всего меня раздражало даже не его молчание, сколько спокойствие, с которым он уклонялся от ответов. Словно происходящее было для него чем-то привычным, а я, как неразумный ребёнок, задавал вопросы, ответы на которые пока не заслуживал услышать.

— Хорошо, — процедил я. — Тогда ответь хотя бы на один вопрос. Кто находился в углу?

Каспер медленно поднял глаза.

— Ты уверен, что хочешь это знать?

— Нет, Каспер. Я просто решил поддержать беседу.

Он не улыбнулся.

— Иногда знание оказывается тяжелее неизвестности.

— А иногда неизвестность сводит с ума.

Каспер задумчиво посмотрел на меня.

— Это правда.

Несколько секунд мы молчали.

— Тогда говори.

Он перевёл взгляд на Емелю.

— Ты заметил, что он повторял твои движения?

— Такое трудно не заметить.

— Эхопраксия, — произнёс Каспер. — Непроизвольное воспроизведение движений другого человека. Иногда человек даже не осознаёт, что делает.

— И ты решил устроить нам зарядку?

— Я решил воспользоваться тем, что могло его спасти.

— От кого?

Каспер замолчал.

Я почувствовал, как раздражение постепенно уступает место неприятному предчувствию.

— Ты ведь видел его, — произнёс я уже тише. — Не так ли?

— Да.

Одно короткое слово заставило меня похолодеть.

— И что это было?

Каспер медленно провёл ладонью по лицу.

— Не всё, что существует рядом с нами, доступно человеческому зрению.

— Только не надо опять про физику!

— А зря, — неожиданно возразил он. — Человеческий глаз воспринимает лишь небольшую часть электромагнитного спектра. Мы не видим инфракрасное излучение, ультрафиолет, радиоволны. Но разве от этого они перестают существовать?

— Ты хочешь сказать, что по палате разгуливала какая-то радиоволна и пыталась прикончить Емелю?

— Нет. Я хочу сказать, что отсутствие зрительного восприятия ещё не доказывает отсутствия самого объекта.

Я тяжело вздохнул.

— Каспер, ты когда-нибудь отвечаешь на вопросы прямо?

— Когда уверен, что ответ поможет.

— А сейчас?

Он посмотрел на меня с каким-то странным выражением.

— Сейчас я в этом не уверен.

Мне захотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть.

Но вместо этого я вспомнил книгу.

Ту самую, на страницах которой совсем недавно появи-

лось имя Емели.

— Послушай, — произнёс я, стараясь говорить спокойнее. — В книге было его имя.

Каспер едва заметно напрягся.

— Я помню.

— И что теперь? Мы его спасли. Значит, запись должна исчезнуть?

— Почему ты так решил?

— Потому что он жив!

— Пока жив.

Я пристально посмотрел на него.

— Что значит «пока»?

Каспер отвёл взгляд.

— Кай, ты воспринимаешь время как последовательность событий. Одно произошло, другое ещё только должно случиться. Но представь, что для кого-то вся эта последовательность существует одновременно.

— Опять твои измерения?

— Возможно, именно они и помогут тебе понять происходящее.

— Тогда объясни, почему его имя появилось в книге.

— Потому что существует вариант будущего, в котором Емеля погибает.

— А теперь?

— Теперь существует и тот, в котором он пережил сегодняшнюю встречу.

Я задумался.

— Получается, мы изменили будущее?

— Мы изменили ход событий, — осторожно поправил Каспер. — Это не совсем одно и то же.

— А книга?

— Проверь.

Я обернулся к своей койке.

Книга лежала там, где я её оставил.

Несколько мгновений я не решался подойти, словно опасался, что прикосновение к потёртой обложке вновь приведёт в движение неведомый механизм, управляющий человеческими судьбами.

Наконец я взял её в руки.

Металлические уголки холодили пальцы.

Открыв книгу на знакомой странице, я почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось.

Имя никуда не исчезло.

Емеля.

Я медленно провёл пальцем по буквам.

— Оно осталось.

Каспер подошёл ближе, но заглядывать в книгу не стал.

— Значит, вероятность ещё существует.

— Какая вероятность?

Он посмотрел на сидевшего неподалёку Емелю.

— Та, о которой ты сейчас думаешь.

Я захлопнул книгу.

— Но ведь мы его спасли!

— Сегодня, Кай. Сегодня.

От этих слов мне стало не по себе.

Я вновь посмотрел на Емелю.

Он сидел на кровати, сгорбившись и обхватив себя руками. Его веки тяжелели, голова то и дело клонилась к груди, однако всякий раз, едва начав погружаться в сон, он испуганно вздрагивал и вновь открывал глаза.

Несчастный человек, измученный страхом и бессонницей.

И где-то среди бесчисленных вариантов будущего уже существовал тот, в котором его жизнь обрывалась.

Я крепче сжал книгу.

Впервые мне захотелось не просто узнать, что написано на её страницах.

Мне захотелось заставить её ошибиться.

«Ну что, доволен?»

Я произнёс эти слова мысленно, продолжая смотреть на книгу, лежавшую у меня на коленях.

Ответа не последовало.

«Эй, Атаман! Я знаю, что ты меня слышишь».

— А с чего ты взял, что мне есть что сказать?

Знакомый голос прозвучал в голове с такой непринуждённостью, словно его обладатель всё это время сидел рядом и терпеливо ожидал, когда к нему обратятся.

«Ты видел, что здесь произошло?»

— А ты?

«Не начинай».

— Тогда не задавай глупых вопросов.

Я раздражённо провёл ладонью по лицу.

«Каспер утверждает, что в палате кто-то был. Емеля видел то же самое. А я — ничего».

— Бывает.

«И это всё, что ты можешь сказать?»

— А что ты хочешь услышать? Что у тебя испортилось зрение? Или что твой приятель опять водит тебя за нос?

Я невольно посмотрел на Каспера.

Он вернулся к своей койке и теперь сидел, слегка сгорбившись, погружённый в какие-то собственные размышления.

«Ты ведь тоже ничего не видел?»

Атаман помолчал.

— Допустим.

«Допустим?»

— Какая разница? Главное, что наш бедолага остался цел.

В его голосе послышалась едва уловимая насмешка.

«Тебя это забавляет?»

— Меня забавляет другое.

«Что именно?»

— Твоя уверенность, что ты кого-то спас.

Я почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось.

«Емеля жив. Разве этого недостаточно?»

— Для сегодняшнего дня? Вполне.

«Ты говоришь почти как Каспер».

— Не оскорбляй меня.

Я невольно усмехнулся, но улыбка быстро исчезла.

«Тогда объясни, почему его имя осталось в книге».

— А почему оно должно было исчезнуть?

«Потому что мы предотвратили его смерть!»

— Ты предотвратил нападение, Кай. Не путай одно с другим.

Я замолчал.

Слова Атамана неприятно перекликались с тем, что совсем недавно говорил Каспер.

«Значит, ты тоже считаешь, что Емеля всё равно погибнет?»

— Все когда-нибудь умирают.

«Ты прекрасно понимаешь, о чём я».

— Понимаю. Только вот ты, похоже, никак не желаешь понять одну простую вещь.

«Какую?»

— Книга не обязана подчиняться твоим желаниям.

Я опустил взгляд на потёртую обложку.

«Но если она показывает будущее, значит, это будущее можно изменить».

— Возможно.

«Возможно?»

— Ты хотел честный ответ. Вот он.

Я задумался.

Ещё совсем недавно мне казалось, что Атаман знает ответы практически на все вопросы. Он появлялся в самые неподходящие моменты, отпускал язвительные замечания, спорил со мной и неизменно держался так, будто ему известно нечто недоступное остальным.

Но сейчас в его голосе слышалась странная осторожность.

«Ты чего-то недоговариваешь».

— А ты слишком много спрашиваешь.

«Потому что хочу разобраться!»

— Нет, Кай. Ты хочешь, чтобы всё оказалось таким, каким тебе удобно это видеть.

Я стиснул зубы.

«И что в этом плохого?»

— Ничего. Пока твои желания не начинают противоречить действительности.

Я уже собирался ответить, когда моё внимание привлёк тихий шорох.

Емеля наконец лёг.

Он свернулся на боку, подтянув колени к животу, и натянул одеяло почти до подбородка. Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени. Казалось, ещё немного — и измождённое тело окончательно уступит усталости.

Веки мужчины медленно сомкнулись.

Я невольно задержал дыхание.

Прошла минута.

Другая.

Емеля не просыпался.

«Ну наконец-то», — подумал я.

Но тут его правая рука едва заметно дрогнула.

Пальцы медленно разжались, затем снова сжались.

Рука приподнялась над одеялом.

Я нахмурился.

Емеля спал, однако его движения выглядели слишком осмысленными для обычного сонного подёргивания.

Он вдруг резко отвёл голову в сторону, словно уклоняясь от удара.

Затем прижал ладонь к лицу.

«Опять начинается…»

— Что там у тебя? — лениво поинтересовался Атаман.

«Емеля. Он даже во сне не может успокоиться».

— Значит, крепко его напугали.

«Кто?»

— Откуда мне знать?

Я не ответил.

Емеля снова дёрнулся, на этот раз всем телом, но не проснулся.

«Странно всё это».

— А что здесь нормального? — усмехнулся Атаман. — Ты разговариваешь сам с собой, твой приятель видит невидимок, а какая-то древняя книжонка записывает имена покойников.

«Емеля ещё не покойник».

— Разумеется.

В его голосе прозвучало что-то неприятное.

Я насторожился.

«Что значит это твоё „разумеется“?»

— Ровно то, что я сказал.

«Атаман…»

— Что?

«Если ты что-нибудь знаешь, лучше скажи сейчас».

Он долго молчал.

Настолько долго, что я уже решил, будто он вновь исчез в глубинах моего сознания.

Но затем услышал:

— Знаешь, Кай, иногда человек так увлекается борьбой с собственной судьбой, что совершенно перестаёт замечать чужую.

«Это ты к чему?»

— Подумай на досуге.

И голос исчез.

Я остался сидеть с книгой на коленях, прислушиваясь к тяжёлому дыханию Емели.

За окнами палаты продолжалась обычная жизнь. Где-то в коридоре послышались шаги, скрипнула дверь, донёсся приглушённый разговор.

Всё выглядело настолько привычным, что недавние события постепенно начинали казаться дурным сном.

Но стоило мне взглянуть на Емелю, как это ощущение ис-

чезло.

Он спал.

Впервые за долгое время — по-настоящему спал.

И всё же его пальцы продолжали едва заметно шевелиться, словно даже во сне он пытался уклониться от чего-то невидимого.

Я осторожно положил ладонь на обложку книги.

Имя Емели оставалось внутри.

А слова Атамана никак не выходили у меня из головы.

«Иногда человек так увлекается борьбой с собственной судьбой, что совершенно перестаёт замечать чужую».

Эпизод 22

Утро проникло в нашу палату незаметно, постепенно вытесняя из неё ночные тени и возвращая привычные очертания предметам, которые ещё несколько часов назад казались частью чужого, необъяснимого мира.

Сквозь мутные оконные стёкла просачивался бледный свет, обнажая неровности облупившейся штукатурки, потемневшие от времени стены и металлические спинки коек, расположенных вдоль длинного помещения. Воздух, пропитанный запахом лекарств, сырости и несвежего постельного белья, оставался неподвижным, словно даже он не решался нарушить установившуюся после ночных событий тишину.

Я лежал, не смыкая глаз, и время от времени поглядывал в дальний угол палаты, где ещё совсем недавно происходило

нечто, не поддающееся разумному объяснению.

Теперь там не было ничего, кроме потрескавшейся стены и небольшого участка пола, покрытого сероватой пылью.

Однако воспоминание о том, как Емеля, обезумев от страха, пятился от невидимого для меня существа, продолжало преследовать меня с такой отчётливостью, будто всё происходило прямо сейчас.

Особенно тревожило поведение Каспера, который, в отличие от меня, прекрасно понимал, от кого именно мы пытались спасти несчастного.

Я повернул голову, отыскивая взглядом Емелю.

Он сидел на краю своей койки, ссутулившись и опустив руки между коленями. Его осунувшееся лицо приобрело землистый оттенок, под глазами залегли глубокие тени, а веки, отяжелевшие от продолжительной бессонницы, то и дело начинали медленно опускаться.

Всякий раз, когда сон почти одолевал его, Емеля внезапно вздрагивал, резко выпрямляясь и испуганно оглядываясь по сторонам, словно боялся, что стоит ему на мгновение потерять бдительность, как ночной кошмар непременно повторится.

Наблюдая за ним, я испытывал странное смешение облегчения и тревоги.

Нам удалось сохранить ему жизнь, однако произошедшее заставляло задуматься, насколько хрупкой оказалась эта победа и не была ли она всего лишь временной отсрочкой.

В памяти невольно всплывали страницы книги Жнеца, на которых появилось его имя.

Если написанное действительно отражало наиболее вероятное будущее, то оставался вопрос, на который я по-прежнему не находил ответа: сумели ли мы изменить предстоящие события или лишь ненадолго отодвинули их исполнение?

Каспер, заметив мой взгляд, едва заметно покачал головой, словно предупреждая, что сейчас не лучшее время возвращаться к ночному разговору.

Вскоре из коридора донёсся привычный окрик, возвещавший о начале завтрака, и палата постепенно ожила.

Бродяга, расположившийся неподалёку от моей койки, поднялся одним из первых. Привычно сгорбившись, он принялся поправлять одежду, изредка бросая настороженные взгляды по сторонам.

Амок, напротив, не торопился покидать постель, недовольно ворча себе под нос и с раздражением наблюдая за суетой остальных.

Емеля поднялся лишь после того, как Каспер, остановившись возле него, негромко предложил идти вместе с нами.

Я последовал за ними, всё ещё ощущая последствия бессонной ночи и пытаясь избавиться от неприятного предчувствия, поселившегося где-то глубоко внутри.

Столовая встретила нас привычным запахом разваренной крупы, влажных тряпок и дешёвого чая, в котором, судя по

цвету, заварка присутствовала исключительно ради соблюдения формальностей.

За длинными столами уже рассаживались пациенты, лениво переговариваясь между собой и то и дело позвякивая алюминиевыми ложками.

Заняв место рядом с Каспером, я машинально придвинул к себе тарелку, хотя аппетита совершенно не испытывал.

Емеля расположился немного поодаль, предусмотрительно выбрав место, откуда хорошо просматривался вход. Бродяга устроился напротив, ссутулившись над завтраком, словно опасался, что кто-нибудь непременно попытается отнять у него положенную порцию.

Неподалёку сидел Амок, мрачно разглядывая окружающих.

Последним за нашим столом появился мажор.

Опустившись на свободное место, он некоторое время молча рассматривал содержимое своей тарелки, после чего отложил ложку и обвёл присутствующих подозрительным взглядом.

Отсутствие Жоры ощущалось особенно остро.

Ещё вчера этот ненасытный толстяк мог часами рассуждать о достоинствах той или иной пищи, поглощая всё, что попадалось ему под руку. Солёные огурцы, помидоры и прочее содержимое стеклянных банок исчезали в его желудке с поразительной скоростью, словно организм совершенно утратил способность различать голод и пресыщение.

Впрочем, именно чрезмерное увлечение едой и привело к тому, что ночью ему стало плохо.

Покинув палату, которую он делил с мажором, Жора отправился в туалет, рассчитывая облегчить мучившие его желудочные неприятности.

Однако вернуться обратно ему уже не довелось.

Вспоминая обстоятельства его гибели, я невольно почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

Перед глазами возникла стеклянная банка, содержимое которой Атаман превратил в чудовищное орудие расправы.

И хотя произошедшее совершил не я, осознание того, что для окружающих между нами не существовало никакой разницы, оставляло меня с мучительным ощущением беспомощности.

Я отодвинул тарелку, не притронувшись к завтраку.

— Что, Кай, аппетит пропал? — неожиданно поинтересовался мажор, внимательно наблюдая за моими движениями.

Подняв голову, я встретился с его пристальным взглядом.

— После такой ночи мне не особенно хочется есть, — ответил я, стараясь сохранить спокойствие.

— Странное совпадение, — протянул он, слегка прищурившись. — Жорик тоже ночью плохо себя чувствовал, только вот утром его уже за столом нет.

Почувствовав, к чему он клонит, я медленно положил ложку.

— Если тебя интересует, что с ним произошло, лучше об-

ратиться к тем, кто обнаружил его тело.

Мажор усмехнулся, однако в этой усмешке не было ничего доброжелательного.

— А меня, представь себе, интересует именно то, что об этом знаешь ты.

Разговор постепенно привлёк внимание сидевших поблизости.

Бродяга перестал жевать, настороженно прислушиваясь к каждому слову, а Амок, оторвавшись от своей тарелки, повернулся в нашу сторону.

— Вчера вечером Жорик опять нажрался всякой дряни, — продолжил мажор, откинувшись на спинку скамьи. — Огурцы, помидоры, какие-то соленья… Я ему ещё говорил, что добром это не кончится, но разве он кого-нибудь слушал?

Он ненадолго замолчал, словно заново переживая обстоятельства прошедшей ночи.

— Потом у него живот прихватило, и он среди ночи попёрся в туалет. Я даже посмеялся над ним, когда он уходил, а теперь выясняется, что обратно он уже не вернулся.

Мажор подался вперёд, опершись локтями о стол.

— Утром мне сообщили, что Жоры больше нет, только объяснить толком, что произошло, никто не удосужился.

— И какое отношение всё это имеет ко мне? — спросил я.

— Самое непосредственное, если верить тому, что мне сегодня рассказали.

Произнеся последние слова, он повернул голову к бродяге.

Тот заметно напрягся, продолжая ковырять ложкой остывающую кашу.

— Ну, расскажи ему, что ты ночью видел, — предложил мажор, не скрывая удовлетворения.

Бродяга нехотя поднял голову и, почесав небритую щёку, перевёл взгляд с мажора на меня.

— Да чего тут рассказывать… Ночью кто-то из нашей палаты выходил.

— У нас много народу, — заметил я. — Кто именно?

— Так ведь с твоей койки человек поднялся.

Я почувствовал, как внутри неприятно похолодело.

— Ты уверен, что именно с моей?

— А чего мне путать-то? — удивился бродяга. — Я койки хорошо запомнил и знаю, кто где лежит.

Мажор торжествующе развёл руками, словно только что получил неопровержимое доказательство моей виновности.

Однако меня заинтересовало совсем другое обстоятельство.

— Подожди, — произнёс я, внимательно разглядывая бродягу. — Ты видел лицо человека, который выходил?

Тот замялся, опустив взгляд на свои руки.

— Лицо-то я не разглядел.

— Тогда почему решил, что это был именно я?

Бродяга недовольно пошевелился, словно мой вопрос по-

казался ему совершенно бессмысленным.

— А кто ещё мог с твоей кровати подняться? Ночью темно было, луна через окно светила, да только света-то от неё немного. Я видел, как человек встал с твоего места, постоял возле койки, а потом к двери направился.

Он помолчал, собираясь с мыслями, после чего добавил:

— Лица я не рассмотрел, да и не присматривался особенно. Мало ли кому ночью приспичило выйти.

Слушая его объяснение, я постепенно осознавал, насколько неприятным оказалось сложившееся положение.

Бродяга не пытался меня оговорить.

Он действительно видел человека, поднявшегося с моей койки, и совершенно справедливо предположил, что этим человеком был я.

Темнота не позволила ему различить лицо, однако само место, откуда поднялась фигура, не оставляло особых оснований для сомнений.

А ведь именно так всё и должно было выглядеть.

Для остальных обитателей палаты Атаман не существовал в качестве отдельного человека.

Никто из них не мог увидеть его рядом со мной, услышать его голос или заметить отражение, которое порой возникало перед моими глазами.

Окружающие видели только меня, независимо от того, кто в действительности управлял нашим телом.

Следовательно, если ночью Атаман поднялся с моей кой-

ки и отправился в туалет, бродяга совершенно искренне мог утверждать, что видел именно меня.

Эта мысль оказалась значительно неприятнее любого обвинения.

— Ну что, Кай, теперь вспомнил? — спросил мажор, заметив моё замешательство.

— Я не помню, чтобы выходил ночью из палаты, — ответил я после непродолжительной паузы.

— Удобно получается, — усмехнулся он. — Когда нужно оправдаться, память сразу отказывает.

— Я говорю то, что знаю.

— А я тебе говорю, что из-за тебя человек погиб!

Последние слова прозвучали настолько громко, что несколько пациентов за соседним столом обернулись в нашу сторону.

Мажор, заметно распаляясь, продолжал наступать:

— Сначала Жорик среди ночи исчезает, потом выясняется, что ты тоже куда-то выходил. А ещё из вашей палаты такие вопли доносились, что я уже подумал, будто там кого-то режут.

При упоминании ночных криков Емеля заметно вздрогнул.

Я невольно посмотрел на него, вспомнив, как он, обезумев от страха, пытался спастись от существа, которое было невидимо для меня.

— Емеле я помог, — произнёс я, стараясь не повышать

голоса.

— Он действительно помог, — неожиданно подтвердил Емеля, с трудом подняв голову.

Мажор раздражённо повернулся к нему.

— Тебя сейчас никто не спрашивает.

— А ты попробуй спросить, прежде чем обвинять, — вмешался я.

В этот момент Амок с такой силой ударил ладонью по столу, что стоявшая перед ним кружка подпрыгнула, расплескав чай.

— Ты чего огрызаешься?! — рявкнул он, поднимаясь со скамьи.

Его лицо налилось краской, на шее выступили напряжённые жилы, а тяжёлое дыхание выдавало едва сдерживаемую ярость.

— Я разговариваю с мажором, а не с тобой, — ответил я, чувствуя, как раздражение постепенно вытесняет осторожность.

— Будешь отвечать, когда тебя спрашивают!

— Тогда научись сначала задавать вопросы, а не орать на всю столовую.

Каспер, сидевший рядом, едва заметно коснулся моего локтя.

— Кай, не стоит, — негромко произнёс он.

Однако отступать было поздно.

Амок уже обогнул край стола, приближаясь ко мне с выра-

жением такой откровенной ненависти, будто только и ждал подходящего повода для расправы.

Мажор наблюдал за происходящим, не предпринимая ни малейшей попытки остановить его.

— Жору убил Атаман, — произнёс я, глядя на приближавшегося Амока. — Не я.

Мажор коротко рассмеялся.

— Атаман, значит? Удобно ты всё придумал. Получается, ты ни при чём, а виноват какой-то невидимый приятель?

Я стиснул зубы, понимая, насколько нелепо мои объяснения должны звучать для человека, не подозревающего о существовании второго сознания.

Они не видели Атамана, не слышали его голоса и не могли представить, что внутри одного тела способны существовать две самостоятельные личности, каждая из которых стремится распоряжаться происходящим по собственному усмотрению.

Для них все поступки Атамана неизбежно становились моими поступками.

Именно эта неразделимость превращала правду в самое неправдоподобное оправдание.

— Слышал, что он несёт? — обратился мажор к Амоку, продолжая усмехаться.

Тот, не ответив, резко схватил меня за одежду на груди и с такой силой дёрнул на себя, что край стола болезненно вдавился мне в живот.

Попытавшись освободиться, я ударил его по запястью, однако пальцы Амока лишь крепче сжали ткань.

— Отпусти меня, пока сам не пожалел, — процедил я сквозь зубы.

В ответ он попытался ударить меня свободной рукой.

Уклонившись, я упёрся ладонью в столешницу и, резко вывернувшись, оттолкнул его от себя.

Раздался грохот падающей посуды.

Кто-то вскочил со скамьи, опрокинув её на пол, а вокруг немедленно поднялся возмущённый гул.

Амок, потеряв равновесие лишь на мгновение, снова бросился на меня.

Первый удар пришёлся в плечо, заставив меня отступить, тогда как от второго удалось уклониться, хотя теснота между столами практически лишала возможности маневрировать.

Почувствовав, как его пальцы сомкнулись на моей шее, я ударил в ответ, стараясь освободиться прежде, чем он окончательно прижмёт меня к скамье.

Перед глазами мелькнуло перекошенное яростью лицо.

Вокруг кричали, кто-то пытался разнять нас, однако отдельные голоса сливались в сплошной гул, сквозь который я едва различал собственное учащённое дыхание.

Каспер что-то говорил, настойчиво пытаясь привлечь моё внимание, но я уже не мог разобрать его слов.

Внезапно чьи-то сильные руки схватили меня сзади, резко оттаскивая от Амока.

Обернувшись, я успел увидеть Боса.

Прежде чем мне удалось понять его намерения, последовал тяжёлый удар по голове, от которого окружающее пространство на мгновение утратило привычные очертания.

Пошатнувшись, я попытался удержаться на ногах, однако сбоку возник Шнырёв, и новый удар окончательно лишил меня равновесия.

Столы, лица и тусклые потолочные светильники смешались в бесформенное пятно.

Падая, я ещё успел заметить расплескавшийся по полу чай, перевёрнутую кружку и чьи-то ноги, поспешно отступавшие в сторону.

Затем шум столовой начал постепенно отдаляться, превращаясь в низкий, протяжный гул, внутри которого неожиданно проступили ритмичные удары басов.

Громкая музыка обрушилась на меня прежде, чем я успел открыть глаза.

Оказавшись посреди полутёмного помещения, наполненного густым табачным дымом, я некоторое время пытался понять, каким образом больничная столовая могла превратиться в ночной клуб.

Под потолком медленно вращались разноцветные световые пятна, скользившие по лицам посетителей, стенам и тесно расставленным столикам. Из массивных колонок доносилась оглушительная музыка, заставлявшая дрожать стёкла и отдававшаяся неприятной вибрацией где-то под рёбрами.

Возле барной стойки, заставленной бутылками с яркими иностранными этикетками, толпились молодые люди в кожаных куртках, широких пиджаках и джинсах, которые ещё недавно считались едва ли не главным признаком достатка.

Девушки, щедро воспользовавшиеся косметикой, смеялись, поправляя пышные причёски, а мужчины, перекрикивая музыку, обсуждали деньги, автомобили и какие-то сомнительные сделки.

В обстановке заведения чувствовалась характерная для девяностых попытка изобразить роскошную жизнь, прикрывая её внешним блеском убогость окружающей действительности.

Я уже научился узнавать подобные видения по особому ощущению времени, которое невозможно было объяснить, но трудно с чем-либо перепутать.

Судя по обстановке, передо мной вновь разворачивались события 1993 года.

Постепенно привыкнув к полумраку, я заметил за одним из столиков знакомую компанию.

Мажор сидел, развалившись на мягком диване, лениво вращая в пальцах стакан с янтарной жидкостью. Его волосы были тщательно уложены, ворот дорогой рубашки небрежно расстёгнут, а на шее поблёскивала массивная золотая цепочка.

Напротив расположился Жора, который даже во время разговора не переставал жевать, время от времени протяги-

вая руку к тарелке с закуской.

Рядом с ними стоял Амок.

Узнав его, я невольно остановился.

В прошлом он выглядел моложе, однако уже тогда в его движениях чувствовалась неприятная нервозность, а взгляд, постоянно скользивший по сторонам, выдавал человека, привыкшего настороженно следить за окружающими.

Подойдя ближе, я остановился возле стола, прекрасно понимая, что присутствующие не способны ни увидеть, ни услышать меня.

— Мне неприятности не нужны, — раздражённо говорил мажор, обращаясь к Амоку. — Сколько раз тебе повторять, чтобы всё происходило тихо?

— Я же сказал, что разберусь, — ответил тот.

— Ты постоянно разбираешься, а потом приходится исправлять последствия твоей самодеятельности.

Жора, оторвавшись от тарелки, недовольно проворчал:

— Исправлять-то мне приходится.

Мажор медленно повернул к нему голову.

— А тебя кто-нибудь спрашивал?

Толстяк поспешно опустил взгляд, предпочтя продолжить трапезу.

Мажор снова обратился к Амоку:

— Твоя задача простая: найти подходящих девчонок и привезти сюда, не привлекая лишнего внимания. Никаких свидетелей, никаких разговоров и уж тем более никаких

неприятностей с милицией.

Амок молча кивнул.

— А если снова что-нибудь пойдёт не так, — продолжил мажор, — последствия будешь устранять самостоятельно.

Затем он повернулся к Жоре.

— И ты заканчивай жаловаться. Мне совершенно неинтересно, насколько тяжело тебе приходится копать землю.

Жора, вытерев рот ладонью, поспешил заверить:

— Там всё надёжно. Никто ничего не найдёт.

— Вот и постарайся, чтобы так оставалось.

На несколько мгновений музыка стала громче, и остаток разговора утонул в оглушительных басах.

Я стоял неподвижно, постепенно осознавая истинный смысл услышанного.

Амок занимался поиском и похищением девушек, доставляя их мажору, тогда как Жора избавлялся от последствий преступлений, скрывая тела несчастных там, где их никто не должен был обнаружить.

В памяти всплыло кладбище, которое я видел в одном из предыдущих видений, и фигура отца, стоявшего перед человеком, обречённым расплатиться за совершённое.

Теперь отдельные события прошлого постепенно складывались в единую картину, обнажая связи, о существовании которых я прежде мог лишь догадываться.

Посмотрев на Жору, я почувствовал отвращение.

Толстяк продолжал поглощать еду с таким удовольстви-

ем, словно только что обсуждал не судьбы погубленных девушек, а предстоящую закупку продуктов.

Его невозмутимость казалась особенно чудовищной на фоне услышанного разговора.

Я уже собирался приблизиться к мажору, надеясь уловить продолжение беседы, когда музыка неожиданно оборвалась, а клубный полумрак начал стремительно растворяться.

Вместо табачного дыма я почувствовал холодный запах сырой земли, машинного масла и старого железа.

Передо мной протянулись длинные ряды гаражей, разделённых узкими проездами, в которых ещё сохранились грязные лужи после недавнего дождя.

Ржавые ворота, покрытые облупившейся краской, тускло поблёскивали под бледным небом. Возле стен валялись промасленные тряпки, обломки досок и пустые жестяные банки, а где-то вдалеке надрывно лаяла собака.

Впереди шёл отец.

Узнав его по знакомой походке, я поспешил следом, стараясь не потерять его из виду среди одинаковых гаражных построек.

Однако почти сразу моё внимание привлекла другая фигура.

На некотором расстоянии перед отцом двигалось высокое существо, облачённое в длинный кожаный плащ.

Я узнал этот плащ мгновенно.

Когда-то он принадлежал отцу.

Теперь же его носило нечто, чья природа оставалась для меня загадкой.

Сущность двигалась бесшумно, временами останавливаясь возле очередного поворота, словно намеренно указывая направление человеку, следовавшему за ней.

Отец не задавал вопросов.

Сосредоточенно глядя перед собой, он продолжал идти, будто уже давно привык доверять своему жуткому спутнику.

Наблюдая за ними, я невольно вспомнил, как постепенно менялись обстоятельства его жизни после первых убийств.

С каждым новым преступлением сущность становилась сильнее, всё настойчивее вмешиваясь в происходящее, тогда как отец, одержимый желанием отомстить за предполагаемую гибель Вани, всё глубже погружался в зависимость от её помощи.

Внезапно существо остановилось возле одного из гаражей.

Из-за приоткрытых ворот донёсся испуганный женский голос.

— Отпусти меня! Пожалуйста, мне больно!

Приблизившись, я увидел Амока, который, крепко удерживая молодую девушку за руку, пытался силой затащить её внутрь.

Несчастная сопротивлялась, упираясь свободной ладонью в железный косяк, однако мужчина лишь сильнее выкручивал ей руку, заставляя согнуться от боли.

— Заходи, тебе сказали! — раздражённо процедил он.

— Отпусти её.

Голос отца прозвучал негромко, но в его спокойствии чувствовалась такая холодная решимость, что Амок невольно замер.

Обернувшись, он несколько секунд разглядывал незнакомца, после чего его взгляд остановился на пистолете, который отец держал в руке.

— Ты кто такой? — настороженно спросил Амок.

— Отпусти девушку.

Отец приблизился ещё на несколько шагов, не сводя с него глаз.

Почувствовав, что сопротивление может закончиться значительно хуже, Амок разжал пальцы, позволяя девушке отступить к стене.

Она прижала освобождённую руку к груди и, испуганно переводя взгляд с одного мужчины на другого, замерла, не решаясь убежать.

— Отойди подальше, — приказал отец, обращаясь к ней.

Девушка послушно сделала несколько шагов, продолжая настороженно наблюдать за происходящим.

Затем отец указал пистолетом на гараж.

— А ты заходи внутрь.

— Послушай, мужик, давай спокойно поговорим…

— Внутрь, я сказал.

Не решаясь спорить, Амок медленно попятился, после че-

го скрылся за воротами.

Отец последовал за ним.

Я вошёл следом, стараясь рассмотреть окружающую обстановку.

Под потолком горела одинокая лампочка без плафона, освещая старый верстак, покрытый пятнами машинного масла. Вдоль стены тянулись полки с инструментами, банками и автомобильными деталями, а в дальнем углу громоздились изношенные покрышки.

Всё здесь выглядело настолько обыденно, что трудно было представить, какие преступления могли совершаться за этими ржавыми воротами.

Однако при взгляде на Амока я невольно вспомнил историю о Ване и обещанном ему новом луке.

Почувствовав, как внутри поднимается глухая ненависть, я сжал кулаки.

Отец остановился напротив Амока.

— Мальчика помнишь? — спросил он.

— Какого ещё мальчика?

— Которого встретил возле озера. В жёлтой ветровке.

Амок заметно напрягся.

На его лице промелькнуло выражение растерянности, быстро сменившееся настороженным недоумением, однако эта короткая перемена не укрылась от отца.

— Значит, вспомнил, — произнёс он, чуть приподнимая пистолет.

— Я не понимаю, о чём ты…

— Кто был с тобой?

— Никого со мной не было.

— Куда ты дел мальчика?

Амок нервно облизнул губы, после чего украдкой посмотрел на приоткрытые ворота, словно прикидывая расстояние до выхода.

Заметив это движение, отец сместился в сторону, окончательно перекрывая ему путь.

— Даже не думай убежать.

— Ты всё неправильно понял…

— Тогда объясни мне, что произошло.

Позади отца, почти сливаясь с тенью у дальней стены, неподвижно стояла сущность.

Складки кожаного плаща едва заметно колыхались, хотя внутри гаража не ощущалось ни малейшего движения воздуха.

Её лицо оставалось скрытым, но я почему-то был уверен, что она внимательно наблюдает за происходящим, ожидая определённого решения.

— Девушку зачем притащил? — продолжил отец. — Тоже случайно?

— Она сама согласилась…

— Я видел, как ты её тащил.

Амок замолчал.

Отец смотрел на него с таким выражением, словно пытал-

ся обнаружить в его лице ответы на все вопросы, которые преследовали его после исчезновения Вани.

Возможно, он надеялся услышать признание, узнать подробности произошедшего или хотя бы понять, почему судьба свела его младшего сына с этим человеком.

Но чем дольше продолжалось молчание, тем отчётливее становилось, что получить желаемые ответы ему не удастся.

Я стоял совсем рядом, ощущая собственное бессилие.

Мне хотелось остановить отца, заставить его задуматься о последствиях, напомнить, что даже самое сильное желание отомстить не способно вернуть утраченное.

Однако прекрасно понимая бесполезность подобных попыток, я всё же невольно произнёс:

— Батя, не надо…

Мой голос растворился в неподвижном воздухе гаража.

В этот момент сущность едва заметно подалась вперёд.

Отец поднял пистолет.

Амок успел раскрыть рот, собираясь что-то сказать, однако выстрел оборвал его слова.

Оглушительный звук ударился о железные ворота и бетонные стены, заставив меня невольно вздрогнуть.

Амока резко отбросило назад.

Задев плечом верстак, он смахнул на пол жестяную банку, содержимое которой с металлическим звоном рассыпалось по бетону.

Потеряв равновесие, мужчина рухнул рядом с разбросан-

ными гайками и инструментами.

Из-под его головы начала медленно растекаться кровь, заполняя небольшие углубления в неровном полу.

Несколько мгновений я неподвижно смотрел на лежащего человека, пытаясь осознать произошедшее.

Это был уже четвёртый выстрел отцовского пистолета.

И хотя передо мной находился человек, причастный к чудовищным преступлениям, сама лёгкость, с которой отец принимал подобные решения, вызывала всё возрастающую тревогу.

Опустив оружие, он некоторое время смотрел на Амока, после чего медленно повернулся к выходу.

В дверном проёме стояла спасённая девушка.

Её лицо побледнело, губы дрожали, а широко раскрытые глаза неотрывно следили за мужчиной, державшим пистолет.

Она видела произошедшее.

Видела лицо отца.

И, судя по выражению её глаз, запомнила его достаточно хорошо.

Отец на мгновение задержался, словно собираясь что-то сказать, однако затем молча направился к выходу.

Девушка поспешно отступила, пропуская его.

Следом за ним двинулась сущность, скользнув мимо несчастной настолько близко, что край кожаного плаща едва не коснулся её руки.

Однако девушка никак не отреагировала, продолжая смотреть вслед удаляющемуся человеку.

Очевидно, она не видела того, кто сопровождал моего отца.

Я остался возле Амока, ожидая, что видение вот-вот закончится.

Казалось, всё необходимое уже произошло: отец нашёл очередного виновного, произвёл выстрел и покинул место преступления.

Однако окружающая обстановка продолжала сохранять прежнюю отчётливость.

Лампочка под потолком мерно покачивалась, освещая неподвижное тело, а за стенами гаража постепенно стихали удаляющиеся шаги.

Внезапно я заметил едва уловимое движение.

Грудь Амока слабо приподнялась, после чего из его горла вырвался хриплый, прерывистый вдох.

Он был жив.

Девушка, всё ещё стоявшая неподалёку, тоже заметила это.

Осторожно приблизившись, она наклонилась над лежащим мужчиной, однако почти сразу отпрянула, прикрыв рот ладонью.

Несколько секунд она растерянно оглядывалась, словно не понимая, что следует предпринять, после чего выбежала наружу.

— Помогите! — раздался её отчаянный крик. — Кто-нибудь, вызовите скорую! И милицию вызовите!

Дальнейшие события начали сменять друг друга с такой стремительностью, словно кто-то невидимый перелистывал страницы книги, позволяя мне увидеть лишь наиболее важные фрагменты происходящего.

Перед гаражом остановилась машина скорой помощи.

Люди в медицинской одежде торопливо внесли носилки, после чего принялись оказывать помощь Амоку.

Вскоре его осторожно вынесли наружу, продолжая выполнять необходимые действия, и погрузили в автомобиль.

Несмотря на тяжёлое состояние, он оставался жив.

Неподалёку стояла девушка, окружённая сотрудниками милиции.

Она отвечала на вопросы, то и дело сбиваясь от волнения, показывала в сторону гаража и пыталась объяснить, каким образом неизвестный мужчина появился возле ворот.

Я приблизился, стараясь расслышать её слова.

— Он заставил его зайти внутрь… — говорила девушка, с трудом сдерживая дрожь. — Потом я услышала выстрел, а когда заглянула, тот уже лежал на полу…

Один из милиционеров что-то записывал в блокнот, периодически уточняя отдельные подробности.

— Мужчину, который стрелял, хорошо рассмотрели?

— Да, — ответила она после непродолжительной паузы. — Я стояла совсем рядом.

— Сможете описать его внешность?

Девушка кивнула.

И начала подробно рассказывать о человеке, который только что спас её от похитителя.

Слушая её показания, я постепенно осознавал, насколько серьёзными могли оказаться последствия произошедшего.

Отец, стремясь отомстить за предполагаемую гибель Вани, уже совершил несколько убийств, однако теперь его действия получили свидетеля, способного не только рассказать об обстоятельствах преступления, но и подробно описать внешность стрелявшего.

В отличие от предыдущих случаев, когда следы расправы могли оставаться скрытыми, теперь милиция получала вполне определённое направление для поисков.

Сам того не подозревая, отец оказался на пороге разоблачения.

И всё это произошло благодаря девушке, жизнь которой он только что спас.

Она не пыталась причинить ему вред и не имела ни малейшего представления о причинах, заставивших его преследовать Амока.

Рассказывая о случившемся, девушка лишь сообщала правду, не подозревая, что её свидетельство способно изменить дальнейшую судьбу человека, которому она была обязана своим спасением.

Я посмотрел на машину скорой помощи.

Дверцы уже закрывались, скрывая от меня неподвижное тело Амока.

Он не погиб от отцовского выстрела.

Полученное ранение оказалось тяжёлым, однако своевременная помощь позволила сохранить ему жизнь, хотя сознание так и не вернулось.

Передо мной постепенно складывалась ещё одна часть прошлого, объяснявшая, почему человек, которого отец считал убитым, остался жив.

Но значительно сильнее меня тревожило другое обстоятельство.

Теперь лицо отца запомнили.

Его действия перестали оставаться тайной.

И я невольно задумался, насколько быстро об этом узнает сущность, сопровождавшая его в кожаном плаще.

Ведь если её существование действительно зависело от дальнейших поступков отца, появившаяся угроза разоблачения могла оказаться для неё совершенно нежелательной.

Впрочем, ответ на этот вопрос мне ещё предстояло узнать.

Окружающие предметы начали постепенно терять очертания, а голоса милиционеров и медицинских работников растворились в нарастающем гуле.

— Кай, ты меня слышишь?

Знакомый голос донёсся словно издалека, постепенно возвращая меня к действительности.

Открыв глаза, я почувствовал резкую боль в затылке, уси-

лившуюся при первой же попытке повернуть голову.

Надо мной нависал тусклый потолок больничной палаты, а неподалёку, склонившись вперёд, сидел Каспер.

Несколько мгновений я смотрел на него, пытаясь окончательно отделить события прошлого от окружающей действительности.

Перед глазами всё ещё стояли ржавые гаражные ворота, неподвижное тело Амока и девушка, подробно описывавшая милиционеру внешность моего отца.

— Амок… — с трудом произнёс я, почувствовав неприятную сухость во рту.

Каспер внимательно посмотрел на меня.

— Что с ним?

— Он тогда не погиб, — ответил я, стараясь привести мысли в порядок. — После выстрела отца его увезла скорая помощь.

Каспер не стал перебивать, позволяя мне закончить.

— Девушка, которую отец спас, вызвала врачей и милицию. Благодаря ей Амок остался жив.

Я ненадолго замолчал, прислушиваясь к привычным звукам палаты.

Где-то скрипнула кроватная пружина, послышался приглушённый кашель, а из коридора донеслись чьи-то неторопливые шаги.

Окружающая действительность постепенно возвращала себе привычную устойчивость, однако увиденное продолжа-

ло тревожить меня.

Отец покинул гараж, будучи уверенным, что завершил очередную расправу над человеком, которого считал причастным к исчезновению Вани.

Он не знал, что Амок выживет.

Не подозревал и о том, что спасённая девушка, пытаясь помочь раненому, станет свидетелем, способным направить милицию по его следу.

Вновь закрыв глаза, я попытался представить, какие последствия могло иметь это обстоятельство для дальнейших событий.

Перед внутренним взором снова возникла фигура в кожаном плаще, бесшумно следовавшая за отцом между гаражами.

Сущность, постепенно усиливавшаяся после каждого убийства, теперь могла столкнуться с угрозой потерять человека, благодаря которому продолжала осуществлять свои намерения.

И если прежде она помогала отцу находить виновных, то теперь у неё могла появиться совершенно иная причина вмешаться в его судьбу.

Я медленно открыл глаза, ощущая, как неприятный холод распространяется по телу.

Девушка спасла жизнь Амоку, не позволив ему умереть после отцовского выстрела.

Но, сама того не подозревая, она одновременно поставила

под угрозу свободу человека, который только что избавил её от похитителя.

И самое страшное заключалось в том, что она запомнила лицо моего отца.

Эпизод 23. Чужая красота

Возвращение в действительность оказалось не менее мучительным, чем само видение, из которого мне наконец удалось вырваться. Перед глазами всё ещё стояла девушка, склонившаяся над неподвижным телом Амока, а в ушах продолжал звучать её встревоженный голос, призывавший на помощь людей, способных предотвратить неизбежное.

Я лежал на своей койке, прислушиваясь к знакомым звукам палаты и пытаясь окончательно избавиться от ощущения, будто какая-то часть моего сознания по-прежнему оставалась там, в девяностых, среди событий, последствия которых продолжали преследовать меня даже спустя столько лет.

Особенно тревожило обстоятельство, которому прежде я не придал должного значения. Девушка не только спасла Амоку жизнь, но и успела разглядеть лицо моего отца, а значит, его поступок уже не мог остаться незамеченным.

От этой мысли становилось не по себе, поскольку я начинал понимать, насколько опасным оказался путь, избранный человеком, которого когда-то считал воплощением справедливости.

— Очнулся наконец, — раздался рядом голос Каспера, за-

ставивший меня повернуть голову. — А я уже начал сомневаться, собираешься ли ты возвращаться.

Он сидел неподалёку, привычно сохраняя невозмутимое выражение лица, однако в его взгляде угадывалось беспокойство, которое он, по всей видимости, предпочитал скрывать за обычной насмешливостью.

— Долго меня не было? — спросил я, приподнимаясь на локтях.

— Достаточно, чтобы я успел заскучать, но недостаточно, чтобы окончательно потерять надежду на твоё возвращение.

Я провёл ладонью по лицу, стараясь прогнать остатки неприятного оцепенения.

— Опять видел прошлое.

— Начинаю подозревать, что оно нравится тебе значительно больше настоящего.

— Если бы ты знал, что именно мне приходится там наблюдать, вряд ли стал бы так шутить.

Каспер некоторое время рассматривал меня, словно пытаясь определить, насколько серьёзно следует воспринимать мои слова, после чего перевёл взгляд в сторону соседней койки.

— Тогда, возможно, тебе стоит поговорить с нашим товарищем, который, в отличие от тебя, готов на всё, лишь бы больше никогда ничего не видеть.

Проследив за направлением его взгляда, я заметил Емелю.

Он сидел на краю постели, сгорбившись и обхватив голову

руками, причём его измученное лицо настолько изменилось за последние дни, что я с трудом узнавал в нём прежнего человека. Под глазами залегли глубокие тени, кожа приобрела болезненный оттенок, а взгляд, беспрестанно перемещавшийся между дверью и противоположным углом палаты, выдавал состояние крайнего нервного истощения.

— Ты вообще спал сегодня? — поинтересовался я, присаживаясь рядом.

Емеля медленно поднял голову.

— Спал, — ответил он, нервно облизнув пересохшие губы. — Минут пять, наверное, а может, десять, только я больше не собираюсь этого делать.

— Почему?

Мужчина посмотрел на меня с таким выражением, будто я задал вопрос, ответ на который должен был быть очевиден каждому присутствующему.

— Потому что он ждёт, когда я засну.

Я невольно вспомнил недавнее происшествие, когда Емеля, обезумев от ужаса, пытался уклониться от ударов невидимого противника, а Каспер, наблюдая за чем-то недоступным моему зрению, отдавал команды, которым нам приходилось подчиняться.

— Ты опять видел человека в плаще?

— Я его постоянно вижу! — Емеля повысил голос, однако, заметив, что бродяга заворочался на соседней койке, испуганно понизил его почти до шёпота. — Стоит закрыть гла-

за, как он появляется передо мной, словно только этого и дожидался.

— Но ведь в прошлый раз тебе удалось избежать нападения.

— А кто сказал, что следующего раза я тоже переживу?

Его пальцы судорожно сжимали край простыни, пока он пытался справиться с дрожью, охватившей всё тело.

— Понимаешь, Кай, я ведь уже не знаю, когда сплю, а когда бодрствую. Иногда мне кажется, что я просто моргнул, а потом обнаруживаю себя совсем в другом месте, хотя продолжаю сидеть на собственной кровати.

Он замолчал, прислушиваясь к чему-то, чего я не слышал.

— Сегодня я задремал всего на несколько минут, — продолжил Емеля, наклонившись ко мне. — Мне показалось, будто кто-то стоит за спиной и медленно проводит пальцами по моей шее. Я проснулся, обернулся, а там никого, только ощущение осталось, словно меня действительно касались.

— От недосыпания могут возникать галлюцинации, — осторожно заметил я.

— Галлюцинации? — Он горько усмехнулся. — Ты сам видел, что произошло со мной прошлой ночью, и теперь хочешь убедить, будто всё это мне привиделось?

Возразить оказалось значительно сложнее, чем я предполагал, поскольку происходившее в палате действительно выходило далеко за пределы привычных представлений о человеческом сознании.

— Я не утверждаю, что ты всё придумал.

— Тогда скажи, как мне спать, стоит только закрыть глаза — и эта тварь снова оказывается рядом?

Каспер, до этого молча наблюдавший за нашим разговором, придвинулся ближе.

— Человеческий мозг не способен бесконечно обходиться без сна, — произнёс он, внимательно рассматривая Емелю. — Когда организм лишается полноценного отдыха, граница между восприятием действительности и образами, возникающими внутри сознания, постепенно размывается.

— Мне от этого легче должно стать? — раздражённо спросил Емеля.

— Скорее наоборот, поскольку рано или поздно ты перестанешь замечать момент, когда начинаешь засыпать.

Емеля побледнел ещё сильнее.

— Значит, он сможет добраться до меня, даже когда я буду думать, что не сплю?

Каспер не ответил сразу, и возникшее молчание показалось мне значительно красноречивее любых объяснений.

— Существует явление, называемое микросном, — продолжил он наконец. — При сильном истощении мозг способен на несколько секунд отключать отдельные механизмы бодрствования, причём человек далеко не всегда осознаёт происходящее.

— Несколько секунд… — повторил Емеля, словно пробуя эти слова на вкус. — Ему ведь и нескольких секунд хватит.

Я посмотрел на Каспера, ожидая, что тот попытается успокоить несчастного, однако он лишь задумчиво опустил глаза.

— Ты не можешь утверждать, что он обязательно вернётся, — вмешался я.

— А ты можешь обещать, что не вернётся?

Этот вопрос заставил меня замолчать.

Емеля тяжело вздохнул, после чего снова уставился в тот самый угол, где прежде ему привиделась сущность в кожаном плаще.

— Самое страшное даже не то, что он приходит во сне, — неожиданно произнёс мужчина. — Я теперь боюсь оставаться один, потому что видел его здесь, когда совершенно точно не спал.

Он повернулся ко мне, и в его глазах отразилось такое отчаяние, что я невольно почувствовал неловкость от собственной беспомощности.

— Если он снова появится, вы ведь не оставите меня?

— Не оставим, — ответил я, хотя прекрасно понимал, насколько мало зависит от моего обещания.

Каспер ничего не добавил, продолжая внимательно рассматривать пространство за спиной Емели.

Однако теперь, наблюдая за измученным мужчиной, я неожиданно поймал себя на мысли, которая прежде почему-то не приходила мне в голову.

Человек в плаще, преследовавший Емелю, был не случай-

ным порождением его воспалённого сознания. Я уже достаточно знал о сущности, сопровождавшей моего отца, чтобы понимать, насколько опасным может оказаться её появление.

Но если она действительно охотилась за Емелей, следовательно, на это должна была существовать причина.

Ведь прежде эта тварь появлялась рядом с людьми, так или иначе связанными с трагедией нашей семьи.

Я внимательно посмотрел на Емелю, пытаясь представить, какое место он мог занимать среди событий, произошедших много лет назад.

— Слушай, Емеля, а кем ты был до того, как оказался здесь?

Он удивлённо поднял голову.

— В каком смысле?

— Чем занимался, где работал, как вообще жил?

Мужчина некоторое время рассматривал меня, словно пытаясь понять, почему я вдруг заинтересовался его прошлым.

— Следователем я работал, — наконец ответил он, и в его голосе неожиданно прозвучали нотки прежней уверенности. — В милиции, между прочим, не один год отслужил.

Признание заставило меня насторожиться.

— Следователем?

— А что тебя удивляет? — Емеля даже попытался улыбнуться. — Не всегда же я таким был, как сейчас.

Я невольно представил, как он сидит за письменным сто-

лом, заваленным уголовными делами, протоколами допросов и фотографиями с мест преступлений.

Впрочем, представить этого измученного человека в роли защитника закона оказалось непросто.

— Значит, преступников ловил?

— А кто же ещё должен был этим заниматься? — ответил он, немного оживившись. — Работа у нас была непростая, особенно в девяностые, когда кругом творилось такое, что иной раз и вспомнить страшно.

Упоминание девяностых заставило меня внутренне напрячься.

— И много преступлений удалось раскрыть?

Емеля пожал плечами.

— По-разному бывало, конечно. Некоторые дела месяцами тянулись, другие годами, а иногда всё складывалось так удачно, что преступника практически за руку приводили.

— Наверное, приятно было, когда удавалось найти виновного?

— Ещё бы! — Он впервые за всё время нашего разговора заметно оживился. — Особенно когда дело громкое, начальство на ушах стоит, все требуют результатов, а ты берёшь и находишь того, кого остальные никак вычислить не могли.

Я продолжал внимательно наблюдать за ним, стараясь не выдать возникшего подозрения.

— А невиновных не приходилось обвинять?

Емеля нахмурился.

— Ты чего это спрашиваешь?

— Просто интересно, ведь следователь тоже может ошибиться.

— Ошибиться каждый может, — уклончиво ответил он. — Только у нас ведь не на одних догадках всё строилось. Свидетели, показания, вещественные доказательства — без этого человека просто так не обвинишь.

Он немного помолчал, словно мысленно возвращаясь к давно минувшим событиям.

— Помню, было у меня одно непростое дело, когда несколько преступлений удалось связать с одним человеком. Сначала казалось, будто между ними ничего общего, а потом выяснилось, что всё гораздо проще, чем представлялось.

— И ты его нашёл?

— Нашёл, конечно, — с заметным удовлетворением ответил Емеля. — Там уже и свидетели имелись, и улики, оставалось только всё правильно оформить.

Я почувствовал, как внутри неприятно шевельнулось подозрение.

— А почему ты решил, что виноват именно он?

Емеля удивлённо посмотрел на меня.

— Так доказательства же были, говорю тебе. Не с потолка ведь обвинение взяли.

— Но ведь бывает, что обстоятельства складываются против человека, хотя на самом деле он ни в чём не виноват.

— Бывает, — нехотя согласился мужчина. — Только сле-

дователь должен опираться на факты, а не на собственные чувства.

Последние слова прозвучали настолько уверенно, что я на мгновение усомнился в своих подозрениях.

Передо мной сидел человек, искренне считавший себя добросовестным служителем закона, который всю жизнь занимался поиском преступников и защитой невиновных.

Однако тогда совершенно непонятным оставалось другое.

Почему он оказался здесь, среди людей, чьи судьбы так или иначе были связаны с преступлениями прошлого?

И почему сущность моего отца пыталась его уничтожить?

— Емеля, а скажи мне ещё кое-что, — осторожно продолжил я. — Ты никогда не расследовал убийство ребёнка?

Он заметно напрягся.

— Ребёнка?

— Мальчика, например.

Мужчина отвёл взгляд, после чего устало потёр переносицу.

— Всякое бывало, Кай. За столько лет через мои руки прошло столько дел, что теперь уже и не вспомнишь каждого.

— А если убийцу найти не удавалось?

— Значит, не хватало доказательств, — ответил он, пожав плечами. — Не всё ведь от следователя зависит.

— И что тогда происходило с делом?

— Оставалось нераскрытым, пока новые обстоятельства

не появятся.

Он произнёс это настолько буднично, словно речь шла о какой-нибудь незначительной служебной неприятности.

— А родственники погибшего? — спросил я, чувствуя, как постепенно усиливается раздражение. — Они ведь продолжали ждать, надеяться, что виновного найдут?

Емеля тяжело вздохнул.

— Конечно, ждали. Только ты пойми, Кай, следователь не волшебник, чтобы по одному желанию преступников находить.

Я некоторое время молчал, рассматривая его усталое лицо.

Возможно, он действительно был ни в чём не виноват, а мои подозрения возникли исключительно из-за того, что я слишком многое узнал о прошлом собственного отца.

Однако внутреннее ощущение, будто Емеля скрывает нечто чрезвычайно важное, продолжало усиливаться.

— Тогда объясни мне одну вещь, — наконец произнёс я. — Если ты всю жизнь помогал людям, почему оказался здесь?

Он растерянно посмотрел на меня.

— А ты сам-то почему здесь?

Вопрос оказался неожиданным.

— Я пока пытаюсь это выяснить.

— Вот и я пытаюсь, — ответил Емеля, разведя руками. — Только, в отличие от тебя, мне теперь ещё и спать нельзя,

потому что какая-то тварь решила меня со свету сжить.

Я наклонился ближе.

— А ты никогда не задумывался, почему она преследует именно тебя?

Емеля побледнел.

— Что ты хочешь сказать?

— Может быть, в твоём прошлом произошло что-то, о чём ты предпочёл бы забыть?

Он долго смотрел на меня, после чего медленно покачал головой.

— Не знаю, Кай. Я действительно не знаю, за что мне всё это.

В его голосе прозвучала такая искренняя растерянность, что я невольно почувствовал сомнение.

— Я никого не убивал, — продолжил он, опустив глаза. — Всю жизнь преступников искал, людей защищал, а теперь выходит, будто сам оказался среди тех, кого раньше за решётку отправлял.

Каспер, до этого молча наблюдавший за нашим разговором, неожиданно произнёс:

— Иногда человек может причинить другому значительно больше вреда своим бездействием, чем поступком, который совершил намеренно.

Емеля повернулся к нему.

— Это ты к чему?

— Просто размышляю о том, насколько различными бы-

вают причины человеческих несчастий.

— Мне твоих загадок сейчас только не хватало, — раздражённо пробормотал мужчина.

Я посмотрел на Каспера, пытаясь понять, случайно ли он произнёс эти слова или действительно знал о прошлом Емели нечто такое, что пока предпочитал скрывать.

Однако его лицо оставалось совершенно невозмутимым.

Емеля тем временем вновь перевёл взгляд в сторону пустого угла.

— Мне бы только выспаться, — прошептал он. — Хотя бы одну ночь спокойно поспать, чтобы никто не приходил и не пытался меня убить.

Я уже собирался ответить, когда заметил, что бродяга, лежавший неподалёку, уже некоторое время прислушивался к нашему разговору.

Он устроился на боку, прикрывшись одеялом до подбородка, однако, встретившись со мной взглядом, поспешно отвернулся.

Амок, занимавший одну из соседних коек, по-прежнему спал, не проявляя никакого интереса к происходящему.

Разговор постепенно затих, и я, воспользовавшись возникшей паузой, потянулся к книге Жнеца, лежавшей неподалёку.

После появления имени Емели я всё чаще ловил себя на мысли, что начинаю воспринимать её не просто как загадочный предмет, доставшийся мне при весьма странных обсто-

ятельствах, а как своеобразное предупреждение, смысл которого становился понятен лишь тогда, когда изменить происходящее оказывалось чрезвычайно трудно.

Положив книгу на колени, я осторожно раскрыл её.

Поначалу страницы оставались совершенно пустыми, однако спустя несколько мгновений по пожелтевшей бумаге пробежала едва заметная рябь, напоминавшая движение воды, потревоженной лёгким порывом ветра.

Затем в центре страницы проступили тёмные очертания букв.

Я наклонился ближе, наблюдая, как они постепенно складываются в знакомое слово.

БРОДЯГА.

Неприятный холод медленно распространился по спине.

— Каспер, — негромко позвал я, стараясь не привлекать внимания остальных. — Посмотри.

Он склонился над книгой и, прочитав появившееся имя, заметно помрачнел.

— Похоже, список продолжает пополняться.

— Это означает, что следующим умрёт он?

— Это означает, что вероятность такого исхода достаточно велика.

— Но Емеля ведь остался жив.

Каспер посмотрел на мужчину, который, борясь с сонливостью, продолжал напряжённо следить за противоположным углом палаты.

— Именно поэтому я бы не торопился считать написанное окончательным приговором.

— Тогда мы можем предупредить бродягу?

— Предупредить о чём, Кай? О том, что его имя появилось в книге, которая, по нашим предположениям, способна показывать наиболее вероятные события будущего?

Я невольно усмехнулся, представив реакцию бродяги на подобное объяснение.

— И всё-таки оставлять его в неведении тоже неправильно.

— Возможно, — задумчиво произнёс Каспер. — Только сначала стоило бы понять, от чего именно мы собираемся его спасать.

Я снова посмотрел на страницу, однако буквы уже начали бледнеть, постепенно растворяясь в пожелтевшей бумаге.

Когда исчезла последняя из них, дверь палаты неожиданно открылась.

На пороге появилась молодая медсестра, которую я уже видел прежде.

Её привлекательное лицо обрамляли аккуратно уложенные волосы, а безупречно сидевшая медицинская форма придавала облику ту внешнюю опрятность, которая особенно бросалась в глаза среди обитателей нашей казармы.

Она окинула помещение внимательным взглядом, после чего остановилась на койке бродяги.

— Поднимайтесь, вас ждут в процедурном кабинете.

Бродяга недоверчиво приподнял голову.

— Меня, что ли?

— Вас, — подтвердила медсестра, одарив его приветливой улыбкой. — Не заставляйте ждать, пожалуйста.

— А чего это вдруг?

— Обычное медицинское назначение, ничего страшного.

Он некоторое время разглядывал девушку, словно пытаясь определить, насколько искренни её слова, однако постепенно выражение подозрительности на его лице сменилось чем-то похожим на робкую заинтересованность.

— Ну, коли такая красавица приглашает, отчего ж не сходить, — пробормотал он, выбираясь из-под одеяла.

Медсестра улыбнулась ещё шире.

— Вот и замечательно.

Я проводил их взглядом, испытывая неприятное предчувствие, которое не мог объяснить ничем, кроме только что увиденного имени в книге.

— Каспер, мне это не нравится.

— Мне тоже, — тихо ответил он.

— Может, пойти следом?

— А что ты собираешься сказать? Что решил составить компанию человеку, которого пригласили на медицинскую процедуру?

Я не нашёлся с ответом, хотя тревога продолжала усиливаться.

Емеля тем временем, окончательно обессилев от борьбы

со сном, опустился на подушку, однако уже через несколько секунд резко вздрогнул и снова сел, судорожно оглядывая помещение.

— Не спать… Только не спать, — бормотал он, растирая ладонями лицо.

Я собирался вновь обратиться к Касперу, когда дверь открылась во второй раз.

На пороге стояла та же медсестра, однако теперь её сопровождал Бос.

Он вошёл первым, широко расставив плечи и окинув палату привычным высокомерным взглядом, после чего остановился возле моей койки.

— Собирайся, Кай, тебя вызывают.

— Кто?

— Ирина, — ответила медсестра прежде, чем Бос успел открыть рот. — Она хочет с вами поговорить.

Я почувствовал, как внутри неприятно похолодело.

Ещё несколько минут назад эта женщина увела бродягу, а теперь вернулась за мной, сославшись на Ирину, и подобное совпадение показалось слишком подозрительным, чтобы считать его случайностью.

Неужели бродяга успел рассказать ей о ночном происшествии?

Возможно, именно поэтому его вызвали первым, а теперь настала моя очередь отвечать на вопросы, к которым я совершенно не был готов.

— По какому поводу? — осторожно поинтересовался я.

— Мне не сообщили подробностей, — ответила медсестра. — Вас просто попросили проводить.

— А Бос зачем?

Тот усмехнулся, обнажив золотые коронки.

— Чтобы ты по дороге не передумал.

Я перевёл взгляд на Каспера, который, судя по выражению лица, тоже не испытывал особенного доверия к неожиданному приглашению.

— Ирина сама попросила меня прийти? — уточнил я.

— Именно так, — спокойно подтвердила девушка.

В её голосе не прозвучало ни малейшего раздражения, хотя я намеренно затягивал разговор, пытаясь понять, насколько правдоподобно звучит предложенное объяснение.

— Тогда идём, — произнёс я, поднимаясь с койки.

Каспер проводил меня внимательным взглядом.

— Постарайся вернуться раньше, чем наш товарищ окончательно перестанет различать сон и действительность.

Емеля, услышав собственное упоминание, испуганно посмотрел на нас.

— Вы ведь ненадолго?

— Постараюсь, — ответил я, направляясь к выходу.

Бос молча последовал за мной.

Коридор встретил нас привычным запахом лекарств и влажной штукатурки, однако сегодня даже знакомые звуки больницы казались мне подозрительными.

Медсестра шла впереди, уверенно ориентируясь среди одинаковых дверей, а Бос держался позади, не оставляя возможности незаметно вернуться в палату.

— Далеко ещё? — спросил я, заметив, что мы миновали привычный поворот.

— Почти пришли.

— Разве кабинет Ирины находится в этой стороне?

Девушка не обернулась.

— Сегодня она попросила встретиться с вами в другом помещении.

Подобный ответ окончательно убедил меня, что происходящее связано с бродягой, поскольку никаких иных причин для столь странной организации встречи я придумать не мог.

Вскоре мы остановились перед дверью, на которой виднелась потускневшая табличка с надписью «Процедурная».

Я нахмурился.

— Вы уверены, что нам сюда?

Медсестра повернулась, сохраняя всё ту же приветливую улыбку.

— Проходите, пожалуйста.

— Но вы говорили, что меня вызывает Ирина.

— Всё верно.

— Тогда почему мы пришли в процедурный кабинет?

Бос нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Да заходи ты уже, сколько можно вопросы задавать!

Я хотел возразить, однако, заметив, что девушка уже от-

крыла дверь, невольно заглянул внутрь.

Помещение оказалось значительно просторнее, чем я предполагал. Несколько медицинских шкафов, металлический столик с инструментами, кушетка и стоявшая возле неё стойка для капельницы создавали вполне обычную обстановку, если не считать того, что находившийся внутри человек совершенно не походил на пациента, спокойно ожидающего завершения процедуры.

На кушетке лежал бродяга.

Его правая рука была вытянута вдоль тела, а к установленной в вене игле тянулась прозрачная трубка, соединённая с подвешенной над ним ёмкостью.

При виде меня он попытался приподняться, однако тут же болезненно поморщился.

— Кай?.. А ты чего здесь?

Я остановился на пороге.

— Хотел спросить у тебя то же самое.

Бродяга перевёл взгляд на медсестру.

— Она сказала, что мне помочь хочет.

— В чём помочь?

Он смущённо отвёл глаза.

— Да так… По одному делу.

Медсестра тем временем приблизилась к кушетке, поправляя край белого халата.

— Не стоит стесняться своих желаний, — мягко произнесла она. — В каждом человеке живёт стремление стать

лучше, привлекательнее, счастливее, и ничего постыдного в этом нет.

Бродяга нервно усмехнулся.

— Вот именно, я ж ей и говорю, что другим всё достаётся, а мне будто нарочно ничего.

Я посмотрел на него с недоумением.

— О чём ты?

— Да о жизни, Кай, о чём же ещё! — раздражённо ответил он. — Посмотри на себя, молодой, здоровый, женщины на тебя внимание обращают, а я всю жизнь словно прокажённый, от которого каждый норовит отвернуться.

Его взгляд скользнул по лицу медсестры.

— Вот она, например, красивая, молодая, небось и мужики вокруг неё постоянно крутятся, а мне даже поговорить с такой женщиной раньше не доводилось.

Медсестра наклонилась к нему, и её улыбка приобрела странное выражение.

— Значит, вы хотели бы, чтобы окружающие смотрели на вас иначе?

— А кто ж не хотел бы?

— Чтобы женщины находили вас привлекательным, а мужчины завидовали вашей внешности?

Бродяга оживился.

— Вот именно! Чтобы хоть раз в жизни почувствовать себя человеком, которому есть чем гордиться.

— И ради этого вы готовы измениться?

— Да хоть сейчас, если такое возможно.

Девушка медленно выпрямилась.

— Тогда я действительно могу вам помочь.

Мне всё происходящее показалось настолько нелепым, что я невольно перевёл взгляд на Боса, ожидая увидеть хотя бы тень недоумения, однако тот продолжал стоять возле двери с совершенно безучастным выражением лица.

— Послушайте, — вмешался я, обращаясь к медсестре. — Мне кажется, вы что-то перепутали. Меня сюда вызвали якобы по просьбе Ирины, а вовсе не для обсуждения внешности нашего товарища.

Девушка повернула голову.

— Разумеется, Кай, мы обязательно поговорим и об этом, только сначала позвольте закончить начатое.

В её голосе появилась едва уловимая перемена, заставившая меня насторожиться.

Я посмотрел на капельницу.

В прозрачной ёмкости находилась жидкость необычного оттенка, который трудно было определить при тусклом освещении. Она медленно стекала по трубке, исчезая под повязкой на руке бродяги.

— Что вы ему вводите? — спросил я.

— То, что поможет ему получить желаемое.

— А конкретнее?

Медсестра улыбнулась, но на этот раз её улыбка показалась мне совершенно неестественной.

— Иногда, чтобы обрести новую внешность, необходимо избавиться от старой.

Бродяга тихо рассмеялся.

— Ну, коли так, я согласен, только сделайте меня покрасивее.

Девушка приблизилась к нему, осторожно коснувшись пальцами его щеки.

— А вы уверены, что понимаете, чего именно желаете?

— Конечно, понимаю.

— Тогда посмотрите на меня внимательнее.

Она наклонилась так близко, что между их лицами оставалось всего несколько сантиметров.

— Вы ведь считаете меня красивой?

Бродяга смущённо закивал.

— Ещё бы!

— И, наверное, завидуете тем, кто может пользоваться моей благосклонностью?

Он не ответил, однако выражение его лица оказалось достаточно красноречивым.

— А знаете ли вы, сколько стоит такая красота?

Мне показалось, что освещение в помещении внезапно изменилось, хотя ни одна лампа не погасла.

Тени вокруг медицинских шкафов стали гуще, металлические поверхности утратили привычный блеск, а воздух наполнился странным сладковатым запахом, напоминавшим увядшие цветы, слишком долго простоявшие в закрытой

комнате.

Бродяга беспокойно пошевелился.

— Что-то мне нехорошо…

Медсестра продолжала смотреть на него.

— Неужели?

— Руку жжёт, — пробормотал он, пытаясь повернуть голову к капельнице. — И внутри как-то… будто горячее что-то разливается.

Я сделал шаг вперёд.

— Прекратите процедуру!

Девушка даже не обернулась.

— Не мешайте, Кай, наш пациент только начинает понимать истинную цену своего желания.

Бродяга застонал, пытаясь освободить руку.

— Снимите эту штуку! Мне больно!

Он дёрнулся, однако его движения неожиданно стали скованными, словно невидимая тяжесть придавила тело к кушетке.

— Что вы с ним делаете?! — крикнул я, бросаясь вперёд.

Именно тогда произошло нечто, заставившее меня остановиться.

Медсестра медленно повернула голову, и я увидел, как по её безупречно гладкой щеке пробежала тонкая тёмная трещина.

Сначала мне показалось, будто на коже появилась обычная морщина, однако уже через мгновение её края разо-

шлись, обнажив под собой нечто серое и бесформенное.

Девушка продолжала улыбаться.

— Вам ведь нравится моя красота? — спросила она у бродяги, словно совершенно не замечая происходивших с ней изменений.

Тот смотрел на неё расширенными от ужаса глазами.

— Господи… Что с вашим лицом?

— Разве вы не этого хотели?

Она провела ладонью по щеке, и небольшой участок кожи отделился, словно отсыревшая штукатурка, обнажив потемневшую поверхность, напоминавшую истлевшую плоть.

Я почувствовал, как желудок болезненно сжался.

Её волосы, ещё недавно аккуратно уложенные, начали терять блеск, постепенно превращаясь в тусклые спутанные пряди, которые одна за другой отделялись от головы и бесшумно опускались на белый халат.

— Красота, — продолжала она, — удивительное заблуждение, заставляющее людей завидовать тому, чего они совершенно не понимают.

Кожа на её лбу сморщилась, приобретая болезненный сероватый оттенок, а вокруг глаз проступили глубокие впадины, постепенно изменявшие черты привлекательного лица до неузнаваемости.

— Вы завидовали моей молодости, моему лицу, моему телу, даже не подозревая, что всё это давно перестало принадлежать живому существу.

Бродяга попытался закричать, однако вместо крика из его горла вырвался надрывный хрип.

— Уберите её от меня! Кай, помоги!

Я снова рванулся к кушетке, но неожиданно почувствовал, как пространство вокруг словно утратило привычную устойчивость.

Стены процедурного кабинета дрогнули, отдаляясь друг от друга, а металлический столик, стоявший совсем рядом, показался настолько далёким, будто между нами пролегла целая пропасть.

Бос исчез из поля зрения.

Я попытался обернуться, однако тело перестало слушаться, словно мои движения принадлежали кому-то другому.

Медсестра тем временем склонилась над бродягой, и её лицо продолжало изменяться.

Один за другим обнажались неровные участки потемневшей ткани, губы истончались, открывая зубы, а некогда привлекательные глаза глубоко западали, сохраняя при этом пугающе осмысленный взгляд.

Она больше не походила на молодую женщину, встретившую нас в палате.

Передо мной находилось существо, чья красота оказалась лишь тщательно подобранной оболочкой, скрывавшей нечто давно умершее.

— Теперь вы понимаете, чему завидовали? — прошептала она.

Бродяга извивался на кушетке, безуспешно пытаясь избавиться от мучительного ощущения, распространявшегося по всему телу.

— Нет… Не надо… Мне больно… Оно меня изнутри разъедает!

Медсестра приблизила к нему своё обезображенное лицо.

— А теперь вы понимаете, что испытываю я?

Её голос изменился, приобретя низкие, надтреснутые интонации, которые никак не могли принадлежать прежней молодой женщине.

— Вы видели только то, что хотели видеть, завидуя чужой красоте и не задумываясь, какое уродство может скрываться под её поверхностью.

Бродяга судорожно втянул воздух.

— Помогите… Кто-нибудь…

— Вы хотели стать таким же привлекательным, как я, — продолжала она, медленно проводя костлявыми пальцами по его лицу. — Тогда позвольте мне поделиться с вами своей красотой.

Я увидел, как кожа на его щеках начала приобретать тот же болезненный оттенок, который несколькими мгновениями раньше появился на лице медсестры.

Сначала изменения казались почти незаметными, однако вскоре они распространились по шее, оставляя за собой тёмные неровные пятна, словно неведомая болезнь стремительно уничтожала всё живое на своём пути.

Бродяга попытался поднять руку, но пальцы лишь беспомощно скользнули по поверхности кушетки.

— Что со мной происходит?!

— Вы становитесь красивее, — ласково ответила медсестра.

Его лицо исказилось от боли.

Казалось, нечто невидимое, проникнув внутрь тела, медленно разрушало его, превращая каждое движение в невыносимую пытку.

Я слышал его хриплое дыхание, видел судорожные попытки освободиться, однако не мог понять, почему продолжаю стоять неподвижно, словно наблюдая происходящее через толстое стекло.

— Хватит! — попытался закричать я.

Собственный голос прозвучал настолько глухо, что я едва узнал его.

В этот момент мне показалось, будто кто-то произнёс слова непосредственно внутри моей головы.

«Не вмешивайся».

Я замер, узнав знакомые интонации.

— Атаман?..

Ответа не последовало.

Вместо этого пространство вновь дрогнуло, и я почувствовал, как невидимая сила медленно оттесняет меня куда-то в глубину собственного сознания.

Последнее, что удалось различить перед наступившим по-

мрачением, было лицо бродяги, обращённое ко мне с немой мольбой.

Когда способность воспринимать окружающее начала возвращаться, я обнаружил себя стоящим возле медицинской кушетки.

В помещении царила непривычная тишина.

Медсестра находилась неподалёку, поправляя рукава белого халата, а её лицо вновь приобрело прежние привлекательные черты, словно произошедшее несколько мгновений назад было всего лишь чудовищной галлюцинацией.

Я медленно перевёл взгляд на бродягу.

Он лежал неподвижно, повернув голову набок, а его рука по-прежнему оставалась соединённой с капельницей.

Никаких следов фантастического разложения, которое я только что наблюдал, на его лице не было.

Передо мной находился тот же самый человек, которого совсем недавно увели из палаты под предлогом обычной медицинской процедуры.

Только теперь он не дышал.

— Что… произошло? — с трудом произнёс я.

Медсестра посмотрела на меня с выражением искреннего удивления.

— Вам нехорошо, Кай?

Я не ответил, продолжая разглядывать неподвижное тело.

В памяти всплывали отдельные картины: разрушающееся лицо молодой женщины, мучительные крики бродяги, тём-

ная жидкость в прозрачной трубке и знакомый голос, прозвучавший где-то внутри сознания.

Я не мог определить, какая часть увиденного действительно произошла, а какая оказалась порождением моего измученного воображения.

— Он умер? — спросил я, хотя ответ уже был очевиден.

Медсестра опустила глаза.

— К сожалению, иногда организм реагирует на лечение совершенно непредсказуемым образом.

Я посмотрел на капельницу.

В её прозрачной ёмкости ещё оставалось немного жидкости, а трубка продолжала тянуться к неподвижной руке бродяги.

Что именно находилось внутри, я не знал, однако воспоминание о его последних словах заставило меня содрогнуться.

— Вы же видели, что ему плохо! Почему ничего не сделали?

Девушка медленно подняла голову.

— А разве вы сами не находились рядом?

Этот вопрос прозвучал настолько неожиданно, что я растерялся.

— Я пытался ему помочь!

— Правда?

Она посмотрела на мои руки, после чего вновь перевела взгляд на моё лицо.

— Тогда почему не помогли?

Я хотел ответить, однако обнаружил, что совершенно не помню, чем занимался в последние мгновения перед возвращением сознания.

Мне казалось, будто между увиденным кошмаром и настоящим существовал небольшой промежуток времени, который кто-то намеренно вырезал из моей памяти.

— Где Бос? — неожиданно спросил я, оглядывая помещение.

— Он уже ушёл, — спокойно ответила медсестра.

— А Ирина?

— Что Ирина?

— Вы сказали, что она вызывает меня для разговора.

Девушка некоторое время смотрела на меня, словно пытаясь вспомнить обстоятельства нашего появления в процедурном кабинете.

— Ах да, разумеется.

Её губы тронула едва заметная улыбка.

— Боюсь, сегодня разговор придётся отложить.

— Почему?

— Возникли непредвиденные обстоятельства.

Я снова посмотрел на бродягу.

Его лицо сохраняло выражение странного, почти детского удивления, словно даже в последние мгновения жизни он не мог поверить, что обещанная красота обернулась столь чудовищной расплатой.

— И что теперь будет с ним?

— Не беспокойтесь, Кай, — произнесла медсестра, направляясь к двери. — О нём позаботятся.

Она остановилась на пороге и, слегка повернув голову, добавила:

— А вам лучше вернуться в палату, поскольку сегодняшний день и без того выдался утомительным.

Я остался стоять возле кушетки, не в силах избавиться от ощущения, что только что стал свидетелем чего-то гораздо более страшного, чем обыкновенная смерть.

Меня мучил не столько сам факт гибели бродяги, сколько обстоятельства, при которых она произошла.

Я прекрасно помнил лицо медсестры, постепенно превращавшееся в отвратительную маску разложения, и одновременно видел перед собой совершенно обычную молодую женщину, на которой не осталось ни малейшего следа пережитого превращения.

Ещё сильнее тревожил голос Атамана.

Он прозвучал именно тогда, когда я попытался вмешаться, а последовавший провал в памяти заставлял предполагать, что моё второе полушарие вновь воспользовалось возможностью действовать самостоятельно.

Однако никаких доказательств этому у меня не было.

Я медленно направился к выходу, стараясь не смотреть на неподвижное тело человека, которого ещё совсем недавно считал одним из своих товарищей по несчастью.

У самой двери неожиданно вспомнились слова Каспера о книге Жнеца.

«Это означает, что вероятность такого исхода достаточно велика».

Получалось, что книга вновь оказалась права.

Только теперь я не мог избавиться от значительно более неприятного предположения.

Возможно, она не просто предупреждала меня о грядущих событиях, а показывала последствия решений, которые кто-то уже успел принять.

И если это действительно было так, оставался вопрос, на который мне совершенно не хотелось находить ответ.

Кто именно решил, что бродяга должен умереть, и почему для исполнения этого решения понадобилось моё собственное тело?

Я вышел в коридор, чувствуя, как за спиной медленно закрывается дверь процедурного кабинета.

Впереди меня ожидала встреча с Каспером, которому предстояло рассказать о случившемся, однако мысли вновь и вновь возвращались к Ирине.

Ведь именно её именем меня заманили сюда.

И теперь мне предстояло выяснить, действительно ли она имела отношение к произошедшему или кто-то намеренно воспользовался её именем, чтобы заставить меня стать свидетелем очередной смерти.

Эпизод 24. По ту сторону отражения

Утро просачивалось в палату сквозь мутные оконные стёкла, постепенно вытесняя темноту из прохода между кроватями. От сырой стены тянуло холодом, под потолком дрожал бледный свет, а знакомый запах лекарств, въевшийся, казалось, даже в железные спинки коек, вызывал тошноту ещё до того, как я окончательно проснулся. Потянувшись к краю одеяла, я задержал руку и посмотрел туда, где раньше лежал бродяга.

Его кровать уже не пустовала.

Мажор, сидевший на свежей простыне, неторопливо устраивал свои вещи возле тумбочки, время от времени поворачивая голову в мою сторону. Подушка, ещё не успевшая примяться под чужим затылком, белела на фоне серой стены с какой-то неуместной аккуратностью. От прежнего хозяина здесь ничего не осталось, и эта поспешная чистота раздражала сильнее, чем оставленные им грязные следы.

Вчера человек занимал место, разговаривал, огрызался, а сегодня достаточно было сменить бельё, чтобы его присутствие стало никому не нужным воспоминанием.

— Теперь, получается, в одной палате лежать будем, — произнёс мажор, заметив, что я проснулся.

— Вижу, уже устроился, — ответил я, приподнимаясь на локте.

— Место освободилось, вот и перевели.

Он говорил спокойно, однако смотрел слишком внима-

тельно для человека, всего лишь сообщавшего о переселении. Его взгляд задержался на моих руках, скользнул к лицу и остановился, словно мажор ожидал увидеть что-то, способное подтвердить уже сложившуюся у него мысль.

— В соседней палате тесно стало? — спросил я.

— Там теперь тоже свободно, сам знаешь.

Упоминать Жору он не стал, но я и без того понял, о ком шла речь. После разговора в столовой мажор смотрел на меня именно так — прищурившись, с неприятным терпением человека, который пока не может предъявить доказательства, но уже выбрал виноватого.

Я опустил ноги на пол, стараясь не показывать, насколько мне не нравилось такое соседство.

— Тогда устраивайся, раз перевели.

— А ты спал спокойно?

Пальцы сами собой сжались на краю матраса, однако я заставил себя разжать их, прежде чем повернуться к нему.

— Настолько, насколько здесь вообще можно спокойно спать.

Мажор чуть наклонил голову, принимая ответ, хотя по его лицу было видно, что ни одному моему слову он не поверил. Продолжать разговор я не собирался. Ещё не хватало с самого утра объяснять ему, что произошло с Жорой и бродягой, подбирая такие слова, после которых меня не привязали бы к кровати.

Емеля, сгорбившись на своей койке, смотрел перед собой

измученными глазами. Казалось, он прислушивался к нашему разговору, но стоило где-нибудь скрипнуть пружине, как его внимание мгновенно перемещалось в сторону звука. Амок лежал, отвернувшись к стене, а Каспер, покачиваясь возле своей подушки, перебирал что-то в ладони.

Всё выглядело привычно, и именно эта привычность, установившаяся после очередной смерти, не давала мне покоя.

Когда дверь открылась и в палату вошла Люба, я невольно выпрямился. Она несла поднос, придерживая его обеими руками, и, встретившись со мной взглядом, едва заметно замедлила шаг. Следом появилась Ирина, чьё спокойствие уже само по себе могло вывести меня из себя.

— Как самочувствие, Кай? — спросила она, остановившись неподалёку.

— Смотря с чем сравнивать.

Ирина оглядела меня, словно ответ был всего лишь привычной помехой при осмотре, после чего перевела взгляд на мажора.

— На новом месте удобно?

— Привыкну, — отозвался тот, не выпуская меня из виду.

Она положила ладонь ему на плечо, ненадолго задержав пальцы на ткани одежды. Обычный жест, которым можно было успокоить пациента или обозначить участие, почему-то показался мне слишком уверенным, почти хозяйским.

Я посмотрел на её руку, затем на мажора, и неприятная

догадка сразу нашла себе место среди остальных подозрений.

— Ирина, скажи мне одну вещь. У вас здесь принято переводить пациентов из палаты в палату после каждой смерти?

Убрав ладонь с его плеча, она повернулась ко мне.

— Тебя беспокоит новый сосед?

— Меня беспокоит, что он интересуется мной гораздо больше, чем собственным лечением.

Мажор усмехнулся, однако в разговор не вмешался.

— Ты слишком много значения придаёшь обыкновенному переводу, — произнесла Ирина. — Постарайся заняться своим состоянием.

— Моим состоянием здесь, я смотрю, и без меня есть кому заниматься.

Люба поставила поднос на тумбочку, и тихий звон заставил меня перевести на неё взгляд. Она не смотрела на сестру, но по тому, как напряглись её пальцы, я понял, что разговор ей не нравился.

Ирина ничего объяснять не собиралась. Стоя возле кровати, которую теперь занимал мажор, она выглядела настолько уверенно, будто в этой палате всё давно было расставлено по местам, включая меня самого.

Сказать вслух, что мажора подселили для наблюдения, очень хотелось, однако я удержался. Если всё действительно обстояло именно так, предупреждать их о своих догад-

ках было глупо. Если же я ошибался, Ирина с удовольствием воспользовалась бы ещё одним поводом напомнить о моём лечении.

Дождавшись, пока женщины отойдут к выходу, я поднялся и последовал за ними. Мажор проводил меня взглядом, от которого даже между лопатками возникло неприятное ощущение, будто кто-то осторожно упёрся туда пальцем.

— Люба, мне нужно с тобой поговорить.

Она остановилась у двери, а Ирина, оказавшаяся чуть дальше в коридоре, обернулась.

— Что ты хотел узнать, Кай? — спросила Люба.

Я посмотрел на неё, пытаясь отыскать в знакомом лице хоть что-нибудь, за что можно было бы зацепиться и поверить, что сейчас мне ответят честно.

— То, что я вижу про отца… Это действительно происходило?

Люба опустила глаза к моим рукам.

— Ты слишком измотан. После всего случившегося тебе нужно прийти в себя.

— Я не спрашиваю, нужно ли мне отдыхать. Я спрашиваю, убивал ли он этих людей.

Она подняла на меня взгляд, и на мгновение мне показалось, что ответ уже готов сорваться с её губ.

— Ты видел то, что происходило, — произнесла Ирина.

Я повернулся к ней, почувствовав холодок, пробежавший по спине.

— Значит, это не просто сны?

— От того, как ты их называешь, прошлое не изменится.

Она сказала это без торжества, почти равнодушно, и от такого спокойствия мне захотелось схватить её за руку, удержать на месте и заставить объяснить всё до конца.

— Тогда почему они здесь? — спросил я, кивнув в сторону палаты. — Почему я разговариваю с людьми, которых мой отец…

Закончить фразу не получилось. В голове снова возникли лица, увиденные в другом времени, и наложились на лица тех, с кем я просыпался под одной крышей.

Люба осторожно коснулась моего предплечья.

— Кай, пожалуйста, не торопись с выводами.

— А с чем мне торопиться? Здесь люди исчезают один за другим, а вы разговариваете так, будто я неправильно понял расписание процедур.

— Ты хочешь получить сразу все ответы, — сказала Ирина. — Но ты пока не знаешь, что делать даже с теми, которые у тебя уже есть.

— А ты, конечно, знаешь.

Она выдержала мой взгляд, ничего не ответив, после чего пошла по коридору. Я смотрел ей вслед, чувствуя, как злость упирается в бессилие и от этого становится ещё тяжелее.

Люба осталась рядом.

— Почему ты боишься моих вопросов? — спросил я тише.

Она медленно убрала руку с моего предплечья.

— Я боюсь не твоих вопросов, Кай. Я боюсь того, что ты можешь сделать, получив ответы.

Пока я пытался понять, было ли это предупреждением или просьбой, она вернулась в палату, оставив меня возле раскрытой двери.

До умывальника я добрался, почти не замечая коридора. Хотелось умыться, смыть с лица липкую духоту и хотя бы ненадолго прекратить разговор, который продолжался у меня в голове, несмотря на то что рядом уже никого не было.

Из крана вырвалась неровная струя. Подставив ладони, я несколько раз плеснул на лицо холодной водой, затем упёрся руками в края раковины и замер, позволив каплям стекать по подбородку.

Зеркало передо мной потемнело по краям от старости. В глубине стекла отражались побелённый потолок, дверь за моей спиной и человек, которому явно не помешало бы оказаться подальше от этого места.

Проведя мокрой ладонью по лицу, я поднял глаза и увидел, что отражение улыбается.

Моя рука застыла возле щеки.

— Вид у тебя, братан, будто тебя всю ночь по лестнице катали, — произнёс Атаман.

Знакомое лицо проступало в стекле неровно, словно ему с трудом удавалось удерживаться на поверхности. За его тяжёлыми чертами угадывались мои собственные, и от этого

хотелось отвернуться, однако я продолжал смотреть.

— Ты опять здесь.

— А куда мне от тебя деваться?

Он попытался усмехнуться, но улыбка вышла вялой. Прежней силы в нём ещё не было, хотя привычная издёвка оставалась на месте.

Я сильнее вцепился в край раковины.

— Мне нужно знать, что здесь происходит.

— Ты хоть раз ко мне с другим обращался?

— Не начинай, Атаман. Я видел отца, видел этих людей рядом с ним, а теперь они лежат со мной в одной палате. Ирина говорит, что всё происходило на самом деле.

Отражение смотрело на меня, перестав улыбаться.

— Ну так сложи одно с другим.

— Я складываю, только выходит такое, во что нормальный человек не поверит.

— А ты всё ещё надеешься здесь остаться нормальным?

Вода продолжала бежать, разбиваясь о раковину. Я протянул руку к крану и завернул его до упора, однако с носика всё равно сорвалась капля, звонко ударившись о мокрую поверхность.

— Они умерли? — спросил я, стараясь не отвести взгляда.

Атаман немного помолчал, словно решая, сколько именно мне позволено услышать.

— Они давно мертвы, братан.

Я почувствовал, как напряглись мышцы живота.

— Я только что с ними разговаривал.

— Ты и со мной разговариваешь.

— Не уходи от ответа.

Он приблизился к стеклу, хотя в тесном помещении между мной и зеркалом ничего не изменилось.

— Здесь находятся их души, Кай.

Слово прозвучало негромко, однако после него даже падающие с крана капли стали слышны иначе. Я смотрел на чужое лицо, отражавшееся там, где должно было быть моё, и пытался найти в его выражении знакомую насмешку, за которую можно было бы ухватиться.

— Ты хочешь сказать, что я всё это время живу среди покойников?

— Я уже сказал достаточно, чтобы ты перестал задавать один вопрос разными словами.

— Тогда объясни, зачем их убивают здесь.

Черты Атамана дрогнули, будто по стеклу прошла невидимая волна. Он нахмурился, удерживая на мне взгляд, но вместо ответа я услышал тяжёлый выдох.

— Атаман, не смей сейчас исчезать.

— Не всё сразу, братан.

Я подался вперёд, едва не коснувшись лбом зеркала, однако передо мной уже было собственное лицо с мокрым подбородком и побелевшими губами. Несколько секунд я продолжал всматриваться в него, ожидая, что рот снова растянется в чужой усмешке.

Отражение послушно повторяло каждое моё движение.

Выпрямившись, я посмотрел на закрытую дверь, потом на раковину, за край которой всё ещё держался. Под пальцами чувствовалась холодная шероховатость скола. Всё вокруг оставалось вещественным, грубым, слишком настоящим для того, чтобы принять услышанное.

Однако объяснить происходящее привычным безумием становилось всё труднее.

В палату я вернулся, стараясь не смотреть по сторонам, но мажор всё равно успел поймать мой взгляд. Теперь, сидя на кровати бродяги, он казался мне человеком, которого я видел впервые, хотя ещё недавно обменялся с ним несколькими фразами.

Я прошёл к Касперу и опустился рядом.

Он продолжал перекатывать в ладони металлическую безделушку, следя за её движением с таким вниманием, словно от этого зависело нечто большее, чем способность удержать маленький предмет между пальцами.

— Каспер, что остаётся от человека после смерти?

Его пальцы остановились, а затем снова пришли в движение.

— Ты спрашиваешь о теле?

— Если бы меня интересовало тело, я бы пошёл к хирургу.

Он посмотрел на меня, и я почувствовал, что вопрос его не удивил. Удивило, возможно, только то, как именно я его задал.

— Мы уже говорили об энергии, — произнёс он.

— Мне сейчас не до загадок.

— Тогда попробуй представить человека не только как тело, — сказал Каспер, немного подавшись вперёд. — Всё, что ты помнишь, всё, что пережил, твои привычки, страхи, привязанности — это ещё и информация. Она делает тебя именно тобой, а не просто организмом, который дышит и двигается.

Я посмотрел на его руку.

— Хочешь сказать, душа — это память?

— Одной памяти недостаточно. Представь книгу, в которой сохранились все слова, но никто не способен её прочитать. История существует, однако чтобы она снова прозвучала, нужно нечто, что приведёт её в действие.

— И этим нечто будет энергия?

Каспер медленно кивнул.

— Если говорить о душе так, чтобы ты мог хотя бы приблизиться к пониманию, представь энергию, сохраняющую информацию о личности. Не просто силу, которая куда-то движется, а состояние, в котором остаётся всё, что делало человека собой.

Я провёл ладонью по затылку, пытаясь собрать услышанное в объяснение, от которого не хотелось бы немедленно отказаться.

— Значит, человек умирает, а всё остальное продолжает существовать?

— Из того, что энергия сохраняется, ещё не следует, что сохраняется человек, — ответил Каспер. — Важно, что происходит с информацией и связями внутри неё. Разрушить дом и сохранить кирпичи — не то же самое, что сохранить дом.

— А здесь дом, получается, собрали заново?

Он задержал на мне взгляд, но прямого ответа не дал.

— Ты привык считать телом то, через что ощущаешь себя. Тебе холодно, больно, ты чувствуешь прикосновения и поэтому уверен, что видишь всю картину.

— Когда получаю по лицу, картина становится вполне убедительной.

— Боль убеждает тебя в том, что тебе больно, — спокойно произнёс Каспер. — Но сама по себе она ещё не объясняет, как устроено место, в котором ты её испытываешь.

Я оглянулся на палату. Емеля сидел, сцепив пальцы, мажор поправлял край одеяла, а за стеной кто-то кашлял так надсадно, что хотелось самому откашляться.

— Допустим, я попробую тебе поверить. Как это всё удерживается вместе?

Каспер разжал ладонь, позволяя металлическому предмету лечь неподвижно.

— В квантовой механике есть понятие запутанности. У частиц может быть общее состояние, которое нельзя полностью описать, рассматривая каждую из них отдельно. Даже когда они находятся далеко друг от друга, описание целого

остаётся важнее того, что ты способен узнать об одной части.

— И какое это имеет отношение к человеку?

— Попробуй допустить, что сознание тоже может быть устроено сложнее, чем кажется. Что часть связей, удерживающих личность, не ограничивается тем, что ты называешь своим телом.

— Это доказано?

— Я предлагаю тебе представить возможность, Кай.

Он произнёс это без раздражения, словно видел, как отчаянно я пытаюсь превратить его слова в понятное правило, которому можно довериться.

— Если такая структура существует, — продолжил Каспер, — разрушение её видимой части ещё не обязательно означает исчезновение целого. Ты перестаёшь видеть человека там, где привык его видеть, но не знаешь, оборвались ли все связи, благодаря которым он существовал.

Я опустил взгляд на свои ладони. На коже ещё сохранилась влага, а возле большого пальца краснел след от края раковины.

— Тогда почему я могу их видеть?

Каспер помолчал, оставив вопрос без ответа, и от этого уклонения мне стало холоднее, чем от воды в умывальнике.

— С чёрными дырами похожая трудность, — сказал он. — Для внешнего наблюдателя есть граница, за которой происходящее становится недоступным. Её называют горизонтом событий. Но невозможность получить оттуда обычный

сигнал ещё не даёт тебе права считать, что всё пересёкшее эту границу превратилось в ничто.

— Только не говори, что мы сейчас сидим внутри чёрной дыры.

— Я этого не говорил.

Он снова принялся перекатывать металл между пальцами.

— Вокруг чёрных дыр возникает вопрос о судьбе информации. Что происходит с тем, что туда попало? Каким образом описание исчезнувшего для нас объекта может сохраняться? А когда речь заходит о сингулярности, привычные способы объяснять пространство и время перестают работать так, как мы ожидаем.

— Очень удобное место, чтобы спрятать ответ.

— Или признать, что привычных ответов недостаточно.

Я посмотрел на Каспера, пытаясь понять, рассуждает ли он вместе со мной или подбирает слова к тому, что уже давно знает.

— А душа здесь при чём?

— Представь границу, за которой энергия и информация могут существовать в ином состоянии. То, что по одну сторону воспринимается как человек, по другую может выглядеть совершенно иначе. Если ты привык видеть только одну форму, её исчезновение покажется тебе концом.

— А может оказаться переходом?

— Может оказаться тем, для чего у тебя пока нет подходящего слова.

Я замолчал, прислушиваясь к звукам палаты. Пружины скрипели, кто-то шевелился под одеялом, из коридора доносились шаги, и вся эта обыкновенная больничная жизнь вдруг стала напоминать изображение, под которым скрывался другой рисунок. Я ещё не мог его различить, но уже видел, что привычные линии местами не совпадают.

— Ты рассуждаешь так, будто смерть ничего не меняет, — произнёс я.

— Она меняет то, каким образом человек может существовать, — ответил Каспер. — Но я не говорил, что после неё ему нечего терять.

От этих слов неприятно стянуло горло.

Я вспомнил Жору, затем бродягу, чья постель уже успела принять другого человека. Если Атаман сказал правду, всё случившееся с ними становилось ещё страшнее, потому что даже смерть, как оказалось, не означала, что тебя наконец оставят в покое.

Каспер смотрел на свои пальцы, а я всё отчётливее понимал, что пришёл к нему не за рассуждениями о чёрных дырах. Мне хотелось, чтобы он усмехнулся, покачал головой, нашёл в словах Атамана ошибку и вернул происходящему хоть какое-нибудь человеческое объяснение.

Но он не усмехался.

— Атаман сказал, что они давно мертвы, — произнёс я, понизив голос. — Что здесь находятся их души.

Металлическая безделушка перестала двигаться в его ла-

дони.

Я ждал удивления, недоверия, хотя бы вопроса о том, когда успел поговорить с Атаманом, однако Каспер лишь медленно сомкнул пальцы. В этом едва заметном движении было что-то такое, от чего все услышанные объяснения вдруг перестали казаться отвлечёнными.

За моей спиной скрипнула кровать, но оборачиваться я не стал.

— Ты тоже знал?

Каспер отвёл взгляд, опустив сжатую ладонь на колено, и оставил мой вопрос без ответа.

Эпизод 25. Энергия души

Я ещё некоторое время сидел напротив Каспера, пытаясь осмыслить услышанное и восстановить в сознании хотя бы подобие той привычной картины мира, которая с каждым новым разговором рассыпалась на множество противоречивых, совершенно несовместимых между собой представлений. Чем больше он рассказывал об устройстве окружающей действительности, тем отчётливее я понимал, что знания, прежде казавшиеся незыблемыми, постепенно утрачивают свою убедительность, уступая место объяснениям, которые ещё совсем недавно я без колебаний назвал бы бредом сумасшедшего.

Каспер, расположившись на своей кровати и наблюдая за мной с едва заметной улыбкой, терпеливо ожидал, пока я

справлюсь с очередным приступом растерянности.

— Ты опять пытаешься найти разумное объяснение тому, что не укладывается в твою картину мира? — поинтересовался он, слегка склонив голову.

— Скорее пытаюсь понять, почему всё, что ты рассказываешь, противоречит элементарному здравому смыслу, — ответил я, устало потерев переносицу. — Причём чем убедительнее звучат твои объяснения, тем сильнее мне хочется усомниться в собственном рассудке.

— Здравый смысл, Кай, представляет собой весьма ограниченный инструмент познания, поскольку формируется исключительно на основании доступного человеку опыта. А теперь представь, что большая часть окружающей действительности попросту недоступна нашим органам чувств.

— Ты опять собираешься рассказывать мне о каких-нибудь измерениях, существование которых невозможно проверить?

— Сегодня я предлагаю начать с вещей значительно более привычных, — произнёс Каспер, указав на стоявший возле моей кровати металлический стул. — Например, с этого предмета. Скажи, из чего он состоит?

Я посмотрел на стул, затем перевёл взгляд на собеседника, пытаясь определить, насколько серьёзно он относится к собственному вопросу.

— Насколько позволяют судить мои скромные познания в материаловедении, перед нами обыкновенный металличе-

ский стул, изготовленный из вещества, которое при определённых обстоятельствах способно оставить весьма неприятную вмятину на человеческом черепе.

Каспер усмехнулся.

— А если заглянуть немного глубже?

— Тогда мы обнаружим атомы, электроны, протоны и прочие частицы, о существовании которых мне когда-то рассказывали в школе, совершенно не предполагая, что однажды эти знания понадобятся для выяснения обстоятельств собственной смерти.

Последние слова вырвались неожиданно даже для меня самого.

Каспер перестал улыбаться, однако никак не прокомментировал мою оговорку.

— Именно об этом я и говорю, — продолжил он после непродолжительной паузы. — Вещество, которое кажется тебе плотным и неподвижным, на атомном уровне представляет собой сложнейшую систему взаимодействующих частиц и полей. Причём большая часть объёма атома приходится на пространство, которое в привычном понимании можно назвать пустотой.

Я машинально провёл ладонью по холодной металлической спинке.

— Судя по ощущениям, эта пустота обладает весьма убедительной твёрдостью.

— Потому что ты воспринимаешь результат взаимодей-

ствия электромагнитных полей, а не непосредственное соприкосновение каких-то абсолютно твёрдых частиц. Электроны, участвующие в формировании вещества, подчиняются определённым физическим законам, благодаря которым твоя рука не проходит сквозь металлическую поверхность.

— Допустим, — согласился я, хотя происходящее всё больше напоминало попытку объяснить устройство часов человеку, который даже не подозревает о существовании времени. — Но какое отношение атомы имеют к природе человеческой души?

Каспер немного наклонился вперёд, сцепив пальцы.

— Самое непосредственное. Представь, что человеческое сознание является не просто результатом электрической активности мозга, а сложнейшей информационной структурой, существование которой поддерживается определёнными энергетическими процессами.

— Получается, душа состоит из энергии?

— Не совсем. Энергия сама по себе не обладает воспоминаниями, характером или способностью испытывать чувства. Для возникновения сознания необходима информация, организованная таким образом, чтобы отдельные элементы образовывали единую, непрерывно изменяющуюся систему.

Я задумчиво посмотрел на него.

— То есть ты предлагаешь считать душу сочетанием энергии и информации?

— В самом упрощённом виде именно так. Однако здесь существует одно обстоятельство, которое существенно меняет привычное представление о человеческой смерти.

Каспер сделал паузу, словно предоставляя мне возможность самостоятельно догадаться, к чему он ведёт.

— И какое же?

— Если сознание представляет собой определённую информационную структуру, то разрушение физического носителя необязательно должно означать уничтожение самой информации.

Я почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что после смерти тела человеческое сознание способно продолжать существование?

— Я хочу сказать, что в рамках рассматриваемой нами модели подобная возможность вполне допустима. Особенно если предположить существование дополнительных измерений, в которых информация сохраняется независимо от привычной нам материи.

— Опять измерения, — пробормотал я, покачав головой. — У меня начинает складываться впечатление, что ты используешь их всякий раз, когда обычная физика отказывается объяснять происходящее.

— Возможно, потому, что обычная физика описывает далеко не все явления, с которыми нам приходится сталкиваться.

— А ты, разумеется, знаешь значительно больше?

Каспер посмотрел на меня с выражением, в котором трудно было отличить иронию от совершенно серьёзного намерения.

— Достаточно, чтобы понимать, насколько мало мы знаем.

Я невольно усмехнулся.

— Удивительная способность отвечать на вопросы таким образом, чтобы после каждого ответа возникал ещё десяток новых.

— Именно так и развивается познание, Кай.

Он ненадолго замолчал, после чего указал на лежавшую неподалёку книгу.

— Попробую объяснить иначе. Представь обыкновенную книгу, состоящую из бумаги, чернил и переплёта. Всё перечисленное представляет собой материальные объекты, которые со временем могут разрушиться. Однако история, записанная на страницах, существует в виде информации, которую можно перенести на другой носитель.

Я машинально вспомнил книгу Жнеца, загадочные страницы которой время от времени демонстрировали имена людей и события, ещё не успевшие произойти.

— Ты сейчас говоришь о моей книге?

— Я говорю о принципе сохранения информации, хотя твоя книга действительно представляет собой значительно более интересный пример.

— Значит, человеческое тело можно сравнить с переплётом, а душу — с записанной внутри историей?

— Приблизительно. Только в отличие от обыкновенного текста человеческое сознание способно воспринимать происходящее, изменять собственное состояние и взаимодействовать с окружающей действительностью.

Я задумался, пытаясь представить собственные воспоминания в виде бесконечного множества информационных связей, существующих независимо от тела.

— Хорошо, предположим, после смерти человека вся информация о нём каким-то образом сохраняется. Но где и каким образом она продолжает существовать? Ведь для хранения информации необходим носитель.

Каспер одобрительно кивнул.

— Вот теперь ты задаёшь правильные вопросы. Представь, что привычное нам трёхмерное пространство является лишь частью значительно более сложной структуры мироздания. В таком случае информация, которую мы считаем утраченной, может оказаться распределённой между измерениями, недоступными непосредственному наблюдению.

— И каким образом она туда попадает?

— Возможно, благодаря процессам, связанным с квантовыми состояниями материи. В нашей модели сознание можно представить как особую систему, информационная организация которой не ограничивается исключительно физическим телом.

— Получается, человек умирает, а его сознание переносится куда-то за пределы нашего мира?

— Не обязательно переносится в привычном понимании. Возможно, изменяется лишь способ его существования.

Я потёр подбородок, пытаясь разобраться в услышанном.

— Знаешь, Каспер, всё это напоминает мне разговор о радиоприёмнике. Если его разбить, радиостанция ведь не перестанет существовать.

Он неожиданно улыбнулся.

— Неплохое сравнение. Только не забывай, что радиосигнал и человеческое сознание представляют собой совершенно разные явления. Мы используем аналогию исключительно для того, чтобы тебе было проще представить возможный принцип.

— Значит, мозг — это приёмник?

— Возможно, одновременно приёмник, передатчик и устройство обработки информации. Но я бы не стал ограничивать его функции настолько примитивным определением.

Я откинулся на спинку стула.

— Замечательно. Теперь мне остаётся выяснить, на какой частоте вещает Атаман и каким образом отключить его от собственного сознания.

Каспер заметно оживился.

— А вот это уже действительно интересный вопрос.

— Для тебя, возможно. Мне хотелось бы хотя бы иногда оставаться единственным хозяином собственной головы.

— Ты по-прежнему рассматриваешь Атамана как постороннее существо, хотя сам прекрасно понимаешь, что ваша связь значительно сложнее.

— А как ещё мне его рассматривать? Он обладает собственными желаниями, постоянно вмешивается в мои мысли и при первой возможности пытается завладеть телом.

— Представь два независимых информационных процесса, использующих одну физическую систему. Каждый обладает собственными механизмами обработки информации, однако оба вынуждены взаимодействовать с общими структурами памяти, восприятия и управления.

— Ты хочешь сказать, что мы существуем подобно двум программам, установленным на одном компьютере?

— Это слишком грубое сравнение, но определённая логика в нём присутствует. Проблема заключается в том, что обе программы считают себя основной операционной системой.

Я невольно рассмеялся.

— Вот уж действительно. Особенно если учесть, что одна из них периодически пытается уничтожить другую.

Каспер не поддержал моего веселья.

— Ты уверен, что уничтожение Атамана не повлечёт за собой разрушения определённой части твоего собственного сознания?

Вопрос заставил меня замолчать.

До сих пор я воспринимал существование Атамана как некое чудовищное недоразумение, от которого необходимо

избавиться любой ценой. Однако мысль о том, что вместе с ним может исчезнуть часть моей личности, прежде практически не приходила мне в голову.

— Получается, если я уничтожу его, то могу уничтожить и самого себя?

— Я не утверждаю, что подобный исход неизбежен. Но прежде чем пытаться разделить две тесно связанные системы, необходимо понимать, какие именно элементы обеспечивают их существование.

— И что ты предлагаешь?

— Для начала перестать считать любой разговор с ним бессмысленным противостоянием.

Я раздражённо усмехнулся.

— Обязательно передам ему твоё предложение. Хотя подозреваю, что Атаман предпочтёт обсуждать не условия мирного сосуществования, а способы окончательного захвата власти.

Каспер посмотрел на меня с каким-то странным выражением.

— Возможно, однажды обстоятельства заставят вас действовать сообща.

— Надеюсь, этот день наступит не слишком скоро.

Я произнёс это с намеренной иронией, однако почему-то почувствовал, что Каспер воспринял мои слова гораздо серьёзнее, чем следовало.

Некоторое время мы молчали.

За стеной послышались приглушённые голоса, сопровождаемые тяжёлыми шагами охранников. Где-то в дальнем конце коридора хлопнула дверь, после чего вновь воцарилась привычная для больницы тревожная тишина.

Я посмотрел на Каспера.

— Хорошо, допустим, душа действительно представляет собой особую информационную структуру. Тогда объясни мне ещё одну вещь. Почему умерший человек продолжает испытывать боль?

Он задумчиво провёл ладонью по подбородку.

— Потому что боль является не только физическим явлением, но и результатом обработки информации нервной системой. Даже при жизни человек способен испытывать болезненные ощущения в отсутствующей конечности, поскольку мозг продолжает воспроизводить соответствующие сигналы.

— Фантомные боли?

— Именно. А теперь представь, что после смерти тела сохраняется информационная структура сознания, включающая механизмы восприятия боли, страха, голода и других ощущений.

Я нахмурился.

— То есть человек может чувствовать боль, даже если у него больше нет настоящего тела?

— В рассматриваемой нами модели подобная возможность существует. Причём ощущения могут оказаться на-

столько убедительными, что сознание будет воспринимать их как совершенно реальные.

Я вспомнил пациентов больницы, продолжавших есть, спать, жаловаться на недомогание и ссориться друг с другом. Вспомнил Жору, бродягу и обстоятельства их гибели.

Постепенно в голове начала складываться неприятная догадка.

— Каспер, скажи мне одну вещь, только на этот раз постарайся обойтись без загадок.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Попробую.

— Может ли человек умереть и при этом не осознавать собственной смерти?

Улыбка исчезла с его лица.

Несколько мгновений Каспер молчал, словно решая, насколько откровенным должен быть его ответ.

— Человеческое сознание удивительно привязано к привычной картине действительности, — наконец произнёс он. — Если информационная структура сохраняет воспоминания, ощущения и представления об окружающем мире, она вполне может продолжать воспроизводить знакомую реальность даже после изменения условий собственного существования.

Я почувствовал, как неприятный холодок медленно поднимается вдоль позвоночника.

— Получается, человек способен продолжать жить, со-

вершенно не подозревая, что его физическое тело давно перестало существовать?

Каспер не отвёл взгляда.

— Иногда наиболее убедительной иллюзией оказывается именно та, в существовании которой человек никогда не сомневался.

— Ты опять не ответил прямо.

— Потому что некоторые ответы невозможно принять, пока сознание не подготовлено к их пониманию.

Я раздражённо выдохнул.

— Знаешь, после подобных разговоров мне начинает казаться, что единственный нормальный человек в этой больнице — тот, кто вообще ни о чём не задумывается.

— Возможно, именно поэтому некоторым людям здесь значительно спокойнее, чем тебе.

Я собирался возразить, однако в этот момент за дверью послышались лёгкие шаги.

Через несколько секунд дверь открылась, и на пороге появилась Люба.

Она вошла, придерживая небольшой металлический поднос с медицинскими принадлежностями, и, заметив меня, на мгновение остановилась.

— Кай? Я думала, ты уже вернулся к себе.

— Собирался, но Каспер решил окончательно разрушить мои представления о жизни, смерти и устройстве Вселенной. Теперь опасаюсь выходить в коридор, поскольку совершенно

не уверен, в каком измерении окажусь.

На губах Любы появилась едва заметная улыбка.

— Судя по твоему выражению, разговор оказался довольно утомительным.

— Скорее разрушительным для моей психики. Особенно если учесть, что каждое новое объяснение порождает ещё больше вопросов.

Она поставила поднос на тумбочку и подошла ближе.

Я неожиданно поймал себя на том, что рассматриваю её гораздо внимательнее, чем прежде.

В мягком свете потолочной лампы лицо Любы казалось немного усталым. Из-под медицинской шапочки выбилась тёмная прядь волос, которую она привычным движением убрала за ухо. В её глазах угадывалась тревога, хотя внешне она старалась сохранять обычное спокойствие.

Почему-то мне захотелось узнать, что именно заставляет её выглядеть настолько печальной.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Люба, остановившись рядом.

— Если не считать периодических разговоров с собственным вторым полушарием мозга и постоянного ощущения, что окружающий мир существует вопреки всем известным законам природы, то вполне сносно.

Она не улыбнулась.

— Я серьёзно, Кай.

В её голосе прозвучала такая неподдельная забота, что

мне стало немного неловко за собственную иронию.

— Иногда болит голова, но ничего необычного, — ответил я уже спокойнее.

Люба осторожно взяла меня за запястье, проверяя пульс.

Её пальцы оказались неожиданно тёплыми, и я невольно задержал взгляд на тонкой кисти, лежавшей поверх моей руки.

Странное ощущение возникло где-то глубоко внутри, заставив меня на мгновение забыть о недавнем разговоре с Каспером.

— Ты опять плохо спал? — спросила она.

— Можно сказать и так. Хотя в последнее время я уже начинаю сомневаться, что сон действительно необходим для полноценного существования.

Люба подняла глаза.

— Не стоит воспринимать всё, что рассказывает Каспер, настолько буквально.

— А ты знаешь, о чём именно он мне рассказывал?

Она на мгновение замялась.

— Могу предположить.

— Удивительно. Вы оба словно пользуетесь одной инструкцией по эксплуатации человеческой души.

Каспер негромко усмехнулся, однако Люба осталась серьёзной.

— Возможно, некоторые вещи действительно проще понять, если рассматривать их с разных сторон.

Я внимательно посмотрел на неё.

— Скажи, Люба, почему мне постоянно кажется, что вы оба знаете значительно больше, чем готовы рассказать?

Она медленно отпустила моё запястье.

— Потому что ты слишком часто пытаешься получить ответы раньше, чем успеваешь разобраться в самих вопросах.

— Прекрасно. Теперь вы ещё и одинаково отвечаете.

Люба едва заметно улыбнулась, однако её взгляд оставался печальным.

— Иногда правда оказывается гораздо сложнее, чем человеку хотелось бы.

— А иногда мне кажется, что вы просто боитесь её произнести.

После этих слов она опустила глаза.

На мгновение между нами возникло неловкое молчание, которое почему-то показалось мне значительно тяжелее всех предыдущих разговоров о смерти и человеческом сознании.

— Возможно, ты прав, — тихо произнесла Люба.

Я удивлённо посмотрел на неё.

— В чём именно?

Она немного помолчала, словно собираясь с мыслями.

— В том, что некоторые вещи действительно страшно произносить вслух.

Мне захотелось продолжить расспросы, однако выражение её лица заставило меня остановиться.

Впервые за всё время нашего знакомства я увидел в Лю-

бе не просто медсестру, связанную с загадочными событиями больницы, а женщину, которая, по-видимому, несла собственную тяжёлую ношу.

И почему-то мне стало важно узнать, что скрывается за этой печалью.

— Ты чего-то боишься? — спросил я, стараясь говорить мягче.

Люба подняла голову.

— Конечно.

— Чего именно?

Она посмотрела на меня так внимательно, словно пыталась запомнить каждую черту моего лица.

— Потерять то, что мне дорого.

Ответ прозвучал почти шёпотом.

Я почувствовал неожиданное желание прикоснуться к её руке, однако, не понимая причин собственного порыва, предпочёл остаться неподвижным.

Каспер, до этого молча наблюдавший за нами, неожиданно вмешался:

— Иногда, Кай, люди скрывают правду вовсе не потому, что желают кому-то зла.

Я повернулся к нему.

— А почему тогда?

— Потому что прекрасно понимают, насколько разрушительными могут оказаться последствия.

Я вновь посмотрел на Любу.

Она стояла совсем рядом, но мне вдруг показалось, что между нами существует огромное расстояние, преодолеть которое невозможно без ответа на какой-то неизвестный мне вопрос.

— Значит, всё дело в последствиях? — спросил я.

Люба не ответила.

Некоторое время она молча поправляла медицинские принадлежности на подносе, хотя было совершенно очевидно, что никакой необходимости в этом не существовало.

Наконец она повернулась ко мне.

— Тебе действительно необходимо отдохнуть, Кай.

— А ты ещё придёшь?

Вопрос вырвался неожиданно даже для меня самого.

Люба замерла.

На её лице промелькнуло удивление, быстро сменившееся выражением, которое я не сумел определить.

— Ты хочешь, чтобы я пришла?

Я немного растерялся.

Ещё несколько минут назад подобный вопрос показался бы мне совершенно бессмысленным, однако теперь у меня возникло ощущение, что от ответа зависит нечто гораздо более важное, чем очередная встреча с медсестрой.

— Думаю, да, — произнёс я, стараясь сохранить непринуждённость. — По крайней мере, рядом с тобой у меня возникает значительно меньше вопросов об устройстве мироздания.

Люба улыбнулась.

На этот раз её улыбка оказалась совершенно иной — мягкой, искренней, лишённой привычной настороженности.

— Тогда обязательно приду.

Она взяла поднос и направилась к двери.

Я проводил её взглядом, неожиданно поймав себя на желании остановить.

— Люба…

Она обернулась.

— Да?

Я несколько мгновений молчал, пытаясь придумать подходящие слова.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не считаешь меня окончательно сумасшедшим.

Люба тихо рассмеялась.

— Поверь, Кай, у меня достаточно причин считать тебя кем угодно, только не сумасшедшим.

После этих слов она вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Я ещё некоторое время смотрел на пустой дверной проём, пытаясь разобраться в чувстве, оставшемся после её неожиданно короткого визита.

— Интересно, — негромко произнёс Каспер.

Я повернулся к нему.

— Что именно?

Он слегка улыбнулся.

— Человеческое сознание иногда демонстрирует удивительную способность находить знакомое даже там, где, казалось бы, всё изменилось.

Я нахмурился.

— Если ты сейчас собираешься объяснять моё поведение очередным квантовым эффектом, предупреждаю: на сегодня с меня достаточно.

— Вовсе нет. Просто некоторые информационные связи оказываются значительно устойчивее, чем принято считать.

Я раздражённо покачал головой.

— Ты вообще способен разговаривать нормальным человеческим языком?

— Иногда, — невозмутимо ответил Каспер. — Но, согласись, тогда наши беседы стали бы значительно скучнее.

Я усмехнулся, после чего вновь посмотрел на закрытую дверь.

Люба продолжала оставаться для меня загадкой.

Я не понимал её поступков, не знал, кому она подчиняется, и по-прежнему не мог окончательно избавиться от подозрений, возникших после странных событий последних дней. Иногда мне казалось, что она сознательно скрывает от меня нечто чрезвычайно важное, а временами её поведение заставляло сомневаться даже в самых очевидных предположениях.

И всё же теперь к привычному недоверию постепенно примешивалось совершенно иное чувство.

Мне хотелось увидеть её снова.

Не ради очередных объяснений, не ради попытки выяснить обстоятельства происходящего и даже не ради того, чтобы окончательно убедиться в её непричастности к действиям Атамана.

Просто потому, что рядом с ней я почему-то чувствовал себя спокойнее.

Это открытие оказалось настолько неожиданным, что я невольно усмехнулся собственным мыслям.

— Каспер, — произнёс я после продолжительного молчания.

— Слушаю.

— Ты говорил, что душа способна сохранять информацию даже после разрушения физического тела.

— Совершенно верно.

— А чувства?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Что именно тебя интересует?

Я немного замялся, пытаясь сформулировать вопрос таким образом, чтобы он не показался слишком личным.

— Допустим, человек утратил воспоминания о ком-то, кто прежде занимал важное место в его жизни. Может ли он продолжать испытывать к нему какие-то чувства, совершенно не понимая причин их возникновения?

Каспер перестал улыбаться.

Некоторое время он молча рассматривал меня, словно неожиданно обнаружил в моём вопросе нечто гораздо более значительное, чем я сам предполагал.

— Это весьма интересная проблема, Кай, — наконец произнёс он. — Память и эмоциональные реакции тесно связаны между собой, однако далеко не всегда зависят друг от друга настолько непосредственно, как принято считать.

— Объясни.

— Представь, что воспоминания о каком-то человеке оказались недоступны сознанию, но определённые эмоциональные связи сохранились в более глубоких структурах памяти. В таком случае встреча с ним способна вызвать чувство близости, доверия или даже привязанности, происхождение которых человек не сумеет объяснить.

Я задумался.

— Получается, можно забыть человека, но продолжать его любить?

Каспер медленно кивнул.

— В определённых обстоятельствах подобное вполне возможно.

— Даже если человек совершенно не помнит, что когда-то испытывал эти чувства?

— Особенно если предположить, что память представляет собой не единую запись прошлого, а сложную систему взаимосвязанных информационных состояний. Утрата одних

связей необязательно приводит к исчезновению остальных.

Я посмотрел на него с недоверием.

— И ты считаешь, что подобные чувства способны возникнуть снова?

— Почему бы и нет? Более того, иногда они могут оказаться даже сильнее прежних, поскольку человек заново открывает для себя того, кто когда-то уже был ему дорог.

Его ответ заставил меня вспомнить лицо Любы.

Я попытался представить, что мог знать её прежде, однако память не предложила ничего, кроме наших недавних встреч и разговоров.

И всё же странное ощущение близости, возникшее во время её прикосновения, никак не желало исчезать.

— Получается, любовь тоже можно рассматривать как определённую информационную связь? — спросил я.

Каспер немного улыбнулся.

— Если тебе непременно требуется научное определение, то можно попробовать и такой подход. Однако я бы не советовал сводить человеческие чувства исключительно к физическим процессам.

— Почему?

— Потому что объяснение механизма возникновения чувства ещё не означает понимания его значения для самого человека.

Я задумчиво кивнул.

— Знаешь, впервые за сегодняшний день ты сказал нечто,

с чем мне трудно поспорить.

— Значит, наши усилия не пропали даром.

За окном постепенно сгущались сумерки, окрашивая мутное стекло в грязновато-серый цвет. Где-то в глубине больницы раздался протяжный металлический скрип, сопровождаемый приглушёнными голосами, после чего вновь наступила тревожная тишина.

Я поднялся со стула, чувствуя накопившуюся усталость.

— Пожалуй, на сегодня хватит разговоров о смерти, измерениях и прочих вещах, способных окончательно лишить человека душевного равновесия.

Каспер кивнул.

— Иногда полезно позволить сознанию самостоятельно упорядочить полученную информацию.

— Надеюсь, моё сознание ещё способно справиться с подобной задачей.

Я направился к двери, но, уже взявшись за ручку, остановился.

— Каспер, а если человек действительно способен забыть свою прежнюю жизнь, существует ли возможность однажды вспомнить всё?

Он посмотрел на меня с необычайной серьёзностью.

— Возможно, Кай. Но прежде чем желать возвращения утраченных воспоминаний, стоит задуматься, готов ли ты принять то, что вместе с ними вернётся.

Я почувствовал неприятное беспокойство.

— Ты опять говоришь загадками.

— Иногда прошлое оказывается значительно опаснее будущего.

Я хотел возразить, однако, заметив выражение его лица, передумал.

Открыв дверь, я вышел в полутёмный коридор.

Холодный воздух, пропитанный запахом лекарств и старой штукатурки, неприятно коснулся лица. Где-то неподалёку послышались шаги охранника, сопровождаемые характерным позвякиванием металлических ключей.

Я медленно направился к своей палате, продолжая размышлять над последними словами Каспера.

Если человеческая душа действительно представляла собой нечто большее, чем совокупность физических процессов, а память могла сохраняться за пределами привычного сознания, то многие события последних дней приобретали совершенно иной смысл.

Однако среди бесконечного множества вопросов, на которые мне ещё предстояло найти ответы, неожиданно появился один, не имевший никакого отношения ни к смерти, ни к измерениям, ни к загадочной книге Жнеца.

Я хотел понять, почему встреча с Любой оставила во мне ощущение, словно я прикоснулся к чему-то давно знакомому, но совершенно забытому.

И чем настойчивее пытался объяснить это обычной симпатией, тем отчётливее понимал, что подобное объяснение

меня не устраивает.

Перед глазами вновь возникло её лицо.

Я вспомнил осторожное прикосновение тёплых пальцев, тихий голос и ту странную печаль, которая на мгновение появилась в её глазах.

Мне захотелось увидеть её снова.

Эта мысль показалась настолько неожиданной, что я невольно улыбнулся, впервые за долгое время не испытывая при этом ни тревоги, ни страха.

Возможно, Каспер действительно был прав, утверждая, что некоторые чувства способны существовать независимо от воспоминаний.

А возможно, я просто начинал влюбляться в женщину, о которой практически ничего не знал.

И почему-то второй вариант пугал меня значительно меньше первого.

Эпизод 26. Чужие грехи

Выйдя из палаты Каспера, я медленно направился по коридору, продолжая размышлять над услышанным. После нашего разговора привычная действительность представлялась мне чем-то зыбким и ненадёжным, словно окружающий мир существовал исключительно благодаря моему убеждению в его реальности, а стоило усомниться в этом — и всё немедленно рассыпалось бы на множество невидимых частиц.

Тусклые лампы дневного света, закреплённые под потол-

ком, издавали монотонное гудение, временами сопровождавшееся едва заметным мерцанием. Их холодное сияние придавало обшарпанным стенам болезненный сероватый оттенок, а длинные тени, протянувшиеся вдоль коридора, создавали неприятное впечатление, будто за каждым поворотом скрывалось нечто, терпеливо ожидавшее моего появления.

Я невольно вспомнил слова Каспера о человеческой душе.

Энергия, информация, сознание, способное сохранять собственную организацию после разрушения физического тела.

Ещё совсем недавно подобные рассуждения показались бы мне фантазиями человека, окончательно утратившего связь с действительностью. Однако после всего пережитого я уже не решался с прежней уверенностью утверждать, что смерть представляет собой окончательное прекращение существования.

Особенно если вспомнить странности, происходившие в больнице.

Жора, бродяга, Емеля, Бос и остальные пациенты — каждый из них словно оказался здесь по причинам, не имевшим никакого отношения к обычному заболеванию.

Я пытался найти между ними определённую закономерность, однако всякий раз сталкивался с обстоятельствами, которые не поддавались разумному объяснению.

Впереди послышались шаги.

Из-за поворота появилась Люба, державшая в руках несколько медицинских карт. Заметив меня, она остановилась, и на её лице промелькнуло удивление.

— Кай? Я думала, ты уже вернулся к себе.

— Собирался, но после разговора с Каспером мне требуется некоторое время, чтобы окончательно убедиться в существовании пола под ногами и потолка над головой.

Люба невольно улыбнулась.

— Неужели он опять рассказывал тебе о квантовой механике?

— На этот раз мы добрались до человеческой души, бессмертия сознания и прочих вещей, после которых начинаешь с подозрением относиться даже к собственному отражению.

— Значит, разговор оказался интересным.

— Скорее опасным для моего душевного равновесия. Особенно если учесть, что Каспер обладает удивительной способностью объяснять совершенно невероятные вещи таким образом, будто речь идёт о том, как приготовить обыкновенную яичницу.

Она тихо рассмеялась, и я неожиданно поймал себя на том, что мне приятно слышать её смех.

В последнее время Люба всё чаще появлялась в моих мыслях, причём далеко не всегда по причинам, связанным с происходящими в больнице событиями. Я по-прежнему не понимал её истинной роли и не мог окончательно избавиться

от подозрений, однако теперь к привычному недоверию постепенно примешивалось совершенно иное чувство.

Мне хотелось находиться рядом с ней.

Это открытие казалось особенно странным, учитывая обстоятельства нашего знакомства.

— Ты куда направляешься? — спросила Люба, поправляя медицинские карты.

— В палату. Хотя, признаться, особенного желания возвращаться туда у меня нет.

— Почему?

Я немного помедлил.

— Потому что в последнее время даже собственная кровать перестала казаться безопасным местом.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Опять Атаман?

Я кивнул.

— Он становится всё настойчивее. Иногда мне кажется, что он просто выжидает подходящего момента, чтобы окончательно избавиться от моего присутствия.

Люба заметно помрачнела.

— Не стоит делать поспешных выводов.

— Ты говоришь так, словно знаешь его лучше меня.

Она отвела взгляд.

— Я лишь предполагаю, что постоянное противостояние может оказаться опасным для вас обоих.

Я невольно усмехнулся.

— Замечательно. Теперь выясняется, что мне необходимо заботиться ещё и о душевном благополучии существа, которое периодически пытается завладеть моим телом.

Люба не поддержала моей иронии.

— Кай, я серьёзно.

В её голосе прозвучала такая неподдельная тревога, что мне стало неловко за собственную насмешливость.

— Хорошо, — произнёс я уже спокойнее. — Постараюсь не провоцировать его без особой необходимости.

Она благодарно улыбнулась.

Некоторое время мы стояли друг напротив друга, не находя подходящих слов для продолжения разговора.

Я заметил, что Люба выглядит уставшей. Под глазами залегли едва различимые тени, а движения, прежде казавшиеся уверенными и спокойными, теперь выдавали внутреннее напряжение.

— Ты сама-то давно отдыхала? — неожиданно спросил я.

Она удивлённо подняла глаза.

— Что?

— Выглядишь так, словно не спала несколько ночей подряд.

— Спасибо за комплимент.

— Я не хотел тебя обидеть.

Люба улыбнулась.

— Знаю. Просто в последнее время мне действительно приходится нелегко.

— Из-за пациентов?

Она немного помолчала.

— Не только.

Я внимательно посмотрел на неё.

— У тебя неприятности?

— Можно сказать и так.

— Может быть, я могу чем-нибудь помочь?

Мой вопрос, по-видимому, оказался для неё неожиданным.

Люба несколько мгновений смотрела на меня, словно пытаясь определить, насколько серьёзно я предлагаю свою помощь.

— Ты уже помогаешь, Кай.

Я нахмурился.

— Каким образом?

Она опустила глаза.

— Тем, что остаёшься собой.

Ответ показался мне настолько странным, что я невольно усмехнулся.

— Боюсь, с этим у меня как раз возникают определённые сложности.

Люба подняла голову.

— Тогда постарайся не забывать, кто ты есть.

Я хотел спросить, что именно она подразумевает, однако в её взгляде промелькнуло выражение, заставившее меня отказаться от очередной попытки добиться объяснений.

Вместо этого я указал на стоявшую возле стены деревянную скамью.

— У тебя найдётся несколько минут?

Люба посмотрела на медицинские карты, затем перевела взгляд на пустой коридор.

— Думаю, немного времени у меня есть.

Мы расположились рядом.

Деревянная поверхность скамьи оказалась холодной и неудобной, однако я почти не обращал на это внимания, неожиданно обнаружив, что присутствие Любы помогает мне отвлечься от тревожных мыслей.

Некоторое время мы молчали.

В дальнем конце коридора хлопнула дверь, после чего послышался приглушённый разговор охранников. Где-то за стеной протяжно заскрипела металлическая кровать, а вслед за этим раздался надсадный кашель.

Обычные звуки больницы, ещё недавно вызывавшие раздражение, теперь почему-то казались почти успокаивающими.

— Люба, — наконец произнёс я, — ты когда-нибудь задумывалась, почему одни люди умирают раньше других?

Она повернулась ко мне.

— Думаю, каждый хотя бы однажды задавал себе подобный вопрос.

— А если смерть вовсе не случайна?

Люба немного нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Я задумчиво провёл ладонью по подбородку.

— Вспомни Жору и бродягу, всё, что с ними произошло. Мне начинает казаться, что между этими смертями существует определённая закономерность.

Она внимательно слушала, не перебивая.

— Продолжай.

— Я пока не могу объяснить, в чём именно заключается эта связь, но складывается впечатление, будто кто-то заранее определил последовательность событий. Причём жертвами становятся не случайные люди, а те, чьё прошлое каким-то образом связано с происходящим.

— Почему ты так решил?

— Потому что слишком много совпадений. Книга Жнеца показывает имена, Атаман постепенно восстанавливает силы, а люди вокруг продолжают погибать, словно участвуют в заранее подготовленном представлении.

Люба опустила глаза.

— Ты считаешь, что их смерть была заслуженной?

Вопрос застал меня врасплох.

— Я этого не говорил.

— Но ты предполагаешь, что существует причина, по которой именно эти люди должны умереть.

— Причина и справедливость — совершенно разные вещи.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Я удивлённо приподнял брови.

— Почему для тебя это настолько важно?

Люба немного помолчала.

— Потому что человек, однажды убедивший себя в праве решать чужую судьбу, постепенно перестаёт замечать границу между справедливостью и жестокостью.

Её слова неожиданно напомнили мне рассказы об отце.

Он когда-то пытался наказать виновных в предполагаемой гибели Вани, постепенно превращаясь в нечто совершенно иное.

Я задумался.

— Ты говоришь так, словно уже видела, к чему приводит подобная уверенность.

Люба отвела взгляд.

— Возможно, мне просто не хочется, чтобы ты повторял чужие ошибки.

Я собирался продолжить разговор, однако неожиданно почувствовал знакомое давление в затылке.

Сначала оно напоминало лёгкое покалывание, постепенно распространявшееся на виски, но уже через несколько мгновений превратилось в неприятную пульсацию, словно кто-то изнутри осторожно постукивал по стенкам моего черепа.

Какая трогательная беседа, братан.

Голос Атамана прозвучал настолько отчётливо, что я невольно вздрогнул.

Только не сейчас.

Почему же, братан? Мне тоже интересно послушать, как вы рассуждаете о человеческих добродетелях.

Я стиснул зубы.

Оставь меня в покое.

Боюсь, это невозможно, братан. Ты ведь прекрасно знаешь, что мы с тобой связаны гораздо теснее, чем тебе хотелось бы.

— Кай?

Голос Любы заставил меня поднять голову.

— Что?

— С тобой всё в порядке?

Я попытался улыбнуться, однако неожиданно почувствовал, как неприятная пульсация усиливается.

— Просто немного заболела голова.

Она придвинулась ближе.

— Опять?

Я кивнул.

Люба осторожно положила ладонь мне на плечо.

— Посмотри на меня.

Я подчинился.

Её лицо оказалось совсем близко, и я невольно обратил внимание на едва заметные морщинки возле уголков глаз, появившиеся от напряжения.

— Постарайся дышать ровнее, — тихо произнесла она.

Какая забота, братан! Ты только посмотри, как она стара-

ется.

Я почувствовал, как раздражение постепенно вытесняет боль.

Замолчи.

А если не захочу, братан?

Перед глазами на мгновение потемнело.

Я попытался подняться, однако ноги неожиданно ослабели, заставив меня вновь опуститься на скамью.

— Кай!

Люба успела поддержать меня за руку.

Её пальцы крепко сомкнулись вокруг моего запястья, и я почувствовал, как тепло её ладони словно помогает удержаться за ускользающую действительность.

— Что происходит? — спросила она, стараясь сохранять спокойствие.

Я не успел ответить.

В глубине сознания раздался негромкий смех.

Не бойся, братан. Я всего лишь хотел напомнить, что мы с тобой никуда друг от друга не денемся.

Пульсация постепенно начала ослабевать.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как возвращается способность нормально воспринимать окружающее пространство.

Люба продолжала удерживать мою руку.

— Это был он? — спросила она почти шёпотом.

Я посмотрел на неё.

— Ты об Атамане?

Она кивнула.

— Он пытался причинить тебе боль?

— Скорее напомнить о собственном существовании.

— И часто он это делает?

— Достаточно часто, чтобы я начал скучать по временам, когда единственным голосом в моей голове был собственный.

Люба не улыбнулась.

— Кай, тебе нельзя постоянно бороться с ним таким образом.

Я нахмурился.

— А каким образом, по-твоему, мне следует бороться?

— Возможно, иногда необходимо не сопротивляться, а попытаться понять, чего он добивается.

Я недоверчиво посмотрел на неё.

— Ты сейчас говоришь практически то же самое, что Каспер.

— Может быть, потому, что он прав.

— Замечательно. Значит, теперь вас двое.

Люба слегка улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Я просто не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Эти слова прозвучали неожиданно искренне.

Я посмотрел на неё, пытаясь понять, почему её беспокойство вызывает во мне совершенно непривычное чувство.

— Почему? — спросил я.

Она удивлённо приподняла брови.

— Что почему?

— Почему тебе настолько важно, что со мной происходит?

Люба отвела взгляд.

Некоторое время она молчала, перебирая пальцами край медицинской карты.

— Разве обязательно должна существовать какая-то особенная причина, чтобы переживать за другого человека?

— Наверное, нет. Но мне кажется, у тебя она есть.

Она повернулась ко мне.

Наши взгляды встретились.

На мгновение мне показалось, что Люба собирается сказать нечто чрезвычайно важное, однако вместо этого она лишь тихо произнесла:

— Возможно, однажды ты сам всё поймёшь.

Я почувствовал знакомое раздражение, однако на этот раз сумел его подавить.

— Знаешь, мне начинает казаться, что все окружающие сговорились разговаривать исключительно загадками.

Люба опустила глаза.

— Прости.

Она произнесла это настолько просто, что я неожиданно растерялся.

В её голосе слышалась неподдельная печаль, и мне вдруг стало стыдно за собственную настойчивость.

— Нет, это ты меня прости. В последнее время я слишком часто срываюсь на окружающих.

— Я понимаю.

— Не уверен, что сам себя понимаю.

Люба улыбнулась.

— Тогда у нас есть кое-что общее.

Я посмотрел на неё с удивлением.

— Ты тоже себя не понимаешь?

— Иногда.

Мы ненадолго замолчали.

Я чувствовал, что между нами постепенно возникает нечто, чего прежде не существовало. Возможно, обычное человеческое доверие, которого мне так не хватало среди происходящего безумия, а возможно, значительно более сложное чувство, природу которого я пока не решался определять.

Люба сидела совсем рядом, и я невольно замечал каждое её движение.

То, как она осторожно поправляла выбившуюся прядь волос, как задумчиво смотрела в дальний конец коридора, как время от времени переводила взгляд на меня, словно желая убедиться, что приступ действительно закончился.

— Знаешь, — неожиданно произнёс я, — мне почему-то спокойно рядом с тобой.

Она медленно повернула голову.

— Правда?

— Сам удивляюсь.

На её лице появилась улыбка, на этот раз совершенно искренняя.

— Наверное, это хорошо.

— Наверное.

Я хотел добавить что-нибудь ещё, однако не нашёл подходящих слов.

Люба посмотрела на часы.

— Мне пора возвращаться к работе.

Она поднялась, прижимая медицинские карты к груди.

Я тоже встал.

— Люба…

— Да?

— Спасибо.

Она удивлённо посмотрела на меня.

— За что?

Я немного помедлил.

— За то, что осталась.

Люба улыбнулась, но в её глазах неожиданно появилась знакомая печаль.

— Береги себя, Кай.

После этих слов она направилась по коридору, а я ещё некоторое время смотрел ей вслед, испытывая странное нежелание возвращаться в одиночество собственной палаты.

Ну что, братан, понравилась?

Голос Атамана прозвучал почти насмешливо.

Я раздражённо поморщился.

Не твоё дело.

Ошибаешься, братан. Всё, что происходит с тобой, касается и меня.

Тогда привыкай держать своё мнение при себе.

Атаман негромко рассмеялся.

Посмотрим, братан, как долго тебе удастся делать вид, что ты ничего не замечаешь.

Я не стал отвечать.

Проводив взглядом Любу, скрывшуюся за поворотом, я медленно направился к своей палате.

Однако не успел пройти и нескольких шагов, как из глубины коридора донёсся странный звук.

Сначала мне показалось, что кто-то разговаривает сам с собой, однако спустя несколько мгновений послышался резкий скрип металлической кровати, сопровождаемый испуганным вскриком.

Я остановился.

Звук повторился.

На этот раз я отчётливо различил голос Емели.

— Уберите его! Слышите?! Уберите!

Я почувствовал, как неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника.

После нашего предыдущего столкновения с сущностью в плаще Емеля так и не сумел прийти в себя. Продолжительная бессонница окончательно истощила его, превратив неко-

гда раздражительного мужчину в перепуганного человека, который вздрагивал от каждого шороха и с ужасом всматривался в пустые углы помещения.

Я ускорил шаг.

Добравшись до дверного проёма, я остановился.

Емеля сидел на кровати, прижав колени к груди и неотрывно глядя в противоположный угол палаты.

Его губы непрерывно шевелились, повторяя одни и те же слова:

— Я ничего не видел… Ничего не видел…

Я осторожно приблизился.

— Емеля?

Он вздрогнул и резко повернул голову.

Увидев меня, мужчина на мгновение успокоился, однако почти сразу вновь посмотрел в пустой угол.

— Он опять здесь, — прошептал Емеля.

Я проследил за его взглядом.

В углу никого не было.

— Кто?

Емеля судорожно сглотнул.

— Тот… в плаще.

Я почувствовал, как внутри неприятно похолодело.

— Ты уверен?

Он посмотрел на меня с таким отчаянием, словно я задал самый нелепый вопрос на свете.

— Думаешь, я его выдумал?!

— Я этого не говорил.

— Он ждёт! — Емеля вцепился пальцами в край матраса. — Всё время ждёт, когда я останусь один!

Я хотел успокоить его, однако в этот момент вспомнил книгу Жнеца.

Имя Емели уже появлялось на её страницах.

И хотя Каспер утверждал, что книга показывает лишь наиболее вероятное развитие событий, до сих пор мне не удалось убедиться, что подобные предсказания действительно можно изменить.

Я посмотрел на измученного мужчину.

Емеля продолжал смотреть в пустоту, словно видел там нечто, недоступное моему восприятию.

— Послушай, — произнёс я, стараясь говорить спокойно. — Пока я здесь, никто тебя не тронет.

Он медленно повернул ко мне голову.

— Ты обещаешь?

Я замялся.

После всего пережитого давать подобные обещания казалось слишком самонадеянным.

— Я постараюсь тебе помочь.

Емеля опустил глаза.

— Все так говорят…

Его голос постепенно затих.

Я стоял возле кровати, не зная, что предпринять, когда неожиданно почувствовал знакомое движение в глубине со-

знания.

Бедняга, братан.

Атаман произнёс это с такой издевательской жалостью, что я невольно сжал кулаки.

Даже не думай.

О чём именно, братан?

Ты прекрасно понимаешь.

Некоторое время он молчал.

Затем негромко рассмеялся.

Знаешь, братан, самое забавное заключается в том, что ты до сих пор пытаешься спасать людей, совершенно не представляя, от чего именно.

Я почувствовал нарастающее раздражение.

Если тебе есть что сказать, говори прямо.

Всему своё время, братан.

После этих слов его присутствие постепенно ослабло.

Я вновь посмотрел на Емелю.

Он сидел неподвижно, уставившись в угол, и едва слышно повторял:

— Я ничего не видел… Ничего…

Мне вдруг показалось совершенно очевидным, что его страх связан не только с бессонницей или галлюцинациями.

За этим страхом скрывалось нечто гораздо более глубокое.

Возможно, воспоминание.

Возможно, вина.

А возможно, событие, которое кто-то очень старательно пытался заставить его забыть.

Я медленно отошёл от кровати.

Впервые за долгое время мне захотелось не просто узнать, кто станет следующей жертвой, а понять, почему именно этот человек должен умереть.

И если книга Жнеца действительно показывала лишь наиболее вероятный исход, оставался один вопрос, на который мне предстояло найти ответ.

Что необходимо изменить, чтобы предсказанная смерть так и не произошла?

Эпизод 27. Последняя партия

К вечеру обитель грешников постепенно погрузилась в привычное для этого времени суток оживление, когда, утомившись от бесконечного созерцания больничных стен, пациенты начинали искать любые способы развлечь себя, словно несколько часов, проведённых за бессмысленными разговорами или нехитрыми играми, могли заставить их забыть о странностях происходящего.

После последних событий подобное стремление казалось мне особенно нелепым. Смерть Жоры, исчезновение бродяги, бесконечные приступы Емели и собственные провалы в памяти не оставляли ни малейшего повода для веселья. Однако человеческая психика, как я успел убедиться, облада-

ла удивительной способностью приспосабливаться даже к самым невероятным обстоятельствам.

Возможно, именно поэтому, оказавшись возле комнаты отдыха, я услышал оттуда оживлённые голоса, перемежавшиеся смехом, возмущёнными выкриками и дружным топотом ног.

Большое помещение, предназначенное для совместного времяпрепровождения пациентов, освещалось несколькими потолочными светильниками, отбрасывавшими на стены вытянутые тени. Вдоль одной из них располагались потрёпанные диваны, возле которых стояли небольшие столики, а в центре комнаты собралась компания, увлечённая какой-то игрой.

Подойдя ближе, я обнаружил, что всеобщее оживление вызвала старая игра в фанты, правила которой, судя по происходящему, успели несколько видоизмениться благодаря неуёмной фантазии собравшихся.

На столе лежали разнообразные предметы, принадлежавшие участникам: носовой платок, расчёска, карандаш, несколько пуговиц и даже потрёпанный тапок, владелец которого теперь сидел босиком, с нескрываемым удовольствием наблюдая за происходящим.

Один из пациентов, взяв на себя роль ведущего, собирал эти вещи в наволочку, после чего наугад вытаскивал очередной предмет, обращаясь к сидевшему спиной к остальным участнику.

— Что делать этому фанту? — торжественно спрашивал он.

Не зная, кому принадлежит извлечённая вещь, тот придумывал задание, которое её хозяин обязан был выполнить.

Именно в этот момент из наволочки появилась небольшая расчёска.

— А этому фанту что прикажешь делать?

— Пусть изобразит петуха, которого среди ночи разбудили и заставили объявить наступление утра! — последовал незамедлительный ответ.

Комната взорвалась хохотом.

Как выяснилось, расчёска принадлежала Емеле.

Он сидел немного в стороне от остальных, ссутулившись и опустив голову, словно шумное веселье происходило где-то за пределами его измученного сознания. Бессонница, продолжавшая терзать его уже неизвестно сколько времени, оставила на лице глубокие следы, превратив глаза в две воспалённые щели, окружённые тёмными кругами.

— Ну, Емеля, давай! — потребовал ведущий, протягивая ему расчёску. — Твой фант, тебе и отдуваться!

Мужчина медленно поднял голову, несколько секунд бессмысленно разглядывая собственную вещь, после чего перевёл растерянный взгляд на окружающих.

— Чего?..

— Петуха изображай! Только такого, которого разбудили посреди ночи!

— Я и так не сплю… — пробормотал Емеля, машинально потирая лицо. — Который день уже…

Его замечание вызвало новый приступ веселья.

— Тем более! — подхватил кто-то из присутствующих. — Тебе даже притворяться не придётся!

Емеля тяжело вздохнул и, опираясь ладонями о колени, с заметным усилием поднялся.

Некоторое время он стоял посреди комнаты, пытаясь понять, чего от него требуют, затем неожиданно расправил плечи, вытянул шею и, набрав в лёгкие побольше воздуха, издал настолько жалкое и протяжное «кукареку», что даже я не смог удержаться от улыбки.

Однако окружающим этого показалось недостаточно.

— Не слышно! — закричал мажор, едва не сползая с кресла от смеха. — Ты что, петух или простуженная курица?!

Емеля посмотрел на него с таким выражением, будто всерьёз обдумывал возможность немедленно прекратить собственное существование, лишь бы больше никогда не слышать подобных замечаний.

— Да пошёл ты… — устало произнёс он.

— Не считается! — возразил ведущий. — Давай как положено!

Подчиняясь настойчивым требованиям, Емеля снова вытянул шею, приподнялся на носки и, неожиданно для самого себя, прокукарекал настолько громко, что кто-то испуганно вздрогнул, а остальные дружно захлопали в ладоши.

Выполнив задание, он поспешил вернуться на место, пробормотав себе под нос что-то нелестное относительно умственных способностей присутствующих.

Я заметил, что, усаживаясь, Емеля на мгновение задержал взгляд на пустом углу комнаты.

Его улыбка исчезла.

Он нервно сглотнул и поспешно отвернулся, словно увидел там нечто, о чём предпочёл бы немедленно забыть.

Между тем игра продолжалась.

Ведущий вновь запустил руку в наволочку, тщательно перемешал находившиеся внутри предметы и, выдержав театральную паузу, извлёк очередной предмет — дорогую зажигалку с блестящим металлическим корпусом.

— Ну что, господа, посмотрим, кому на этот раз придётся развлекать нашу честную компанию! — провозгласил он, демонстрируя находку.

Мажор, до этого момента веселившийся громче остальных, неожиданно выпрямился в кресле.

— Моя зажигалка, между прочим! — объявил он, протягивая руку. — Только не вздумайте её потерять, она стоит дороже всех ваших пожитков вместе взятых!

— Сначала выполни задание, а потом получишь своё сокровище! — усмехнулся ведущий, повернувшись к участнику, сидевшему спиной к остальным. — Что делать этому фанту?

Тот ненадолго задумался, после чего, явно довольный

пришедшей ему в голову мыслью, произнёс:

— Пусть найдёт самую симпатичную медсестру во всей нашей больнице и приведёт её сюда, чтобы мы сами убедились, насколько хорош у него вкус!

Комната взорвалась хохотом.

— Вот это я понимаю, задание! — оживился мажор, поднимаясь с кресла. — Наконец-то хоть один человек придумал что-то достойное моего внимания!

— Только смотри, чтобы она согласилась с тобой пойти! — выкрикнул кто-то из присутствующих.

— За это можешь не переживать, — самодовольно ответил мажор, поправляя воротник. — Женщины редко отказываются от моего общества.

— Особенно когда ты им за это платишь! — неожиданно заметил кто-то из дальнего угла.

Последовавший взрыв смеха заставил мажора на мгновение помрачнеть, однако он быстро вернул себе прежнее выражение лица.

— Зависть, господа, отвратительное чувство, особенно когда завидовать приходится человеку с такими выдающимися достоинствами, как у меня!

Сопровождаемый новыми насмешками, он направился к выходу, уже предвкушая удовольствие от предстоящего знакомства.

Я проводил его взглядом, невольно подумав, что даже в этом странном месте, где смерть постепенно становилась

привычной частью существования, некоторые люди продолжали вести себя так, словно весь окружающий мир был создан исключительно для удовлетворения их желаний.

Мажор скрылся за дверью, а игра продолжилась, постепенно возвращая собравшимся прежнее веселье.

Никто из нас тогда ещё не подозревал, что поиски симпатичной медсестры приведут его совсем не к тому развлечению, на которое он рассчитывал.

Коридор встретил мажора прохладой и непривычным безлюдьем. Светильники, расположенные вдоль потолка, освещали одинаковые двери, за которыми угадывалась обычная больничная жизнь, состоявшая из приглушённых разговоров, скрипа кроватей и редких шагов дежурного персонала.

Он неторопливо двигался вперёд, заглядывая в открытые помещения и оценивающе рассматривая встречавшихся женщин.

Впрочем, поиски продолжались недолго.

Возле двери бильярдной комнаты стояла молодая медсестра, поправлявшая манжету белого халата.

Её внешность оказалась настолько привлекательной, что мажор невольно замедлил шаг.

Длинные волосы мягко обрамляли лицо, подчёркивая выразительные глаза и тонкие черты, а лёгкая улыбка придавала её облику особенную приветливость.

— Добрый вечер, красавица, — произнёс он, мгновенно принимая привычный самоуверенный вид. — Не подскаже-

те, как зовут самое очаровательное создание в этой больнице?

Медсестра подняла голову.

— А разве вы ещё не догадались?

Подобный ответ явно пришёлся ему по душе.

— Признаться, я надеялся, что вы окажетесь не только красивой, но и остроумной.

— Тогда вам необыкновенно повезло.

Мажор усмехнулся.

— У меня к вам небольшое предложение. Мы тут с ребятами развлекаемся, играем в фанты, и мне выпало задание привести самую симпатичную медсестру. Думаю, вы прекрасно понимаете, почему я остановился именно возле вас.

Женщина слегка наклонила голову, словно внимательно обдумывая услышанное.

— Значит, вы хотите, чтобы я пошла с вами?

— Именно так.

— А если я откажусь?

— Тогда мне придётся признать поражение, чего, поверьте, я совершенно не привык делать.

Медсестра тихо рассмеялась.

— Не любите проигрывать?

— Терпеть не могу.

— Какое удивительное совпадение, — произнесла она, переведя взгляд на дверь бильярдной. — Я тоже.

Мажор проследил за её взглядом.

— Любите бильярд?

— Особенно необычные партии.

Она приоткрыла дверь и, обернувшись через плечо, добавила:

— Если хотите, можем сначала немного поиграть, а потом я составлю вам компанию.

Мужчина улыбнулся, решив, что судьба приготовила ему гораздо более приятный вечер, чем рассчитывал.

— С удовольствием.

Он последовал за ней, не заметив, как улыбка медсестры на мгновение приобрела странное, почти хищное выражение.

Бильярдная представляла собой просторное помещение с массивным столом, покрытым потёртым зелёным сукном. Над ним висели несколько светильников, создававших островок яркого освещения посреди полумрака, тогда как вдоль стен располагались деревянные стулья, стойка с киями и большое зеркало в тяжёлой раме.

Медсестра прикрыла дверь и неторопливо приблизилась к столу.

— Надеюсь, вы умеете играть?

— Достаточно хорошо, чтобы не опасаться поражения, — ответил мажор, выбирая кий.

— Тогда предлагаю немного изменить правила.

Она провела ладонью по зелёному сукну.

— За каждый проигрыш придётся снимать одну вещь.

Мажор рассмеялся.

— А если проиграете вы?

— Тогда раздеваться буду я.

Он внимательно посмотрел на неё, пытаясь определить, не шутит ли собеседница.

Однако выражение её лица оставалось совершенно серьёзным.

— Что ж, — произнёс мужчина, — признаюсь, такой бильярд мне нравится гораздо больше обычного.

— Тогда начинайте.

Первые несколько ударов сопровождались шутками и взаимными поддразниваниями. Мажор старательно изображал опытного игрока, расхаживая вокруг стола с видом профессионала, тогда как медсестра наблюдала за ним с едва заметной улыбкой.

Первую партию он проиграл.

Сняв обувь, мужчина демонстративно поклонился.

— Небольшая уступка прекрасной даме.

— Как благородно, — ответила она. — Надеюсь, дальше вы будете столь же любезны.

Следующая партия закончилась аналогичным образом.

Мажор расстался с верхней частью одежды, однако его настроение оставалось превосходным.

Он был убеждён, что происходящее было своеобразной игрой соблазнения, в которой победитель определяется вовсе не количеством забитых шаров.

Но третью партию выиграл он.

Медсестра медленно положила кий на стол.

— Похоже, теперь моя очередь.

Она расстегнула верхнюю пуговицу халата.

Мажор довольно улыбнулся.

Затем последовала вторая пуговица, третья, и белая ткань, соскользнув с плеч, открыла бледную кожу.

Мужчина уже приготовился отпустить очередную шутку, когда заметил нечто странное.

Под кожей женщины словно пробежала едва различимая волна.

Он нахмурился.

— Вам не холодно?

— Совершенно, — ответила медсестра. — А вам?

Прежде чем он успел ответить, она провела пальцами по собственному плечу.

Кожа неожиданно отделилась от тела.

Мажор застыл, не сразу осознав увиденное.

Женщина совершенно спокойно продолжала движение, словно снимала очередную часть одежды, однако вместе с кожей обнажались тёмные мышечные волокна, которые, сокращаясь, продолжали удерживать человеческую форму.

— Что за чертовщина?.. — выдохнул он.

Медсестра улыбнулась.

— Разве мы не договорились раздеваться?

Она потянула кожу дальше, освобождая плечи и грудь, по-

сле чего принялась избавляться от мышц, которые отделялись от костей с неприятным влажным звуком.

Мажор попятился.

Перед ним происходило нечто настолько противоестественное, что разум отчаянно отказывался признавать увиденное реальностью.

Вместе с отделявшимися тканями на пол начали падать крошечные тёмные существа.

Сначала он принял их за обычных насекомых, однако вскоре заметил, что они обладают множеством тонких лапок и округлыми телами, напоминающими отвратительную помесь клещей и жуков.

Существа расползались по деревянным доскам, постепенно образуя шевелящийся ковёр.

Женщина тем временем продолжала освобождаться от последних остатков плоти, пока перед мужчиной не оказался человеческий скелет, удерживавший кий костлявыми пальцами.

В пустых глазницах черепа копошились мелкие твари.

— Ну что же ты? — произнесла ведьма голосом медсестры. — Мы ведь ещё не закончили.

Мажор бросился к двери.

Схватившись за ручку, он отчаянно потянул её на себя, однако та не поддалась.

— Открой!

Скелет медленно повернул голову.

— Зачем? Разве тебе здесь не нравится?

Он ударил по двери плечом, затем ещё раз, но тяжёлая створка оставалась неподвижной.

За спиной раздался сухой стук.

Обернувшись, мужчина увидел, как ведьма постукивает кием по краю бильярдного стола.

— Продолжим партию?

Мажор прижался спиной к стене, чувствуя, как страх постепенно вытесняет остатки здравого смысла.

Тем временем существа, рассыпавшиеся по полу, начали двигаться в его сторону.

Они ползли удивительно согласованно, словно подчиняясь единой воле, и при каждом движении издавали едва различимый шорох, напоминавший шелест сухой листвы.

— Не подходи! — выкрикнул мужчина.

Скелет наклонил голову.

— Но я ведь даже не двигаюсь.

И действительно, ведьма оставалась возле стола, тогда как маленькие твари уже достигли ног мажора.

Первое прикосновение показалось ему лёгким щекотанием.

Затем последовало второе.

Он опустил глаза и увидел, как несколько существ забираются под край брюк.

Мажор вскрикнул, принявшись лихорадочно стряхивать их с себя, однако насекомые цеплялись за ткань и продолжа-

ли подниматься выше.

— Убери их!

— Конечно, — ласково ответила ведьма. — Только сначала сними то, что проиграл.

Мужчина поспешно расстегнул ремень.

Стараясь избавиться от ползающих под одеждой существ, он стянул брюки, едва не потеряв равновесие, и отбросил их в сторону.

Несколько насекомых упали вместе с тканью, но остальные продолжали цепляться за его тело.

Скелет удовлетворённо кивнул.

— Вот видишь, совсем несложно.

Мажор тяжело дышал, чувствуя, как паника лишает его способности рассуждать.

— Я всё снял! Чего тебе ещё надо?!

— Разве всё?

Костлявая рука указала на оставшуюся одежду.

Мужчина, почти не соображая, подчинился.

Но едва последняя вещь упала на пол, как насекомые вновь устремились к нему, забираясь на ноги, живот и грудь.

Теперь их прикосновения сопровождались неприятным жжением.

Мажор попытался раздавить нескольких тварей ладонью, однако под пальцами ощущались лишь крошечные твёрдые тела, которые, казалось, совершенно не боялись давления.

Он принялся царапать кожу, пытаясь избавиться от му-

чительного ощущения, будто сотни невидимых иголок одновременно проникают под её поверхность.

— Я же разделся! — закричал он, обращаясь к скелету. — Ты обещала!

Ведьма медленно приблизилась.

Её челюсти раздвинулись, изображая улыбку.

— А кожа?

Мажор замер.

— Что?

— Ты ведь ещё не всё снял.

Она провела костлявыми пальцами по собственным рёбрам.

— Посмотри на меня. Я ничего не оставила.

Мужчина отчаянно замотал головой.

— Нет… Нет, я не буду!

— Но ведь проигравший должен раздеваться.

Существа продолжали ползать по его телу, вызывая всё более мучительное раздражение.

Он царапал себя с такой силой, что на коже оставались длинные красные полосы, однако облегчение наступало лишь на мгновение, после чего жжение возвращалось с новой силой.

Ведьма наблюдала за происходящим с неподвижным выражением черепа.

— Не торопись, — произнесла она. — У нас впереди целая вечность.

В какой-то момент мажор перестал различать, где заканчиваются прикосновения насекомых и начинается собственная боль.

Ему казалось, будто под кожей поселилось огромное количество крошечных существ, которые, прокладывая себе путь между мышцами, медленно перемещаются по всему телу.

Он попытался отступить, но наткнулся спиной на бильярдный стол.

Ведьма приблизилась ещё на шаг.

— Ты проиграл, — напомнила она.

Мужчина схватил кий, лежавший возле края стола, и выставил его перед собой.

— Только подойди!

Скелет остановился.

Пустые глазницы были направлены прямо на него.

— Ты собираешься меня ударить?

Мажор, не отвечая, замахнулся.

Кий со свистом рассёк воздух и ударился о деревянный край стола, переломившись с громким треском.

В руках мужчины осталась длинная часть с неровным, острым изломом.

Ведьма склонила голову набок.

— Какая интересная игрушка.

Мажор тяжело дышал, продолжая сжимать обломок.

Ему хотелось броситься к двери, выбить её, закричать так громко, чтобы его услышали даже за пределами обители

грешников, однако ноги словно приросли к полу.

Скелет медленно протянул руку.

— А теперь покажи, на что ты способен.

Мужчина почувствовал, как пальцы непроизвольно сжимаются вокруг деревянного обломка.

Он попытался разжать ладонь, но мышцы не подчинились.

Вместо этого рука медленно поднялась.

Мажор с ужасом наблюдал за собственным движением, не понимая, почему продолжает удерживать острый конец кия направленным к своему телу.

— Нет… — прошептал он. — Что ты делаешь?

Ведьма оставалась неподвижной.

— Я ничего не делаю.

Он попытался отвести руку в сторону, однако та продолжала двигаться, словно принадлежала кому-то другому.

Острый край дерева приблизился к его ноге.

Мажор зажмурился, напрягая все мышцы, пытаясь остановить движение, но внезапный приступ боли заставил его вскрикнуть.

Он отшатнулся, едва удержавшись на ногах.

Скелет тихо рассмеялся.

— Неужели тебе не понравилось?

Мужчина попытался отбросить кий, но пальцы продолжали удерживать его с пугающей силой.

Каждое новое движение сопровождалось отчаянной по-

пыткой сопротивления, однако тело, словно перестав признавать своего хозяина, подчинялось совершенно иной воле.

В какой-то момент он уже не понимал, борется ли с невидимым противником или с самим собой.

Его руки дрожали, ноги подкашивались, а перед глазами расплывались тёмные пятна.

Мажор снова попытался закричать, но вместо слов из горла вырвался хрип.

Ведьма медленно обошла бильярдный стол, сопровождая его мучения сухим постукиванием костей.

— Странно устроены люди, — задумчиво произнесла она. — Пока им позволено причинять страдания другим, они называют это удовольствием. Но стоит предложить им испытать хотя бы малую часть чужой боли, как удовольствие почему-то исчезает.

Мажор поднял на неё обезумевший взгляд.

— Пожалуйста…

— Что, милый?

— Отпусти меня…

Скелет остановился совсем рядом.

— Но ведь ты сам захотел сыграть.

Силы постепенно покидали мажора.

Он опустился на колени, продолжая судорожно сжимать сломанный кий, и почувствовал, как многочисленные насекомые покидают его тело, устремляясь обратно к ведьме.

На мгновение ему показалось, что мучения закончились.

Он поднял голову.

Скелет стоял перед ним, слегка наклонившись.

— Остался последний ход, — прошептала ведьма.

Мажор хотел ответить, однако неожиданно почувствовал, как его рука вновь приходит в движение.

Острый обломок медленно поднялся.

Он попытался остановить его второй рукой, но пальцы лишь беспомощно скользнули по дереву.

Ведьма приблизила череп к его лицу.

— Ты ведь всегда любил выигрывать?

Мужчина отчаянно замотал головой.

— Тогда почему так боишься проиграть?

Последовавшее движение оказалось настолько резким, что он даже не успел осознать происходящее.

Острая древесина нанесла смертельную рану в области шеи, после чего мажор, потеряв равновесие, повалился на пол возле бильярдного стола.

Сломанный кий остался рядом с ним.

Несколько мгновений мужчина ещё пытался пошевелиться, словно не желая признавать, что собственное тело окончательно перестало ему подчиняться.

Затем движения прекратились.

Ведьма некоторое время наблюдала за неподвижной фигурой.

Мелкие существа, покрывавшие её кости, постепенно исчезали в тёмных щелях между половицами.

На скелете вновь начали проступать мышцы, которые, переплетаясь между собой, восстанавливали очертания человеческого тела. Поверх них медленно натягивалась бледная кожа, скрывая отвратительные подробности произошедшего превращения.

Через несколько мгновений возле бильярдного стола стояла обычная медсестра.

Она поправила белую форму, провела ладонью по волосам и посмотрела на лежавшего мужчину.

— Спасибо за игру, — произнесла она с прежней ласковой улыбкой.

После этого женщина направилась к двери.

Замок тихо щёлкнул.

Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как я покинул комнату отдыха.

Последнее, что сохранилось в памяти, представляло собой обрывки разговоров, чей-то смех и странное ощущение тяжести, постепенно разливавшееся по всему телу.

Затем воспоминания обрывались.

Подобные провалы в памяти уже случались со мной, и каждый раз, приходя в себя, я испытывал мучительное чувство, будто кто-то незаметно вырывал из моей жизни несколько страниц, оставляя вместо них лишь пустоту.

Когда сознание окончательно прояснилось, я обнаружил себя возле двери бильярдной.

Несколько секунд я неподвижно стоял, пытаясь понять,

каким образом оказался здесь.

Из комнаты не доносилось ни единого звука.

Я толкнул дверь.

Она открылась неожиданно легко.

Внутри царила тишина, нарушаемая лишь едва различимым гудением потолочных светильников.

Первое, что привлекло моё внимание, — беспорядок возле бильярдного стола.

На полу валялись предметы одежды, один из стульев оказался опрокинут, а возле ножки стола лежал сломанный кий.

Сделав несколько шагов, я заметил неподвижную человеческую фигуру.

Мажор лежал на полу в неестественной позе, и одного взгляда на его лицо оказалось достаточно, чтобы понять: помощь ему уже не понадобится.

Я остановился, чувствуя, как неприятный холод медленно поднимается вдоль позвоночника.

Ещё совсем недавно этот человек громко смеялся в комнате отдыха, отпускал пошлые замечания и демонстрировал окружающим собственную неуязвимость.

Теперь от прежней самоуверенности не осталось ничего.

Я присел возле него, стараясь не касаться разбросанных предметов.

Моё внимание привлёк сломанный кий, лежавший неподалёку.

Почему-то при виде неровного деревянного излома в го-

лове возникло странное чувство узнавания.

Будто совсем недавно я уже держал подобную вещь в руках.

Попытавшись сосредоточиться, я почувствовал резкую боль в висках.

Перед глазами на мгновение промелькнуло неясное воспоминание: зелёное сукно бильярдного стола, чьи-то пальцы, крепко сжимающие деревянный предмет, и глухой треск.

Я моргнул.

Видение исчезло.

— Что здесь произошло?.. — прошептал я.

Ответа не последовало.

Поднявшись, я ещё раз осмотрел помещение, после чего направился к выходу, понимая, что необходимо немедленно сообщить остальным о случившемся.

Но прежде чем покинуть бильярдную, я неожиданно остановился.

На мгновение мне показалось, будто за спиной кто-то тихо рассмеялся.

Я резко обернулся.

Комната оставалась пустой.

Лишь в большом зеркале, висевшем напротив бильярдного стола, отражалась моя собственная фигура.

И всё же, вглядываясь в отражение, я никак не мог избавиться от ощущения, что смотрю на человека, который знает о произошедшем гораздо больше, чем я сам.

Когда я вернулся в комнату отдыха и сообщил о смерти мажора, веселье оборвалось настолько внезапно, словно кто-то одним движением выключил невидимый механизм, ещё несколько мгновений назад заставлявший присутствующих смеяться.

Сначала мне не поверили.

Кто-то даже попытался неудачно пошутить, предположив, что мажор решил продолжить розыгрыш.

Однако, увидев выражение моего лица, собравшиеся постепенно замолчали.

Вскоре несколько человек поспешили в сторону бильярдной.

Я остался возле двери, прислонившись плечом к стене и пытаясь восстановить последовательность событий.

Смерть Жоры.

Исчезновение бродяги.

Теперь мажор.

Все они каким-то образом оказывались связаны с теми странными видениями, которые преследовали меня с момента появления в обители грешников.

И каждый раз рядом возникала одна и та же необъяснимая пустота в моей памяти.

Я прикрыл глаза.

— Что со мной происходит?..

В глубине сознания шевельнулось знакомое присутствие.

— Бедняга, братан, — раздался голос Атамана, наполнен-

ный почти искренним сочувствием. — Опять ничего не помнишь?

Я почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

— Ты знаешь, что случилось?

Атаман негромко усмехнулся.

— А ты как думаешь, братан?

— Я спрашиваю серьёзно.

— И я тебе серьёзно отвечаю. Иногда лучше не вспоминать некоторые вещи, особенно если потом придётся смотреть на себя в зеркало.

Я невольно вспомнил собственное отражение в бильярдной.

— При чём здесь зеркало?

— Да так, братан, к слову пришлось.

Его голос постепенно растворился, оставив после себя неприятное ощущение недосказанности.

Я открыл глаза и посмотрел в сторону коридора, где уже слышались встревоженные голоса.

Теперь я почти не сомневался, что эти смерти подчиняются определённой последовательности, однако совершенно не понимал, кто установил этот порядок и почему всякий раз оказываюсь настолько близко к очередной трагедии.

И чем настойчивее я пытался найти ответ, тем сильнее становилось подозрение, от которого хотелось немедленно избавиться.

Возможно, самая страшная тайна этой обители грешни-

ков заключалась вовсе не в её обитателях.

Возможно, она всё это время находилась гораздо ближе.

Настолько близко, что я ежедневно смотрел ей прямо в глаза, даже не подозревая об этом.

Эпизод 28. Цена чужих грехов

Иногда мне казалось, что прошлое представляет собой бесконечный лабиринт, в котором каждая открытая дверь неизбежно приводит к следующей, заставляя вновь и вновь возвращаться к событиям, давно оставшимся за пределами настоящего. И чем дальше я продвигался по его запутанным коридорам, тем отчётливее понимал, что некоторые воспоминания способны причинить гораздо больше страданий, чем самые страшные события, происходящие наяву.

Особенно когда речь заходила о Ване.

За время пребывания в обители грешников я успел привыкнуть к тому, что окружающая действительность нередко менялась без всякого предупреждения, превращая привычные помещения в декорации давно минувших лет. Однако каждое новое видение по-прежнему вызывало во мне тревогу, поскольку я никогда не знал, какие события прошлого мне предстояло увидеть и насколько сильно они изменят моё представление о людях, находившихся рядом.

После произошедшего в бильярдной комнате меня не покидало странное ощущение незавершённости.

Мажор погиб, оставив после себя множество вопросов,

ответы на которые, казалось, теперь навсегда останутся недоступными. И хотя обстоятельства его смерти продолжали вызывать во мне противоречивые чувства, постепенно я начинал подозревать, что его гибель являлась лишь очередным звеном в последовательности событий, смысл которых пока ускользал от моего понимания.

Я находился в комнате отдыха, когда окружавший меня гул голосов неожиданно стал стихать, словно между мной и окружающим миром возникла невидимая преграда.

Сначала исчезли отдельные звуки, затем очертания предметов утратили привычную чёткость, а свет потолочных ламп, распадаясь на множество дрожащих бликов, уступил место непривычному полумраку.

Я уже знал, что означает подобное состояние.

Очередное видение приближалось, не оставляя мне возможности сопротивляться.

Первым вернулся звук.

Глухие удары басов, сопровождаемые резкими переливами синтезатора, постепенно вытеснили из сознания последние воспоминания о комнате отдыха. Следом появился запах сигаретного дыма, смешанного с тяжёлыми духами и алкоголем, а когда окружающее пространство окончательно обрело устойчивость, я обнаружил себя посреди ночного клуба.

Девяностые годы узнавались здесь буквально во всём.

Вдоль стен тянулись диваны с потёртой кожаной обивкой, над танцполом вращался зеркальный шар, разбрасывая по

лицам посетителей беспокойные световые пятна, а за барной стойкой возвышались бутылки импортного спиртного, за которое многие тогда отдали бы месячную зарплату.

Мужчины в малиновых пиджаках и кожаных куртках переговаривались за столиками, сопровождая разговоры громким смехом, тогда как девушки, облачённые в короткие платья, старались не обращать внимания на слишком откровенные взгляды посетителей.

Среди этой пёстрой публики я почти сразу заметил знакомое лицо.

Мажор сидел за отдельным столиком, в стороне от танцпола, и, лениво покачивая бокал в руке, слушал рассказы двух молодых мужчин, которые с преувеличенным усердием пытались его развеселить.

Он выглядел значительно моложе, однако выражение самодовольства, словно навсегда застывшее на его лице, оставалось неизменным.

В какой-то момент один из собеседников наклонился к нему, собираясь что-то сказать, но неожиданно замолчал, заметив происходящее возле входа.

Я обернулся.

Сквозь толпу посетителей, грубо расталкивая попадавшихся на пути людей, пробирался мужчина, чью фигуру я узнал ещё прежде, чем сумел рассмотреть лицо.

Амок.

Однако теперь его внешний вид резко отличался от того,

каким я привык видеть его в обители грешников.

Волосы были растрёпаны, одежда помята, а правую половину лица он прикрывал ладонью, из-под которой по щеке медленно стекала густая кровь.

Каждый шаг давался ему с заметным усилием, и, судя по напряжённому выражению лица, его мучила почти невыносимая боль.

Добравшись до столика, Амок с такой силой опустил свободную руку на его поверхность, что стоявшие бокалы жалобно звякнули.

— Ты хоть понимаешь, что из-за тебя произошло?! — прохрипел он, тяжело дыша и не обращая внимания на испуганные взгляды окружающих.

Мажор недовольно поморщился.

— Ты чего орёшь? Совсем охренел? Посмотри, где находишься.

— Да плевать мне, где я нахожусь! — Амок отнял ладонь от лица. — Ты посмотри, что со мной сделали!

На месте правого глаза виднелась страшная рана, края которой блестели от крови, а окружающие ткани настолько распухли, что лицо мужчины казалось перекошенным.

Мажор на мгновение утратил привычную невозмутимость.

— Твою мать… Это кто тебя так?

Амок наклонился к нему, едва сдерживая ярость.

— Мальчишка! Тот самый, из-за которого ты всю эту ис-

торию затеял! Из рогатки мне прямо в глаз засадил!

Мажор медленно поставил бокал на стол.

— Какой ещё мальчишка?

— Кай! — почти выкрикнул Амок. — Старший брат того пацана, который мне помешал!

Услышав собственное имя, я почувствовал, как внутри всё болезненно сжалось.

Перед глазами неожиданно возникло озеро, знакомый берег, детская рогатка в моих руках и лицо человека, который приближался к нам с Ваней.

Я вспомнил, как натягивал резинку, пытаясь остановить незнакомца, и как выпущенный камень попал ему прямо в глаз.

Значит, это был Амок.

Именно я оставил на его лице ту страшную рану, которую теперь видел перед собой.

Мажор огляделся, заметив, что несколько посетителей начали прислушиваться к разговору.

— Ты потише можешь? Здесь не место такие вещи обсуждать.

— А где мне их обсуждать?! — Амок почти навалился на стол. — Ты девок хотел? Хотел, чтобы я тебе их доставал? Вот я и доставал! А теперь из-за твоих прихотей я без глаза остался!

— Не надо мне здесь рассказывать, за что ты деньги получал, — раздражённо перебил мажор. — Ты свою работу

делал, я свою.

— Работу?! — Амок нервно рассмеялся. — Я пацана завалил, понимаешь?! Завалил! А его брат перед этим мне глаз выбил!

Мажор резко поднял голову.

— Ты уверен, что младший мёртв?

— После того, что я с ним сделал, живым он остаться не мог, — ответил Амок, снова прижимая ладонь к повреждённому глазу.

Я застыл, пытаясь осмыслить услышанное.

Ваня погиб из-за этих людей.

Из-за человека, который, удовлетворяя собственные прихоти, использовал Амока для похищения девушек, совершенно не задумываясь о последствиях.

Мажор некоторое время молчал, постукивая пальцами по столешнице.

Затем, словно окончательно решив, что возникшая неприятность не стоит дальнейших переживаний, откинулся на спинку дивана.

— Ладно, не парься. Есть у меня один врач, сейчас я ему позвоню, и решим все твои проблемы.

Амок недоверчиво посмотрел на него.

— Какой ещё врач? Ты видел, что у меня с глазом?!

— Видел, видел, не ори, — отмахнулся мажор. — Хирург хороший, руки золотые. За деньги такие чудеса делает, что тебе и не снилось.

— Ты мне глаз обратно вставить предлагаешь?

— Я тебе предлагаю заткнуться и дать мне решить вопрос. Сейчас отвезём тебя к нему, он посмотрит, что можно сделать.

Амок тяжело опустился на свободный стул.

— А если менты узнают?

Мажор усмехнулся.

— Какие менты? Ты что, забыл, с кем разговариваешь? Я врачу заплачу столько, что он забудет не только твою рожу, но и собственную фамилию.

Он достал из кармана записную книжку, пролистал несколько страниц и, обнаружив нужный номер, поднялся из-за стола.

— Сиди здесь и никуда не дёргайся. Сейчас всё устроим.

Проводив его взглядом, я вновь посмотрел на Амока.

Передо мной находился человек, которого я считал виновником гибели Вани.

Но теперь становилось очевидным, что за его действиями стоял кто-то ещё.

И этот кто-то не испытывал ни малейших угрызений совести.

Пространство вокруг неожиданно дрогнуло.

Музыка начала стихать, фигуры посетителей расплылись, а разноцветные огни клуба вытянулись в длинные светящиеся полосы, постепенно растворяясь в сероватой дымке.

Я приготовился вернуться в настоящее, однако вместо

знакомой комнаты отдыха перед глазами возник совершенно другой интерьер.

Белые стены, высокое окно, занавешенное плотными шторами, металлический столик с медицинскими инструментами и резкий запах лекарственных препаратов.

Я оказался в кабинете хирурга.

За окном занимался тусклый осенний рассвет, окрашивая потолок бледными полосами света, а возле медицинского кресла, в котором расположился Амок, стоял мужчина в белом халате.

Хирург.

Я узнал его практически сразу, несмотря на то что в прошлом он выглядел значительно моложе.

Его движения отличались той профессиональной уверенностью, которая появляется у человека после многих лет практики, а взгляд оставался сосредоточенным и холодным.

Амок сидел перед большим зеркалом, внимательно рассматривая собственное отражение.

На первый взгляд его лицо ничем не отличалось от прежнего.

Оба глаза выглядели совершенно одинаковыми.

Однако, присмотревшись внимательнее, я заметил, что правый глаз оставался неподвижным, когда Амок резко переводил взгляд в сторону.

Хирург осторожно приподнял верхнее веко пациента и, направив луч небольшой медицинской лампы на искусствен-

ный глаз, удовлетворённо кивнул.

— Приживление прошло нормально. Протез изготовлен индивидуально, с учётом цвета радужки и особенностей здорового глаза. Если не присматриваться слишком внимательно, никто даже не догадается.

Амок повернулся к зеркалу.

— А видеть им я смогу?

Хирург посмотрел на него с выражением плохо скрываемого раздражения.

— Я уже объяснял, что глазной протез выполняет исключительно косметическую функцию. Зрение восстановить невозможно, поскольку повреждения оказались слишком серьёзными.

Амок недовольно поморщился.

— Значит, половину мира теперь не увижу?

— Зато окружающие не будут замечать последствий вашей травмы, — сухо заметил врач. — Учитывая обстоятельства, при которых вы её получили, результат можно считать более чем удовлетворительным.

Последние слова заставили меня насторожиться.

Хирург произнёс их с такой интонацией, словно прекрасно знал не только характер повреждения, но и обстоятельства, предшествовавшие его появлению.

На письменном столе лежала сложенная газета.

Крупный заголовок сообщал о расследовании убийства несовершеннолетнего мальчика, а рядом располагалась

небольшая фотография.

Я узнал Ваню.

На мгновение мне показалось, будто воздух в кабинете стал настолько плотным, что дышать оказалось невозможно.

Хирург заметил направление взгляда Амока, который тоже обратил внимание на газету.

— До сих пор пишут? — усмехнулся пациент.

Врач медленно сложил лист.

— Пишут. И, судя по всему, прекращать не собираются.

— Ментам делать больше нечего?

— Возможно, они просто хотят найти человека, который убил ребёнка.

Амок повернулся к нему.

— Доктор, ты мне морали читать собрался?

Хирург выдержал его взгляд.

— Я всего лишь констатирую обстоятельства.

— Тогда констатируй молча.

Врач некоторое время смотрел на пациента, после чего аккуратно положил газету в ящик стола.

— Когда ваш знакомый обратился ко мне с просьбой провести операцию, — произнёс он, снимая медицинские перчатки, — я прекрасно понимал, с кем имею дело. Газеты уже тогда сообщали о происшествии, а повреждение глаза слишком точно соответствовало описанию разыскиваемого человека.

Амок неприятно усмехнулся.

— И что?

— Ничего. Я согласился выполнить свою работу.

— Вот именно, доктор. Ты сделал работу, получил деньги, а всё остальное тебя не касается.

Хирург не ответил.

Я внимательно наблюдал за его лицом, пытаясь обнаружить хотя бы малейшие признаки раскаяния.

Однако вместо них увидел лишь холодную расчётливость человека, давно научившегося отделять профессиональные обязанности от нравственных последствий собственных поступков.

— Мажор обещал, что никаких вопросов не возникнет, — продолжил Амок. — Надеюсь, ты не собираешься портить нам жизнь?

— Ваш знакомый выполнил финансовые обязательства в полном объёме, — ответил хирург. — Оснований для дальнейшего обсуждения я не вижу.

— Вот и договорились.

Амок поднялся с кресла и ещё раз посмотрелся в зеркало.

Его искусственный глаз действительно почти ничем не отличался от настоящего.

Трудно было поверить, что совсем недавно на этом месте находилась страшная рана, оставленная выстрелом из детской рогатки.

Я вспомнил Ваню.

Его маленькие руки, напряжённое лицо и отчаянную по-

пытку защититься от человека, который был значительно старше и сильнее.

И теперь передо мной находился врач, сумевший за определённую сумму практически полностью скрыть последствия той встречи.

Врач, который ещё до операции знал, что помогает человеку, подозреваемому в убийстве ребёнка.

Он мог обратиться в милицию.

Мог отказаться от предложенных денег.

Мог хотя бы попытаться выяснить, действительно ли его пациент причастен к произошедшему.

Однако предпочёл совершенно другой путь.

Для него существовала лишь стоимость операции.

И чем дольше я наблюдал за хирургом, тем отчётливее понимал, что алчность далеко не всегда выражается в жажде несметных богатств.

Иногда она заключается в готовности продать собственную совесть за сумму, которую считаешь достаточно привлекательной.

Когда кабинет начал растворяться в серой дымке, я уже не испытывал прежнего удивления.

Перед глазами вновь возникали лица людей, которых я только что видел.

Амок.

Мажор.

Хирург.

Трое мужчин, объединённых не только обстоятельствами преступления, но и собственным отношением к чужой жизни.

Один совершил убийство.

Другой, преследуя собственные желания, создал условия, при которых оно произошло.

Третий, прекрасно понимая, кому оказывает помощь, предпочёл деньги справедливости.

И каждый из них, вероятно, находил собственное оправдание.

Амок выполнял поручение.

Мажор платил за услуги.

Хирург лечил пациента.

Никто не хотел признавать себя виновным.

Однако Ваня, согласно той истории, которую мне показывало прошлое, оказался мёртв.

И именно это обстоятельство постепенно вытесняло из моего сознания любые попытки рассуждать беспристрастно.

Возвращение в комнату отдыха оказалось неожиданно резким.

Я вздрогнул, почувствовав под ладонью прохладную поверхность стола, и несколько мгновений пытался привыкнуть к окружающим звукам.

Кто-то разговаривал неподалёку, раздавался негромкий смех, а из дальнего угла доносился стук передвигаемых стульев.

Всё выглядело так, словно за время моего отсутствия не произошло ничего необычного.

Однако для меня окружающий мир уже никогда не мог остаться прежним.

Я медленно поднял голову.

И увидел Амока.

Он находился в нескольких шагах от меня, расположившись на стуле с таким видом, будто всё происходящее вокруг представляло для него исключительно скучное развлечение.

Его лицо выглядело совершенно обычным.

Никаких следов страшного повреждения, увиденного мной в прошлом, заметно не было.

Я невольно задержал взгляд на его правом глазу.

Искусственный.

Теперь я знал, что скрывается за этой внешней безупречностью.

Но гораздо сильнее меня занимало другое.

Передо мной находился человек, которого я только что услышал признающимся в убийстве Вани.

Я почувствовал, как пальцы непроизвольно сжимаются.

— Ну что, братан, теперь-то ты всё понял? — неожиданно раздался знакомый голос.

Атаман произнёс эти слова с таким удовлетворением, словно давно ожидал, пока я наконец увижу события прошлого.

— Понял, — мысленно ответил я, продолжая смотреть на

Амока.

— Тогда чего сидим?

— А что ты предлагаешь?

Атаман негромко рассмеялся.

— Ты ещё спрашиваешь, братан? Да я предлагаю прямо сейчас этого урода ушатать, чтобы он до конца своего поганого существования запомнил, что бывает с теми, кто детей убивает.

Я почувствовал, как внутри поднимается тяжёлая волна.

— Нельзя так, — возразил я. — Мы не имеем права решать, кому жить, а кому умирать.

— Да ладно тебе, братан! — раздражённо отозвался Атаман. — Ты сам только что видел, что он сделал с Ваней. Или тебе мало?

Я промолчал.

— Слушай, — продолжил он, понизив голос, — я ведь не предлагаю тебе устраивать здесь суд присяжных. Просто дай мне немного времени, и я объясню этому ублюдку, что за всё приходится отвечать.

— Ты его убьёшь.

— А если и убью, много потеряем?

Я почувствовал неприятный холод.

Его слова прозвучали настолько естественно, что на мгновение мне показалось, будто подобный исход действительно не требует никаких сомнений.

Однако именно эта мысль заставила меня насторожиться.

— Нет, — твёрдо ответил я. — Убийства не будет.

Атаман некоторое время молчал.

— Хорошо, братан, — наконец произнёс он. — Давай договоримся. Я его просто хорошенько проучу. Чтобы он понял, что не всё в этой жизни можно купить за деньги.

Я снова посмотрел на Амока.

Перед глазами возникло лицо Вани.

И вместе с ним вернулось чувство беспомощности, которое я испытывал всякий раз, когда вспоминал обстоятельства его предполагаемой гибели.

Мне хотелось справедливости.

Хотелось, чтобы человек, причинивший столько страданий, хотя бы на мгновение испытал то, что испытывали его жертвы.

И постепенно я начал понимать, насколько опасным становится подобное желание, если рядом находится тот, кто готов немедленно превратить его в действие.

— Только без убийства, — наконец произнёс я.

Атаман удовлетворённо усмехнулся.

— Вот это уже разговор, братан.

В следующее мгновение я почувствовал знакомое изменение.

Словно кто-то незримый осторожно отодвинул меня в сторону, освобождая место за пультом управления собственным телом.

Мышцы напряглись.

Дыхание стало глубже.

А окружающее пространство неожиданно приобрело ту пугающую отчётливость, которая возникала всякий раз, когда Атаман перехватывал управление.

Я ещё успел подумать, что совершаю ошибку.

Но было поздно.

Атаман поднялся со стула.

Амок заметил его приближение и недовольно нахмурился.

— Чего тебе?

— Поговорить хочу, — ответил Атаман моим голосом, однако интонация настолько изменилась, что даже мне стало не по себе.

— Так говори.

— Ты Ваню помнишь?

Амок едва заметно вздрогнул.

Его взгляд на мгновение задержался на моём лице.

— Какого ещё Ваню?

— Того самого, которому ты жизнь испортил.

Амок медленно поднялся.

— Слышь, ты чего докопался?

— А ты ответь, — продолжил Атаман, приближаясь ещё на шаг. — Помнишь мальчишку с рогаткой?

Лицо Амока изменилось.

На этот раз он не сумел скрыть реакции.

— Ты откуда про рогатку знаешь?

Атаман улыбнулся.

— Значит, помнишь.

Амок попытался оттолкнуть меня, однако Атаман перехватил его руку и резким движением отбросил в сторону.

— Ты совсем охренел?! — выкрикнул тот.

Ответом послужил удар.

Амок пошатнулся, задев плечом стоявший позади стул, но удержался на ногах и, разъярённо зарычав, бросился вперёд.

Стол опрокинулся.

Раздался грохот падающей посуды.

Кто-то из присутствующих вскрикнул, торопливо отступая к стене.

Я пытался вмешаться, однако Атаман, окончательно захватив управление, словно перестал замечать мои мысленные протесты.

Амок оказался сильнее, чем можно было предположить по его внешнему виду.

Он успел нанести несколько ответных ударов, один из которых пришёлся мне в скулу, заставив голову резко повернуться.

Но Атаман лишь рассмеялся.

— Вот так, братан! — восторженно выкрикнул он внутри моего сознания. — Давно пора было с ним разобраться!

Схватив Амока за одежду, он резко развернул его и толкнул на стоявшие рядом стулья.

Тот потерял равновесие, упал и попытался подняться, од-

нако Атаман уже оказался рядом.

Последовавший удар заставил Амока вновь рухнуть на пол.

— Хватит! — мысленно закричал я. — Мы договаривались!

— Да я только начал, братан!

Атаман схватил ближайший стул.

Я почувствовал, как мышцы рук напряглись, поднимая тяжёлый предмет.

— Не смей!

Однако стул уже опускался.

Раздался глухой удар.

Амок вскрикнул, прикрывая голову руками.

Деревянная спинка треснула, а один из обломков отлетел в сторону.

Я с ужасом осознал, что ещё немного — и всё закончится совсем не так, как мы условились.

— Атаман, остановись!

Но он словно не слышал.

Амок попытался отползти, оставляя за собой перевёрнутые стулья, однако Атаман снова шагнул к нему.

И именно в этот момент дверь комнаты отдыха распахнулась.

Первым в помещение ворвался Бос.

За ним появился Шнырёв, а следом, привлечённые шумом, вошли Ирина и Люба.

— Что здесь происходит?! — рявкнул Бос, оглядывая разгромленную комнату.

Его взгляд остановился на Амоке, который пытался подняться, опираясь на уцелевший стул.

— Кай! Немедленно прекрати!

Атаман даже не повернул головы.

— Не мешай, — процедил он, продолжая приближаться к лежавшему мужчине.

Бос бросился вперёд.

Почти одновременно Шнырёв обхватил меня сзади, пытаясь оттащить от Амока.

Я почувствовал, как Атаман резко напрягся, собираясь освободиться.

— Отпустили, уроды!

Бос перехватил мою правую руку, а Шнырёв, воспользовавшись моментом, заломил левую за спину.

Несмотря на сопротивление, им удалось оттеснить меня к стене.

— Держи его крепче! — приказал Бос.

— Да держу я! — прохрипел Шнырёв, с трудом удерживая вырывающееся тело.

Люба стояла возле двери.

На её лице застыло выражение тревоги, смешанной с непониманием.

— Кай, что ты делаешь?! — воскликнула она. — Остановись!

Я услышал её голос.

И на мгновение мне показалось, что именно он способен вернуть мне контроль над собственным телом.

— Атаман, хватит, — потребовал я. — Ты обещал не убивать его!

— Да живой он, братан! — раздражённо отозвался тот. — Чего ты разволновался?

— Отдай мне управление!

Но Атаман продолжал сопротивляться.

Ирина тем временем подошла ближе.

В её руке появился небольшой шприц.

— Держите его, — спокойно произнесла она.

Я заметил движение лишь краем глаза.

— Нет! — мысленно выкрикнул я, пытаясь заставить Атамана повернуться.

Однако было поздно.

Ирина приблизилась сбоку и быстрым движением ввела иглу в плечо.

Я почувствовал короткое болезненное прикосновение.

А затем по телу начала распространяться странная тяжесть.

Атаман попытался вырваться ещё раз, но движения постепенно утрачивали прежнюю силу.

— Что за дрянь?.. — недовольно пробормотал он.

Голоса окружающих начали отдаляться.

Я видел, как Люба что-то говорит Ирине, как Бос продол-

жает удерживать меня за плечи, а Шнырёв, тяжело дыша, постепенно ослабляет хватку.

Однако происходящее уже казалось невероятно далёким.

Свет потолочных ламп расплылся.

Стены комнаты отдыха начали медленно растворяться.

Последним, что я услышал, оказался голос Атамана.

— Братан… Походу, нас опять куда-то уносит…

Когда сознание вновь обрело способность воспринимать окружающее пространство, я обнаружил себя в кабинете, который уже успел стать частью моих самых неприятных воспоминаний.

За окном сгущались сумерки, постепенно поглощая очертания соседних зданий, а тусклый свет настольной лампы освещал разложенные медицинские документы и массивный телефонный аппарат, возле которого стоял хирург.

Он разговаривал по телефону.

Причём, судя по напряжённому выражению лица и нервным движениям пальцев, разговор этот доставлял ему значительно больше беспокойства, чем он пытался показать.

— Я же сказал, всё сделано, — раздражённо произнёс врач, крепче прижимая трубку к уху. — Не понимаю, зачем вы снова звоните.

Из телефонной трубки донёсся приглушённый мужской голос.

Я не сразу разобрал слова, однако знакомая самоуверенная интонация заставила меня насторожиться.

Мажор.

— Ты мне лучше скажи, доктор, — послышалось из трубки, — всё прошло так, как мы договаривались?

Хирург оглянулся на закрытую дверь.

— Именно так.

— И никаких неожиданностей?

— Никаких.

На другом конце провода некоторое время молчали.

— А Амок? — наконец спросил мажор. — Он точно ничего не расскажет?

Хирург медленно выдохнул.

— Я уже объяснял вам, что это исключено.

— Мне не нужны твои объяснения. Мне нужна уверенность.

— Можете быть совершенно спокойны.

— Ты ведь понимаешь, что будет, если он очнётся и начнёт болтать?

Врач раздражённо провёл ладонью по лицу.

— Он не очнётся.

Последние слова прозвучали настолько холодно, что я невольно приблизился к столу, хотя прекрасно понимал, что происходящее передо мной не позволяет вмешиваться в события.

— Почему ты так уверен? — продолжал допытываться мажор.

Хирург на мгновение прикрыл глаза.

— Потому что я лично проследил за выполнением нашей договорённости. Пока он находился в коме, его состояние поддерживалось аппаратурой. Теперь в этом больше нет необходимости.

— Ты отключил?

— Да.

Из трубки донёсся короткий смешок.

— Значит, всё-таки решился.

— Вы заплатили за определённый результат, — сухо ответил хирург. — И вы его получили.

— А если кто-нибудь начнёт задавать вопросы?

— В медицинских документах указано, что пациент скончался вследствие осложнений, возникших на фоне тяжёлого состояния. Ничего необычного для подобного случая.

— Хорошо, доктор. Значит, Амок больше никому ничего не расскажет.

— Именно.

Мажор, судя по звуку, удовлетворённо усмехнулся.

— Вот за это я тебе и плачу. Умеешь решать проблемы.

Хирург не ответил.

— Ладно, отдыхай. Деньги получишь, как договаривались.

Раздались короткие гудки.

Врач ещё некоторое время держал трубку возле уха, словно надеялся услышать что-то ещё, после чего медленно положил её на рычаг.

Я смотрел на него, испытывая странное оцепенение.

Теперь всё становилось понятным.

Амок действительно умер.

Однако его смерть не была следствием несчастного случая или осложнений, о которых так уверенно говорил хирург.

Мажор заплатил врачу за то, чтобы человек, способный рассказать о его преступлениях, навсегда замолчал.

И хирург выполнил поручение.

Тот самый человек, который прежде согласился восстановить изуродованный глаз предполагаемого убийцы ребёнка, теперь за очередное вознаграждение лишил собственного пациента жизни.

Меня поразило даже не само преступление, а та обыденность, с которой оба участника разговора обсуждали произошедшее.

Для мажора смерть Амока являлась устранением опасного свидетеля.

Для хирурга — выполнением оплаченной услуги.

И лишь для меня за этими сухими словами скрывалась ещё одна человеческая жизнь, оборванная ради сохранения чужих тайн.

Я невольно вспомнил, как совсем недавно Атаман избивал Амока в комнате отдыха, а я, находясь внутри собственного сознания, пытался остановить его, опасаясь, что наказание превратится в убийство.

Теперь же передо мной находился человек, который со-

вершил именно то, чего я так боялся.

Причём сделал это без ненависти, без ярости и даже без видимого удовольствия.

Исключительно ради денег.

Хирург подошёл к письменному столу, открыл нижний ящик и достал оттуда небольшую пачку документов.

Он принялся перелистывать страницы, внимательно изучая записи, словно пытался убедиться, что ничто не способно выдать совершённое преступление.

Однако закончить ему не удалось.

В дверь постучали.

Врач вздрогнул, поспешно убрал бумаги обратно и, поправив халат, направился к выходу.

— Войдите!

Дверь медленно открылась.

На пороге стоял мужчина, которого я узнал мгновенно.

Отец.

Он выглядел измученным.

Лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, а во взгляде появилось выражение, которого я прежде никогда не замечал.

Это был взгляд человека, потерявшего слишком многое, чтобы продолжать бояться последствий собственных поступков.

Отец вошёл в кабинет и остановился возле письменного стола.

Хирург, ещё недавно разговаривавший с мажором, попытался придать лицу выражение профессионального спокойствия.

— Чем могу помочь?

Отец достал из кармана фотографию и положил её перед врачом.

На снимке был Амок.

— Я хочу поговорить об этом человеке.

Хирург посмотрел на фотографию.

Его лицо едва заметно изменилось.

— Боюсь, я не понимаю, о ком идёт речь.

— Вы оперировали ему глаз.

— За годы практики у меня было множество пациентов.

Отец медленно приблизился к столу.

— Не заставляйте меня повторять.

Врач отвёл взгляд.

— Я не обязан обсуждать с вами сведения о пациентах.

Отец некоторое время молчал.

Затем достал из другого кармана сложенную газету и развернул её перед хирургом.

Я увидел знакомую фотографию Вани.

— А этого мальчика вы помните?

Хирург побледнел.

— Послушайте, я понимаю ваше состояние, но…

— Вы знали, — перебил отец.

В его голосе не было ни крика, ни угрозы.

Именно это спокойствие почему-то показалось мне особенно страшным.

— Вы знали, что человек, которому вы помогли, причастен к убийству моего сына.

Хирург нервно поправил очки.

— Я врач. Моя обязанность заключается в оказании медицинской помощи независимо от обстоятельств.

— Даже если вы знаете, что перед вами убийца ребёнка?

— Я не следователь и не судья.

Отец медленно кивнул.

— Значит, вы просто сделали свою работу?

— Именно.

— И получили за неё деньги?

Хирург промолчал.

— Сколько? — спросил отец.

— Простите?

— Сколько вам заплатили за то, чтобы вы забыли, кому помогаете?

Врач резко выпрямился.

— Я не намерен выслушивать подобные обвинения!

Отец неожиданно ударил ладонью по столу.

Чашка подпрыгнула, расплескав остывший чай.

— СКОЛЬКО?!

Хирург вздрогнул.

Некоторое время он смотрел на отца, после чего медленно опустился в кресло.

— Достаточно, — наконец произнёс он.

Отец закрыл глаза.

Мне показалось, что в этот момент он пытался справиться с чем-то гораздо более страшным, чем обыкновенная ярость.

— Хорошо, — произнёс он после продолжительной паузы. — Я хочу поговорить с Амоком. Где он сейчас?

Хирург заметно напрягся.

— Боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Насколько мне известно, после операции у него возникли серьёзные осложнения. Некоторое время он находился в коме.

Отец внимательно посмотрел на врача.

— Находился?

Хирург отвёл взгляд.

— К сожалению, он скончался.

Я заметил, как изменилось выражение отцовского лица.

— Когда?

— Некоторое время назад.

— От чего?

— Причиной смерти стали осложнения, возникшие на фоне тяжёлого состояния пациента.

Отец медленно приблизился к столу.

— Вы хотите сказать, что человек, которого я столько времени разыскивал, умер в вашей больнице?

— Именно это я и пытаюсь вам объяснить.

— И вы ничего не могли сделать?

Хирург раздражённо выдохнул.

— Медицина не всесильна. Иногда пациенты умирают, несмотря на все предпринятые усилия.

Я наблюдал за врачом, уже зная истинную причину смерти Амока.

Каждое его слово представлялось мне тщательно продуманной ложью.

Он говорил об осложнениях, прекрасно понимая, что именно его собственные действия привели к гибели пациента.

Отец же не слышал телефонного разговора.

Он не знал, что всего несколько минут назад хирург обсуждал с мажором выполненное поручение.

И потому продолжал искать ответы, даже не подозревая, насколько близко находится к разгадке.

— Значит, он умер, — медленно повторил отец.

— Да.

— И теперь мне даже не у кого спросить, что произошло с моим сыном.

Хирург промолчал.

Отец некоторое время смотрел на фотографию Амока, после чего медленно убрал её в карман.

— Тогда скажите мне, кто вам заплатил.

Врач поднял голову.

— Простите?

— Кто привёл к вам Амока и оплатил его лечение?

Хирург молчал.

— Я спрашиваю, кто этот человек?

— Один знакомый пациента.

— Имя.

Врач нервно облизнул губы.

— Его здесь многие знают… Он владеет ночным клубом.

Отец медленно поднял голову.

— Мажор?

Хирург посмотрел на него с неподдельным удивлением.

— Значит, вы уже знаете.

— Теперь знаю, — тихо ответил отец.

В кабинете повисла тяжёлая тишина.

Я наблюдал за происходящим, чувствуя, как постепенно складывается ещё одна часть страшной истории.

Именно здесь отец получил подтверждение того, что за действиями Амока стоял мажор.

Именно этот разговор приблизил его к следующему человеку, которого он считал виновным в гибели Вани.

Однако меня гораздо сильнее беспокоило другое.

Я уже знал, чем закончится эта встреча.

Хирург, словно почувствовав перемену в настроении собеседника, осторожно поднялся.

— Послушайте, я рассказал вам всё, что знаю. Если хотите, можете обратиться в милицию. Но я действительно не имею отношения к смерти вашего сына.

Отец медленно посмотрел на него.

— Не имеете отношения?

— Я всего лишь провёл операцию.

— Вы знали, кого оперируете.

— Это ничего не меняет!

— Для вас, возможно.

Отец опустил руку в карман куртки.

Я почувствовал, как внутри всё похолодело.

Когда его рука вновь появилась, в ней находился пистолет Макарова.

Хирург отступил.

— Что вы делаете?!

Отец не ответил.

— Уберите оружие! Вы же понимаете, что…

— Я многое понял за последнее время, — тихо произнёс отец. — Гораздо больше, чем хотел бы.

Он медленно поднял пистолет.

Хирург попятился к стене.

— Послушайте, я могу вернуть деньги!

Отец едва заметно усмехнулся.

— Деньги?

— Да! Всё, что мне заплатили! Я верну!

На лице отца появилось выражение глубочайшего отвращения.

— Вы действительно думаете, что всё в этом мире можно исправить деньгами?

Хирург попытался что-то ответить, но слова застряли у него в горле.

— Моего сына тоже можно вернуть? — продолжил отец, не опуская оружия. — Сколько это будет стоить?

Врач молчал.

— Назовите цену.

— Я… Я не могу…

— Вот именно.

Отец сделал шаг вперёд.

Я хотел закричать, заставить его остановиться, объяснить, что месть не способна вернуть погибших и что каждый новый выстрел лишь приближает его собственную гибель.

Однако прошлое оставалось равнодушным к моим желаниям.

Я мог только наблюдать.

Хирург прижался спиной к стене.

— Пожалуйста… У меня семья…

Отец замер.

На мгновение мне показалось, что эти слова сумели поколебать его решимость.

Но затем он медленно покачал головой.

— У меня тоже была семья.

Пистолетный выстрел прозвучал оглушительно.

Хирург резко откинулся назад, ударившись плечом о стену, после чего медленно осел на пол.

На белом халате расплывалось пятно крови.

Отец продолжал стоять неподвижно, удерживая оружие перед собой.

Я смотрел на него, не в силах произнести ни слова.

Пятая пуля.

Пятый выстрел из восьми.

Ещё одна человеческая жизнь, оборвавшаяся на пути человека, который когда-то был для меня воплощением справедливости.

Отец медленно опустил пистолет.

В его глазах не было удовлетворения.

Не было облегчения.

Лишь бесконечная усталость и что-то ещё, чему я пока не мог подобрать названия.

Он посмотрел на неподвижного хирурга, затем перевёл взгляд на лежавшую на столе фотографию Вани.

И в этот момент я вдруг понял, насколько опасно близко подошёл к той самой черте, которую отец уже успел переступить.

Ведь совсем недавно, находясь в комнате отдыха, я позволил Атаману избить Амока, оправдывая собственное решение желанием наказать убийцу.

А теперь передо мной стоял человек, который когда-то, вероятно, начинал с точно таких же мыслей.

Разница заключалась лишь в том, что отец больше не останавливался.

Я смотрел на пистолет в его руке, пытаясь предста-

вить, сколько ещё человеческих судеб окажется разрушено прежде, чем закончится эта страшная история.

И впервые за всё время своих путешествий в прошлое почувствовал, что боюсь не столько увиденного, сколько того, кем постепенно становлюсь сам.

Потому что теперь я слишком хорошо понимал отца.

И именно это пугало меня сильнее всего.

Э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.